

УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)

АЛЬМАНАХ

МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Выпуск 12

Санкт-Петербург, 2022

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АЛЬМАНАХ

МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Выпуск 12

Санкт-Петербург
2022

УДК 34(05)
ББК 67я5
А57

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. В. ЕЛАГИНА, кандидат юридических наук, доцент
(главный редактор)

М. Н. КУСТОВ
(заместитель главного редактора)

Н. Е. БОГДАНОВ
(ответственный секретарь)

Ю. М. БОБРОВА, О. А. ГУРЕЕВА,
А. В. ЗАРУБИН, И. Б. ЛОМАКИНА

Под общей редакцией

заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
старшего советника юстиции, кандидата юридических наук, доцента

А. А. САПОЖКОВА

Статьи печатаются в редакции авторов

E-mail: almanakh2016@mail.ru

Альманах молодого исследователя / под общ. ред. А. А. Сапожкова. —
А57 Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. — Вып. 12.
— 1 CD-R (16,5 Мб). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и бо-
лее; 512 Мб и более; CD/DVD-ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше;
SVGA 800×600.16 bit и более; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл.
с экрана. — ISBN 978-5-6046569-6-9. — Текст : электронный.

Подписано к использованию 13.05.2022.

Печ. л. 29,6. Тираж 15 экз. Заказ 7/22.

1 электрон. опт. диск (CD-R). 16,5 Мб.

© Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	6
Бисултанов Д.Ш. Судебный прецедент в романо-германской правовой системе	—
Богданов Н.Е. Социология права: история и современность	10
Боровцов И.В. Метафора культуры: субъективность, коммуникация и право	14
Гладковская А.О. Соотношение судебного прецедента и расширительного толкования норм права	17
Глуздак Г.Н. К вопросу о понимании законности	19
Доценко А.С. Реализация права с точки зрения социологического подхода	22
Иванова К.А. Проблемные вопросы классификации государственных органов	26
Кочевинцов С.Ю. Концепция дуализма Макиавелли или его государственно-правовые взгляды	30
Леонтьев Е.М. Правосознание как феномен восприятия действительности	32
Матвеев Д.В. Перспективы прагматического подхода в социологии права	35
Мурзина В.А. Критерии легитимности государственной власти	39
Науметов Л.Ф. Республика как форма правления	43
Стогова С.А. Проблема признания судебной практики в качестве источника современного российского права	46
Шкинцова А.А. Бессознательное в механизме индивидуального противоправного поведения	49
Ясеновская Е.А. Историческая реконструкция процесса по делу Веры Засулич	53
II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	58
Коротченкова М.В. Проблемы правового регулирования невзаимозаменяемых токенов (NFT)	—
Кульпин А.А., Киреева А.В. Мировое соглашение как реализация принципа диспозитивности в гражданском процессе: вопросы теории и практики ...	61
Масолкина В.А. Актуальные проблемы правового регулирования отдельных договоров кредитных организаций в Российской Федерации	65
Нилова Ю.М. Соотношение потребительского и публичного договоров в отечественном гражданском праве	69
Онучина С.Л. Личный фонд: перспективы введения в Гражданский кодекс Российской Федерации	72
III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ	77
Васильченко В.Н. Means rea в неоконченных преступлениях уголовного права США и Великобритании	—

Кочеткова К.П. Проблемы определения признаков состава преступления «массовые беспорядки» при квалификации деяния	83
Кублякова Д.М., Туева Д.В. Уголовные последствия признания религиозной организации незаконной или нежелательной	87
IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ	90
Бадзгарадзе Г.Д. Использование программного обеспечения для удаленного контроля компьютера с технологией виртуальной частной сети (Virtual Private Network) в целях обеспечения сокрытия следов мошенничества, совершенного с использованием информационных технологий	—
Рохина В.В., Лукин А.Д. О некоторых аспектах процессуального положения несовершеннолетних в уголовном процессе	94
Лустач К.Д. Неотложные следственные действия: понятие и проблемы правового регулирования	99
Матвеева А.М. О некоторых особенностях изучения и оценки прокурором протоколов следственных действий	103
Отченаш А.Ю. К вопросу о понятии «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве	107
Сильвенюнен Т.К. К вопросу о преодолении государственным обвинителем препятствий для вынесения обоснованного вердикта присяжными заседателями	110
Склярченко Д.В. Актуальные проблемы участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства	115
Тимофеев Д.Ф. К вопросу о подсудности дел суду присяжных	117
V. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО	121
Богданов Н.Е., Лемехов С.В. Отдельные вопросы прокурорского надзора за исполнением трудовых прав граждан	—
Ворышева К.В. Правовое регулирование прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних, отбывающих наказание	124
Михайлова А.Д. О необходимости участия прокурора в делах об изъятии единственного жилья	127
Трусова К.А. Цель и задачи прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции	131
Эпов И.С. Особенности применения предостережения как меры прокурорского реагирования в целях противодействия экстремизму	134
VI. КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	138
Абибулаева К.А., Власова М.В. Нужен ли России суд присяжных?	—
Анцлогова Е.А., Красивенкова Д.М. Эволюция прав человека в условиях внедрения цифровизации и искусственного интеллекта	142
Ершова П.А. Конституционное право на жилище: теория и практика	146

Замуруев А.А. Конституционная реформа 2020 г. и место Президента Российской Федерации в системе разделения властей	150
Калиничев Е.С. Конституция Китайской Народной Республики как азиатская конституция нового типа	153
Карцов П.А. Участие прокуратуры в нормотворческой деятельности: методологический аспект	156
Лихоманова Я.Ю. Конституционно-правовая ответственность: некоторые вопросы теории	161
Павленко А.А. Донорство несовершеннолетних, достигших возраста 16 лет, в отношении своего младшего брата (сестры): критерии допустимости	165
Сергеева Д.Д. Место решений Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников российского права	170
Сынков В.В. Место и роль ЕКПЧ в правовой системе современной России	174
Чернобровин М.А., Смирнова Ю.А. Причины упразднения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации	179
VII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА	184
Ботенко А.О. Особенности и актуальные проблемы реализации отдельных полномочий органами местного самоуправления	—
Габимова Э.Г., Сушкина В.В. Новеллы законодательства об обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия населения и охране окружающей среды в условиях пандемии	187
Жесткова Е.С. Отдельные аспекты реформирования местного самоуправления	193
Кулешова Д.А. Проблема отказа публично-правовых образований от межбюджетных трансфертов: рестрикции или льготы?	196
Кульпина Е.А. К вопросу об определении понятия «правоохранительные органы Российской Федерации»	201
Мельников Д.Д. Понятие и сущность доказательств в административном процессе	203
Никитина А.Д. Современные особенности государственного регулирования земельного надзора в Российской Федерации	206
Полякова О.В. Актуальные проблемы регулирования раздельного сбора отходов в Российской Федерации	210
Роганова Д.С. К вопросу об экологическом контроле (надзоре) в Российской Федерации	214
Сарапкин В.А. Проблемы развития местного самоуправления в Российской Федерации	218
Степина М.А. Административная поддержка малого и среднего предпринимательства	222
Фонарева Д.В. Особенности правового режима водоохранных зон и прибрежных защитных полос водных объектов	225
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ	230
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ	231
XIII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ «Актуальные проблемы государства, права и экономики» (к 300-летию российской прокуратуры)	232

I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научная статья
УДК 340.5

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Дени Ширваниевич БИСУЛТАНОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
deni.bisultanov.2014@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. Со второй половины XX века всё больший интерес у учёных возникает к вопросу о наличии или отсутствии такого не характерного для романо-германской правовой системы источника права, как судебный прецедент. В данной статье будет подниматься дискуссионный вопрос о роли и значении судебного прецедента в странах романо-германской правовой системы.

Ключевые слова: источник права, судебный прецедент, общее право, романо-германская правовая система, англосаксонская правовая система

JUDICIAL PRECEDENT IN THE ROMAN-GERMAN LEGAL SYSTEM

Deni Sh. BISULTANOV

St. Petersburg Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
deni.bisultanov.2014@mail.ru

Scientific adviser — Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, **I. L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. Since the second half of the 20th century, scientists have become increasingly interested in the question of the presence or absence of such a source of law, uncharacteristic for the Romano-Germanic system, as a judicial precedent. This article will raise a debatable question about the role and judicial precedent in the countries of the Romano-Germanic judicial system.

Keywords: source of law, judicial precedent, common law, Romano-Germanic legal system, Anglo-Saxon legal system

Рассмотрение данного вопроса следует начать с характеристики двух основных европейских правовых систем: англосаксонской и романо-германской.

Англосаксонская правовая система является одной из наиболее распространённых правовых систем в современном мире. Данную правовую систему также именуют системой общего права. В состав системы общего права входят страны: Великобритания, Ирландия, Австралия, Новая Зеландия, США, Канада и другие страны, которые когда-то находились в зоне влияния Британской империи. Стоит отме-

тять, что, согласно наблюдениям Рене Давида, в самой Великобритании данная правовая система прочно укоренилась только в Англии и Уэльсе, в то время как в Шотландии, Северной Ирландии, островах Ла-Манша и на острове Мэн сложились свои уникальные правовые системы, соединяющие в себе черты англосаксонской и романо-германской правовых систем в совокупности с местными традициями и обычаями [1, с. 258].

Характерной чертой англосаксонской правовой системы является отсутствие чёткого деления права на отрасли, а также меньшая кодифицированность законодательства. Основным источником права является судебный прецедент. Источниками права также являются законы (статуты), правовые обычаи и правовые доктрины. Правовое регулирование строится на юридической практике. Такой подход делает нормы права в данной правовой системе более гибкими и менее абстрактными, чем нормы права в романо-германской системе, а также придаёт праву в целом большую казуистичность и меньшую определённость.

Наряду с англосаксонской правовой системой романо-германская правовая система является одной из наиболее распространённых в мире. При этом в континентальной Европе данная правовая система получила большее распространение, нежели система общего права, которая распространена преимущественно на Британских островах и бывших британских владениях. К романо-германской правовой системе относятся те страны, в которых юридическая наука сложилась на основе римского права. Данную правовую систему составляют: Франция, Германия, Италия, Россия и другие страны континентальной Европы, а также ряд стран Латинской Америки, Африки и Азии.

Процесс распространения римского права в континентальной Европе, продолжавшийся с момента падения Рима, а в XI-XII веках в связи с развитием экономических отношений и появлением университетского (юридического) образования перешедший на качественно иной уровень, называется рецепцией римского права. При этом рецепции, согласно российскому правоведам начала XX века Покровскому И. А., подверглось только римское частное право, в то время как римское публичное право исчезло вместе с падением Рима [2, с. 204-209].

Основным источником права в романо-германской правовой системе является закон (нормативный правовой акт). Также важной юридической силой обладают конституция, конституционные законы, кодексы, нормы международного права, подзаконные акты и др. При этом отличительной чертой правовых систем стран, принадлежащих к романо-германской, является обязательное наличие писаной конституции; все страны, входящие в состав романо-германской правовой системы, являются странами писаного права, что значительно отличает их от стран англосаксонской правовой системы. Нормы права значительно более абстрактны по сравнению с нормами правами в системе общего права. Существует чёткое разделение права на отрасли, а также деление права на частное и публичное.

Таким образом, в рассматриваемых правовых системах важнейшей отличительной чертой, которая представляет интерес для данной статьи, является различие в основных источниках права. В англосаксонской правовой системе основным источником права является судебный прецедент, в то время как в романо-германской – нормативный правовой акт. Однако со второй половины XX века, по мнению советского и российского учёного-правоведа Марченко М. Н., которое изложено в его труде «Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права», наблюдается тенденция сближения двух правовых систем по причине начала процесса глобализации, в результате чего замечается появление не характерных для данных правовых систем источников права [3, с. 11]. В частности, в последние десятилетия у учёных возник интерес к вопросу о роли и значении судебного прецедента в романо-германской правовой системе.

Для начала стоит сказать, почему вообще в странах романо-германской правовой системы судебный прецедент получил меньшее распространение, чем в странах общего права. Причина кроется в различии судебных систем стран, принадлежащих к двум основным европейским правовым системам. На примере судебных систем Англии и Франции Марченко М. Н. в своём труде «Источники права» выделил следующие причины [4, с. 504-505]:

во Франции судьи изначально опирались на нормы римского права, которые успели там укорениться ещё со времён Римской империи и королевств Средневековья, а впоследствии и на кодексы наполеоновской эпохи, в то время как судебный прецедент не играл существенной роли. Иное дело обстояло в Англии, где римское право не распространилось, поэтому английские судьи одновременно с вынесением судебных решений становились субъектами правотворчества;

централизованная судебная система Англии способствовала принятию единообразных решений по тем или иным делам, в то время как децентрализованная судебная система во Франции препятствовала развитию доктрины прецедента;

далеко не одинаковое положение судей в этих странах. Несмотря на то, что судейский корпус во Франции являлся более многочисленным по сравнению с аналогичной структурой в Англии, он уступал последней по ряду показателей. Например, в Англии судебная система традиционно пополнялась за счёт высококвалифицированных адвокатов, в то время как во Франции судьи в основном пополнялись из числа менее квалифицированных гражданских чиновников.

Исходя из вышеперечисленных, а также учитывая ещё ряд других факторов, таких как, например, географическое положение, становится довольно ясно, что в странах континентального права практически не было предпосылок для формирования прецедентного права. Однако во второй половине XX века, как упоминалось ранее, ситуация значительно изменилась. Доцент кафедры теории и истории государства и права МГИМО Трикоз Е. Н. считает, что именно со второй половины XX века наблюдается процесс становления единой западной правовой системы, которая обособляется вследствие юридической конвергенции, глобализации, встречных правовых рецепций и прекращения «противостояния» романо-германской правовой системы и системы общего права [5, с. 91-93]. Это «слияние» западных правовых систем как раз-таки и характеризуется появлением в странах романо-германской правовой системы нового источника права – судебного прецедента.

Особенностью судебного прецедента в странах романо-германской правовой системы является её вторичный по сравнению с нормативным правовым актом характер. Деление источников романо-германского права на первичные и вторичные является весьма распространённой их классификацией.

Наиболее устоявшейся классификацией источников права на первичные и вторичные является та, согласно которой к первичным источникам права относятся все без исключения нормативные правовые акты, на вершине иерархии которых находятся законы, а также обычаи, из которых складывается обычное право. Соответственно ко вторичным источникам права относятся судебные прецеденты, правовые доктрины и другие неформальные источники права.

Существует и другая особенность судебного прецедента в романо-германской правовой системе. В странах, в которых юридическая сила и нормативный характер судебных решений не только признаются, но и обеспечиваются в законодательном порядке, создаются весьма благоприятные условия для формирования прецедентного права. В числе таких стран можно выделить, например, Испанию, где официально признаётся роль судебной практики. Последняя, будучи основанной на ряде решений Верховного суда Испании, формирует «общую правовую доктрину». Нарушение её, согласно закону, является одним из важнейших оснований для обжалования судебных решений в Верховный Суд.

Также к странам, официально признающим прецедент как источник права, относится Швейцария. Статья I Гражданского кодекса Швейцарии гласит: «1. Право должно применяться во всех без исключения случаях, исходя из буквы и духа содержащихся в нём положений; 2. При отсутствии подходящего положения судья принимает решение в соответствии с обычным правом, а при отсутствии обычного права – в соответствии с нормой, которую он установил бы как законодатель; 3. При этом в соответствии с создаваемыми им нормами и относительно их судья действует так, как если бы он сам был законодателем». В процессе осуществления такого рода деятельности судья не должен выходить за рамки, установленные признанными правовыми доктринами и нормами прецедентного права. Законодательное закрепление и обеспечение наряду с правоприменительной и правотворческой деятельностью судов Швейцарии, Испании и некоторых других стран романо-германского правовой системы создают важнейшие предпосылки не только для формирования в рамках их правовых систем общей концепции прецедента, но и для создания единообразной практики их судебного применения.

И наоборот. Отсутствие законодательного закрепления и обеспечения места и роли прецедентов в системе других источников романо-германского права, законодательное «умолчание» о них или же формальный юридический запрет правотворческой деятельности судов в тех или иных странах отнюдь не способствуют осознанию реальной значимости прецедентов и обобщению соответствующей правотворческой и правоприменительной практики судов.

Так обстоит дело, например, в Германии, где судебное право формально не признаётся сколько-нибудь значащим источником права, но в действительности суды в Германии играют весьма значимую роль интерпретатора правовых норм и источника их формирования и развития. Пределы реальной правотворческой, правоприменительной и интерпретационной деятельности судов являются решающим фактором в определениях того, является ли судебное решение в настоящее время источником права или же не является таковым.

Аналогичная ситуация сложилась и в правовой системе Дании, где не только обычные суды не связаны прецедентами, но и даже Верховный Суд не связан своими ранее принятыми решениями. Тем не менее судебные решения в этой стране имеют значительный вес, особенно если они исходят от Верховного Суда.

Ситуация, при которой прецедент законодательно не закреплён и формально не признаётся, а фактически существует и применяется, является довольно типичной не только для Германии и Дании, но и для ряда других стран континентальной правовой системы. Например, для Греции, где формально роль судебных решений сводится лишь к толкованию законов, а законодательная функция осуществляется парламентом и другими государственными органами. Соответственно в формальном плане судебные решения не рассматриваются в качестве источника права.

Однако на практике всё выглядит далеко не так. Например, в правовой системе всё той же Греции фактически действует прецедентное право. Это проявляется, с одной стороны, в том, что Верховный Суд страны принимает весьма нужные по своему характеру решения, фактически приравняемые к прецеденту, а с другой – в том, что в своей деятельности нижестоящие суды Греции к решениям вышестоящих судов обычно приспособляются, хотя юридически они никак не связаны этими решениями.

Аналогичная ситуация, когда судебный прецедент формально не признаётся, а фактически существует и реализуется, свойственна также Италии, Норвегии, Финляндии, Швеции, Нидерландам и другим странам романо-германской правовой системы.

Подводя итог, можно сказать, что судебные прецеденты в ряде стран романо-германской правовой системы являются вторичными по сравнению с законами и обычаями источниками права, которые принимаются судьями к сведению лишь

в том случае, если существующие нормативные правовые акты не могут в полной мере разрешить возникшую проблемную ситуацию, а также рассматриваются они зачастую в виде неофициальных источников права.

Список источников

1. Давид Р. Основные правовые системы современности : [пер. с фр.] / Рене Давид, Камилла Жоффе-Спинози. – Москва : Международные отношения, 2009. – 453 с.
2. Покровский И.А. История римского права. § 45. Рецепция римского права. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1524230045#001> – С. 204-209.
3. Марченко М. Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sudebnogo-pretседenta-v-sisteme-romano-germanskogo-prava> – С. 11.
4. Марченко М.Н. Источники права : учебное пособие / М. Н. Марченко ; Московский государственный ун-т имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет. – Москва : Проспект, 2017. – 759 с.
5. Трикоз Е.Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/f3c/gibridnye-pravovye-sistemy-i-ih-mesto-v-smeshannom-pravovom-semejstve.pdf> – С. 91-93.

Информация об авторах

Д.Ш. БИСУЛТАНОВ — студент 1 курса.

Information about authors

D.Sh. BISULTANOV — 1st year student.

Научная статья
УДК 340.1

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Никита Евгеньевич БОГДАНОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
nik.bogdanow@outlook.com

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Ирина Борисовна ЛОМАКИНА**, lomakina7311@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена одному из классических типов правопонимания – социологии права. Автор акцентирует внимание на историко-правовом аспекте социологической школы, анализирует основные положения. Также затрагивается современное состояние, отмечаются актуальность и важность, положительные и отрицательные стороны.

Ключевые слова: право, тип правопонимания, социологический тип правопонимания, социология права, социологическая концепция

SOCIOLOGY OF LAW: HISTORY AND MODERNITY

Nikita E. BOGDANOV

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
nik.bogdanow@outlook.com

Scientific adviser – Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, **I. B. Lomakina**, lomakina7311@gmail.com

Abstract. The article is devoted to one of the classical types of legal understanding – the sociology of law. The author focuses on the historical and legal aspect of the sociological school, analyzes the main provisions. The current state is also touched upon, the relevance and importance, positive and negative sides are noted.

Keywords: law, type of legal understanding, sociological type of legal understanding, sociology of law, sociological concept

На сегодняшний день существуют различные концепции того, как нужно понимать право. Они формировались на протяжении большого периода времени, аккумулируя представления, знания, оценки и образы о праве. Однако автор акцентирует внимание на одном из классических типов правопонимания – социологической концепции.

По справедливому замечанию В.В. Припечкина [1, с. 121], довольно значительные философские идеи предшествовали трудам Э. Дюркгейма, О. Эрлиха и М. Вебера (также др. социологов), в которых происходило становление и развитие социологии права. Следует отметить позицию ряда правоведов, согласно которой к предшественникам теории социологического подхода к пониманию права следует относить Платона, сформировавшего идею о необходимости существования разумных и справедливых законов. Не менее значимый вклад в основу идей социологии права внес Аристотель, который не только ввел понятие «политическая справедливость», но и полагал, что справедливость – важнейшая черта закона. Также Аристотель отводил особое место институтам частного права, проводя исследования по соответствующим вопросам.

В конце XVII в. уже Дж. Локк отмечал важность господства в государстве справедливого закона, в котором естественным правам и свободам человека должен отводиться приоритет (договорная теория государства). Гарантом естественных прав и свобод выступает разделение на три основные ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную, являющимися независимыми и самостоятельными институтами власти. Позже принцип разделения властей обосновал и логически завершил Ш.Л. Монтескье, изложив свои идеи в трактате «О духе законов».

Кроме того, философские начала социологии права, в том числе политико-правовые аспекты, нашли свое отражение в трудах Вольтера, полагавшего, что в формировании права значительную роль играет человек и его воля; в трудах Ж.Ж. Руссо, считавшего, что права и нормы права следует различать, поскольку последние отражают интерес законодателя, его волю. Однако, по мнению автора, с Ж.Ж. Руссо следует в чем-то не согласиться, так как права, проистекаемые из естественной природы человека, закрепляются в нормах права, чем, соответственно, обеспечиваются – силой закона государства. Вместе с тем, нормы права или закон должны реагировать на социальные изменения, отвечать современному времени и его требованиям.

Не менее важные положения предыстории философских идей социологической теории права (во многом заключительные) были внесены представителями Классической немецкой философии. В частности, И. Кантом, который широко проанализировал естественное право и указывал, что право в целом, обладая высшей властью, должно основываться на принципе свободы каждого человека, равенстве всех людей и их самостоятельности как членов гражданского общества. Другим представителем Классической немецкой философии, внесшим вклад в развитие философских идей как социологии права, так и философии права в целом, был Г.В. Гегель. Согласно его взглядам система права – это царство реализованной свободы, мир духа и его вторая природа.

Следует отметить, что значительная философская предыстория права свидетельствует о разработанности фундаментальных вопросов о происхождении права, его природе и сущности. На основе этого, в свою очередь, формируются основные этапы истории социологии права, в рамках которых последняя содержательно развивалась.

Становление социологии права, как представляется, происходило под влиянием исторической школы права, среди представителей которой следует выделить Ф.К. Савиньи, Г. Гуго и Г.Ф. Пухту. Теоретики данной школы права полагали, что нет права вообще, а есть исторически сложившееся право того или иного народа. Во многом этому способствовали воззрения Ш.Л. Монтескье, полагавшего, что правовые установки одной нации совершенно случайно могут быть пригодны для другой. Иными словами, право по своей сути ментально и отражает особенности, традиции и обычаи того народа, в котором действует. Кроме того, влияние на представителей исторической школы права оказывали идеи Г. Лейбница, Ф. Шеллинга, И. Гердера, И. Канта и Г. Гегеля [1, с. 354].

Не менее важными и интересными представляются идеи Р. Иеринга, разделявшего взгляды Ф. Савиньи и Г. Пухты относительно «национальной» обусловленности права. В дальнейшем Р. Иеринг корректирует свои взгляды, полностью отвергая идеи представителей исторической школы права и стремясь дать государству и праву социологическое обоснование. Под этим влиянием формируется новый взгляд, согласно которому право есть неустанная работа, и работа не только государства, но и всего народа. В этой связи, в соответствии с идеями Р. Иеринга, необходимо отметить доминирующую роль жизни общества в определении права, где формальная сторона – производная от его содержания [5, с. 48].

Становление и появление социологии права как самостоятельной науки связано с именем выдающегося австрийского социолога права О. Эрлиха и его трудом «Основоположение социологии права», с помощью которого социология права была обоснована как дисциплина о праве. Однако следует заметить, что «Основоположение социологии права» систематизирует уже ранее опубликованные размышления О. Эрлиха в таких трудах как «Негласное волеизъявление» и «Свободное нахождение права и свободное правоведение», тем самым, не являясь чем-то новым и эволюционным во взглядах автора.

Как отмечал О. Эрлих, социология права должна основываться на наблюдении, включая в свой предмет изучения все социальные «силы», ведущие к образованию права. Автор справедливо указывает на необходимость включения в предмет социологии права исторических и этнологических аспектов, способствующих познанию и объяснению «правовых предложений» [7, с. 476-468]. В конечном счете и этнологические аспекты преобразуются в исторические, поскольку право любого народа соответствует определенному этапу развития. В этой связи возрастает значение исторических аспектов или истории права, которая «снабжает» материалы социологию права.

Полагаем необходимым отметить вклад, который внес О. Эрлих в обоснование «живого права» в социологическом типе правопонимания. Центр тяжести развития права, согласно воззрениям австрийского социолога, не в самих нормативных правовых актах или судебной практике, а в обществе и его развитии. Нельзя не согласиться с тем положением, что право и его эволюция напрямую связаны с социумом. Интересным представляется положение учения О. Эрлиха, в соответствии с которым «живой» нормой права следует признавать все, что является частью жизни, поскольку, как было отмечено, право – явление общественное, а значит, чтобы понять, что есть право – нужно изучить общество.

Не менее значимый вклад в развитие социологического типа правопонимания внесли русские социологи, способствовавшие становлению и развитию социологии права в России. Активную разработку социологического подхода к праву в России осуществляли С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, И.А. Ильин, Н.И. Кареев, Б.А. Кистяковский, Л.И. Петражицкий. Кроме того, советские и российские правоведы Ю.И. Гревцов, В.В. Лапаева, В.П. Казимирчук и др.

Затрагивая современный этап состояния социологии права, необходимо подчеркнуть, что в классическом варианте социологический подход подразделяется на позитивистский, представителями которого являлись О. Эрлих, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, К. Левеллин, Р. Паунд и др.; и на диалектический подход, представленный Б. Пашуканисом, И. Разумовским, С.И. Аскназием, Л.И. Спиридоновым. Однако с начала по конец XX в. теоретическая база социологии права значительно дополняется социально-правовыми исследованиями и разрабатывается четырьмя научными школами: социолого-институциональной, прагматической, реалистической и эмпирической [4, с. 125].

По мнению автора, в XIX в. на основе огромного предшествующего материала формируется третий классический тип правопонимания, согласно которому право – социальный феномен, реагирующий на изменения в социуме и отвечающий его требованиям (согласованность с обычаями). Следует отметить, что из всех типов классического правопонимания социология права, как отмечает И.Л. Честнов [6, с. 9], является наиболее обоснованным подходом. Однако, по справедливому замечанию А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной [3, с. 48-49], ни одна из классических теорий права не является самодостаточной, то есть не способна ответить на все вопросы правовой науки. В частности, социология права, акцентируя внимание на действии правовых норм в обществе, в конечном счете свела право к системе правовых отношений, при этом исключив самих участников этих правоотношений. Следует согласиться со многими авторами в том, что на современном этапе синтез классических подходов к пониманию права формирует новые, неклассические представления о том, как нужно понимать право.

Список источников

1. История политических и правовых учений : учебник / под. ред. М.Н. Марченко. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 656 с.
2. Масловская Е.В., Масловский М.В. Социологические теории права / Е.В. Масловская, М.В. Масловский // Социологический журнал. – 2005. – № 1. – С. 5-20.
3. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. Учебник. 2-е изд. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2015. – 472 с.
4. Припечкин В.В. История формирования социологического подхода к праву / В.В. Припечкин // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 121-131.
5. Серикова С.В. Социология права Е. Эрлиха / С.В. Серикова // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 6 (71). – С. 47-50.
6. Честнов И.Л. Теория государства и права : учебное пособие. Ч. 2. Теория права / И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 116 с.
7. Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова; Под. ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. – Санкт-Петербург : ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. – 704 с.

Информация об авторах

Н.Е. БОГДАНОВ – студент 4 курса.

Information about authors

N.E. BOGDANOV – 4st year student.

Научная статья
УДК 340.11

МЕТАФОРА КУЛЬТУРЫ: СУБЪЕКТИВНОСТЬ, КОММУНИКАЦИЯ И ПРАВО

Илья Владимирович БОРОВЦОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
IlyaBorovtsov@yandex.ru

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Ирина Борисовна ЛОМАКИНА**, lomakina7311@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается идея культуры и ее исток – метафора культуры, из которой посредством семантической экспликации выводится значение культуры для развития субъективности. Предпринимается попытка определить культуру как колебание между подчинением свободой и тем самым ухватить правовую культуру в качестве опосредования, объясняющего, как высказывания субъектов коммуникации могут воздействовать на их юридическую практику.

Ключевые слова: метафора, идея культуры, правовая культура, культурная логика, субъективность, коммуникация

METAPHOR OF CULTURE: SUBJECTIVITY, COMMUNICATION AND LAW

Ilya V. BOROVTSOV

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
IlyaBorovtsov@yandex.ru

Scientific adviser – Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, **I. B. Lomakina**, lomakina7311@gmail.com

Abstract. The article deals with the idea of culture and its origin – the metaphor of culture, from which, through semantic explication, the significance of culture for the development of subjectivity is derived. An attempt is made to define culture as a fluctuation between submission to freedom and thereby grasp legal culture as an intermediary explaining how the statements of the subjects of communication can affect their legal practice.

Keywords: metaphor, idea of culture, legal culture, cultural logic, subjectivity, communication

Термин «культура» является метафорой, произошедшей от материального процесса культивирования [1, с. 8]. Самая изысканная человеческая деятельность – искусство, творчество, развитие духа – именуется так же, как и обработка почвы, ее рыхление с помощью плуга, обладающего режущей частью – сошником или кольтером (от англ. coulter – «плужный резец» [2, с. 314]). Ученому, открывшему неизвестное явление, требуется его назвать. «Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятным, ученый выбирает такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется» – пишет Х. Ортега-и-Гассет [3, с. 69]. То, что в культивировании наводит на понятие культуры, оказывается заботой о земле, ее удобрением и изъятием сорняков. Эта забота атрибутируется, переносится (от др.-греч. *μετα* – «над» и *φορος* – «несущий») на некое развитие духа, развитие субъективности, философскую практику заботы о себе (*epimeleia heautou* – в практиках древних греков [4, с. 29]). Однако метафора содержит не только утверждение подо-

бия, но и его отрицание. «Тезис о наличии в глубинной структуре метафоры отрицания – настаивает А. Вежбицкая – представляется мне исключительно важным, поскольку его принятие означает признание того, что метафору можно понять и что можно описать ее смысл явным образом» [3, с. 147]. Семантическая экспликация метафоры культуры – «можно сказать, что это не развитие субъективности, а культивирование» – предполагает, что развитие субъективности и культивирование противопоставлены. Да, субъект не почва, а воздействие на него непохоже на земледелие, но чем они действительно различаются и какое значение это различие имеет для правовой субъективности?

Субъективность культивируется, когда человек занимается собой, пытаясь освободиться от прежнего себя. Освобождение возможно через двухэтапное осознание собственной культуры. На первом этапе производится номинация себя как субъекта культуры, которая одновременно является номинацией этой культуры – происходит декларация самости, что означает еще и признание пока не оспариваемого права на нее. Второй этап состоит в рефлексии номинированной культуры, в ходе которой критика культуры осуществляется ее же средствами и сопрягается с релятивизацией образа жизни. В этой процедуре человек перестает быть прежним. Хотя и не изменяясь полностью, он становится субъектом иной культуры. Земледельческие угодья возделываются год за годом, но с точки зрения древнего землепашца, к моменту посева подготовленная почва ничем не отличается от той, что была на этом месте в прошлый сезон. Ему этот процесс представляется циклом, тогда как субъект культуры обнаруживает себя в процессе становления и освобождения. Это становление отличает субъективность от вспаханного поля. Но субъект, расчищающий пространство субъективности от предрассудков, вынужден еще и отречься от некоторых составляющих своего этоса, а значит – пересмотреть правила поведения, которыми прежде руководствовался. Он колеблется между подчинением и свободой. «Тот, кто полностью освобожден от культурных условностей, – заявляет Т. Иглтон – не более свободен, чем тот, кто является их рабом» [1, с. 12]. В тот момент, когда субъект задается вопросом справедливости переопределяемых правил, сама культура являет себя как колебание между подчинением и свободой, как правовая культура. Освобожденное пространство субъективности превращается в творческую потенцию, готовность субъекта интерпретировать, квалифицировать, означивать и, следуя правилу, переизобретать его в каждом акте следования. «Следование правилу не похоже на подчинение физическому закону, поскольку включает в себя творческое применение указанного правила» [1, с. 12] – здесь правовая культура предстает попыткой ухватить культуру на границе регулируемого и неуправляемого.

Подобное переопределение, однако, не состоится, если субъект обособлен: «на самом деле, – согласно М. Фуко – заботиться о себе, заниматься собой, *epimeleisthai heautou*, можно лишь при том условии, что тебе помогает кто-то другой» [4, с. 32]. Поскольку взаимодействие с «Другим» теперь выступает культурным обменом, передача текстов в процессе него выглядит как изобразительная динамика культуры, в то время как сама она «оказывается конфигурацией (культурных) текстов в отношениях взаимообмена» [5, с. 8]. Мир культуры становится миром интерсубъективной коммуникации, в ходе которой субъект, пересмотревший свою культуру, начинает вести себя иначе, так как культура конституирует новый образ его действия, становясь опосредованием между высказыванием Другого и приданием субъектом иных смыслов прежним знакам. Чем руководствуется адвокат, утверждающий, что подсудимого следует оправдать? Что в его речи действительно влияет на присяжных заседателей? Исходя из чего судья выбирает способ толкования? Правовая культура, выступая в качестве этого опосредования, объясняет, как событие высказывания может воздействовать на бытие субъекта в правовом контексте, то есть на юридическую практику.

«Культура – это неявные знания мира, при помощи которых люди вырабатывают образ действий, подходящий в тех или иных особых контекстах. Подобно фронезису у Аристотеля, это скорее знание-как, а не знание-почему, набор молчаливых убеждений или практических советов, противопоставленный теоретической разметке реальности» [1, с. 57]. Неявными они остаются, пока не произведена их экспликация: для этого необходимо «составить карту современных культурных предпочтений и того, что создается сегодня в сфере искусства, описывая сделанные открытия понятным для всех и соответствующим историческому моменту языком» [6, с. 8] – так улавливаются те структуры и чувства, что образуют культурную логику [7, с. 362]. С точки зрения права каждая культурная логика является системой «ценностей, мотиваций, интенций и экспектаций» [8, с. 14], задающей содержательные характеристики юридическим практикам многообразных и разнородных культурных миров. «Человечество – пишет И. Б. Ломакина – существует как множество разных культур, каждая из которых включает в себя образцы поведения, обычаи, традиции, нормы, стереотипы мышления, в совокупности представляющие определенный аспект человеческого существования как индивидуального, так и коллективного существа, органично вписанного в коллективные структуры и неотделимого от них» [9, с. 84]. Спустя тысячи лет, прошедшие со времени первого осмысления человеком собственной культуры, он все еще возделывает культурные поля, учреждает новые правила, продолжает упорядочивать свою жизнь и жизнь общества – он продолжает искать себя.

Список источников

1. Иглтон, Т. Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнareвой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 192 с. (Исследования культуры) ISBN 978-5- 7598-0838-1.
2. Большой англо-русский словарь: в 2-х т. Ок. 150000 слов Т. 1. А - L / сост. Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин и др.; под общ. рук. И. Р. Гальперина. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1979. 824 с.
3. Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с. ISBN 5-01-001599-4.
4. Фуко, М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982 - 1983) / Мишель Фуко; пер. с фр. Д. Краlechкина; под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 384 с. ISBN 978-5-85006-155-5.
5. Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с. (Интеллектуальная история) ISBN 978-5-4448-0683-8.
6. Метамодеpнизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодеpнизма / Р. ван ден Аккер; пер. с англ. В. М. Лишки; вступит. ст. А. В. Павлова. М.: РИПОЛ классик, 2020. 342 с. (KAIROS) ISBN 978-5-386-13620-8.
7. Павлов, А. В. Философия культуры в постпостмодеpнизме: критический анализ: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.13. М., 2019. 447 с.
8. Культуральные исследования права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетей, 2018. 466 с. (Толкование источников права) ISBN 978-5-907030-28-2.
9. Ломакина, И. Б. Метамодеpн и антропология права как два ответа на вызовы постмодеpнизма // Криминалисть. 2020. № 3 (32). С. 81-85. ISSN 2686-7753.

Информация об авторах

И.В. БОРОВЦОВ – студент 1 курса магистратуры.

Information about authors

I.V. Borovtsov – 1st year Master's student.

Научная статья
УДК 340

СООТНОШЕНИЕ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА И РАСШИРИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА

Анастасия Олеговна ГЛАДКОВСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
gladkowskaya.nastia@yandex.ru

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с судебным толкованием права, судебным прецедентом, как одного из источников права, и возможностью соотношения, связи судебного прецедента и расширительного толкования права.

Ключевые слова: судебный прецедент, правотворчество, расширительное и ограничительное толкование права, казуальное толкование, постановления Конституционного суда.

RELATIONSHIP OF JUDICIAL PRECEDENT AND EXTENSIVE INTERPRETATION OF LAW

Anastasia O. GLADKOVSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
gladkowskaya.nastia@yandex.ru

Scientific adviser — Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, **I. L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. This article deals with issues related to judicial interpretation of law, judicial precedent as one of the sources of law, and the possibility of correlation, connection of judicial precedent and broad interpretation of law.

Keywords: judicial precedent, lawmaking, broad and restrictive interpretation of law, causal interpretation, rulings of the Constitutional Court

В настоящее время суд становится важнейшим правовым, социальным институтом, который играет важную роль в осуществлении правосудия, обеспечения прав и свобод гражданина. Одной из его главных задач также является толкование норм права (интерпретационная деятельность), в процессе которой суд выявляет определенные пробелы в правовом регулировании, что приближает его к правотворческой деятельности. «Границы между правотворчеством и толкованием очень тонки. Акты официального толкования права, исходящие от высших инстанций, на практике выступают важным фактором, определяющим содержание правозащитной деятельности суда» [1, с. 3]. Н. Марченко указал на то, «что в правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов России и других стран доминирующими являются идеи единства, неделимости права и закона; между правом и законом не проводится никакого различия» [2, с. 59]. Так же в последнее время поднимается ряд проблем, связанных с судебным толкованием права, судебным прецедентом, как одного из источников права, и возможностью соотношения, связи судебного прецедента и расширительного толкования права.

Толкование права – это уяснение (совершается самолично) и разъяснения смысла нормы права. По объему толкование делится на три группы: буквальное; ограничительное; расширительное. Так в ст. 19 Конституции РФ «все равны перед законом и судом»¹, слово «Закон» толкуется в расширительном смысле, ведь под ним могут упоминаться и другие нормативные акты, например, указы Президента, постановления Правительства. Смысловое значение и содержание нормы права в данном случае значительно шире, чем ее текстовое выражение.

Расширительное и ограничительное толкование с точки зрения позитивистов не образует новую форму. Основываясь на кантовском формальном понятии закона, – отмечалось в юридической литературе 80-х годов XX в., – юридический позитивизм считал право чисто логической формой, в самой себе черпающей обоснование, оторванной от содержания, не связанной с другими социальными явлениями. Формализм – кредо юридического позитивизма. Но с точки зрения социологии права, норма не существует без толкования и если меняется толкование, то меняется и норма. При рассмотрении различных форм официального и неофициального толкования следует особо выделить так называемое казуальное толкование. Эта форма толкования в равной мере используется и при официальном, и при неофициальном толковании. Осуществляется она как уполномоченными на то государственными органами (суд, исполнительные органы и др.), так и негосударственными организациями, и лицами (научные учреждения, адвокаты, эксперты и др.). Наиболее распространенными видами казуального толкования являются судебное и административное толкование. «Судебная практика» и «прецедент судебного толкования» – можно рассмотреть как смежные понятия с судебным прецедентом.

«Судебный прецедент-решение суда высшей инстанции по конкретному делу, которое является обязательным образцом для решения последующих аналогических дел» [2, с. 40-41]. Т.е. индивидуальное решение приобретает характер нормативности, т.к. будет применяться неограниченное количество раз в будущем. Само по себе решение не нормативно, но нормативно последующее его использование.

Судебный прецедент, кроме Англии, используется в основном в тех странах, которые имеют общее право. Если прецедент признается источником права, то это значит, что суд признает правотворческую функцию. При этом суд не «творит» прецедента, не создает его. С их помощью суд может официально применить, закрепить уже фактические, официальные нормы, которые сложились в определенном обществе. Суд создает прецедент при отсутствии соответствующих законов, так и в случае их наличия.

«В современной Англии и США существует прямой запрет на криминализацию судом новых деяний – т. е. на судебное нормотворчество в области уголовного права. Таким образом, сфера применения судебного прецедента в странах общего права сместилась в сторону толкования уголовных законов. При этом судебный прецедент (как решение высшей судебной инстанции) обеспечивает единое для нижестоящих судов применения уголовного законодательства» [3, с. 6].

В отличие от стран общей системы права, континентальная правовая семья не знает единой позиции по вопросу о месте и роли судебного прецедента в системе источников уголовного права.

Наличие судебного прецедента в современной России – спорный вопрос. «Так ученые, признающие судебную практику и судебный прецедент в качестве источника права, являются: С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, А.Г. Гаджиев, В.М. Жуйков, В.Д. Зорькин, А.А. Иванов, Т.Н. Нешатаева, В.Ф. Яковлев и др., по мнению других ученых: В.А. Канашевский, К.И. Комиссаров, О.Е. Кутафин, В.О. Лучин, В.С. Нерсисянц, С.В. Поленина и др., судебная практика источником права не признаётся» [4, с. 2-3].

¹ Ст. 19 Конституции Российской Федерации.

Соотношение толкования правовых норм с судебными, административно-правовыми прецедентами можно считать взаимодействием содержания и формы, когда результат толкования относится к содержанию, а прецедент или обычай к правовой форме, точнее, к источнику (к внешнему источнику) нормы права, интерпретируемой в толковательном процессе. Если рассмотреть судебный прецедент, как казуальное толкование по конкретному делу, то в качестве яркого примера Марченко М.Н. предлагает постановления Конституционного суда, на основании того, что он наделен правом толкования Конституции РФ и проверку соответствия ей законов, примененных или подлежащих применению в конкретном деле. Поэтому постановления Конституционного суда, можно полностью согласиться с М.Н. Марченко, представляет собой не судебный прецедент, а расширительное толкование норм права. Это хорошо согласуется с социолого-правовым подходом к проблеме судебного прецедента.

Список источников

1. Рулев А.И. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека : (проблемы теории и практики) : авто-реф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : специальность 12.00.01 <Теория и история права и государства; история правовых учений> / Рулев Александр Иванович ; [Сарат. юрид. ин-т МВД России]. – Саратов, 2009. – 26 с.
2. Марченко М.Н. МЗО Источники права: учеб. пособие. – Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 760 с.
3. Ображиев К.В. Судебный прецедент как источник российского уголовного права : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ю.н. : Спец. 12.00.08 / Ображиев Константин Викторович ; [Красно-дар. юрид. ин-т МВД России. Каф. уголов. права, криминологии и уголовно-исполнит. права]. – Ставрополь, 2002. – 23 с.
4. Сассоли М., Бувье А. Правовая защита во время войны [Электронный ресурс]. Т. 4, ч. 3, Прецеденты и документы (N° 172-236) : [перевод с английского] : в 4 т / Марко Сассоли и Антуан Бувье при участии Сьюзан Карр [и др.]. – Москва : Международный Комитет Красного Креста, 2009. – Ресурс доступен в Электронной библиотеке РНБ. – 906 с.

Информация об авторах

А.О. Гладковская — студент 1 курса.

Information about authors

A.O. Gladkovskaya — 1st year student.

Научная статья
УДК 340

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ЗАКОННОСТИ

Глеб Николаевич ГЛУЗДАК

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
g.gluzdak.mail@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Ирина Борисовна ЛОМАКИНА**, lomakina7311@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются три аспекта законности: принцип, метод, режим. Дается характеристика законности в контексте различных типов правопонимания: позитивизма, юснатурализма, социологии права.

Ключевые слова: законность, закон, право, правозаконность, правопонимание

TO THE QUESTION OF UNDERSTANDING LEGALITY

Gleb N. GLUZDAK

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

g.gluzdak.mail@gmail.com

Scientific adviser — Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, I. B. Lomakina, lomakina7311@gmail.com

Abstract. The article discusses three aspects of legality: principle, method, regime. The article characterizes legality in the context of various types of legal understanding: theory of positive law, theory of natural law, sociology of law.

Keywords: legality, legislation, law, rule of law, legal understanding

Понятие «законность» закрепилось как в юридической литературе, так и в текстах нормативно-правовых актов. Однако проблемы его дефиниции и содержания остаются дискуссионными.

Стоит отметить, что феномен законности вызывал интерес еще у античных мыслителей: Платона, Аристотеля, Марка Туллия Цицерона, Тита Ливия. Над вопросами, связанными с данной категорией, размышляли как отечественные, так и зарубежные авторы на протяжении долгого времени [1, с. 33]. На данный момент в юридической науке не существует единого мнения по поводу определения законности. Некоторые авторы рассматривают ее как правовой принцип, другие — как метод государственного регулирования общества, третьи — как правовой режим.

Законность как принцип, отмечает С. С. Алексеев, является демократическим по своей природе, и выражает право в системе четких требований [1, с. 106]. Принцип законности, то есть распространяющееся на всех субъектов правоотношений требование соблюдения законов и других форм внешнего выражения права, нормативно закрепляется в российском законодательстве. В соответствии с ч. 2 ст. 15 Конституции РФ «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы»¹. Кроме того, принцип законности закрепляется в отраслевом законодательстве и в иных нормативно-правовых актах².

Законность как метод предполагает, что способы осуществления государственной власти, в числе которых убеждение, принуждение, рекомендация, поощрение, информационное влияние, нормативно-правовое регулирование, надзор и контроль, должны применяться на основании закона, в соответствии с ним и в формах, предусмотренных законодательством. В советской юридической литературе социалистическая законность рассматривалась в качестве метода осуществления диктатуры пролетариата.

Законность как политико-правовой режим, как отмечает И. Л. Честнов, образуется выявлением потребности в нормативном правовом регулировании, выражением этой потребности в соответствующей форме права и реализацией в правовом порядке [4, с. 101]. Такой подход не только содержит требование исполнения законодательства, но и предъявляет требования к самому законодательству.

В современной юридической науке, как отмечает Л. А. Морозова, перечисленные аспекты не противопоставляются друг другу, а рассматриваются целостно, как формы выражения законности [5, с. 414].

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 23.01.2022).

² См., например, ст. 3 УК РФ, ст. 1.6 КоАП РФ, ст. 7 УПК РФ, ст. 6 АПК РФ, ст. 9 КАС РФ, ст. 6 ФЗ «О полиции» и т.д.

Для того, чтобы проанализировать содержание понятия «законность», необходимо выяснить его этимологию. Очевидно, что данный термин образован от понятия «закон», обозначающего нормативно-правовой акт, обладающий высшей юридической силой. Отсюда вытекает позитивистское определение законности как требования точного и неуклонного соблюдения законодательства. В таком понимании категория «законность» может трактоваться в узком смысле, как требование соблюдения закона, так и в широком, как требование соблюдения правил поведения, выраженных в нормативно-правовых актах и иных формах права [5, с. 414-415]. В качестве альтернативы «законности в широком смысле» предлагается использовать понятие «нормативность» [6, с. 42], однако данная идея не стала распространенной по ряду причин.

Советская юридическая наука, но рассматривала понятие «законность» в рамках парадигмы формационного подхода, отрицая существование законности вне социалистического общества. Однако важно отметить, что данные представления также основывалась на легистском понимании права [7, с. 272].

Рассмотренный позитивистский подход к пониманию законности имеет ряд недостатков. Для него характерна ограниченность, преувеличенное внимание к формам права и недостаточный интерес к его содержанию.

Следует упомянуть, что англоязычным эквивалентом понятия «законность» является термин «legality», а в политологии закрепился синонимичный заимствованный термин «легальность». Кембриджский словарь английского языка определяет «legal» как «relating to law», то есть относящийся не только к закону, но и, в более широком понимании, к праву в целом. Таким образом, законность, или легальность, не сводится к следованию «букве закона» и включает в себя следование «духу права».

Отмечая связь законности и права в целом, некоторые авторы предлагают выделять понятие «правовая законность», или «правозаконность». В рамках концепции правозаконности различаются формальный и субстанциональный подходы к праву, «правовой» и «неправовой» закон [8, с. 15-16].

Сторонники теории естественного права отождествляют законность с понятием справедливости. В рамках юснатурализма подлежит обязательному исполнению лишь тот закон, который является «правовым», справедливым, выражает естественные права человека. Очевидно, что данные категории имеют философский характер и являются оценочными. Отсюда вытекает главный недостаток подобного подхода к пониманию законности: критике может подвергаться любая норма «сущего» права, но при этом вопрос о том, каким должно быть право, остается нерешенным.

Сторонники социологического правопонимания рассматривают законность в процессе реализации права, в правопорядке. В рамках данной концепции лишь законность обеспечивают только реально и эффективно действующие нормы, «живое право». Однако такой подход недооценивает позитивное «право в книгах», ведь даже «мертвые» нормы могут получить реализацию в результате, предположим, совершенствования способов обеспечения законности.

Таким образом, в юридической науке существуют различные взгляды на понятие «законность». Изложенные подходы во многом противоречат друг другу. Однако синтез их основных положений позволяет сформулировать целостное определение законности, раскрывающее многоаспектность ее содержания. Законность — это реализующийся в правопорядке принцип, метод государственного регулирования общества и политико-правовой режим, в рамках которого обеспечивается точное и неуклонное соблюдение всеми субъектами общественной жизни «правовых», справедливых и эффективных норм, находящих отражение в формах внешнего выражения права, главным образом в законах.

Список источников

1. Кожевников, С. Н. Теоретические аспекты и правовые подходы к определению законности // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 4. — С. 33-35.
2. Алексеев, С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. — М.: Статут, 2010. — 781 с.
3. Теория государства и права : учебное пособие. Ч. 2. Теория права / И. Л. Честнов. — СПб.: СПбЮИ (Ф) АГП РФ, 2017. — 116 с.
4. Морозова, Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. — 464 с.
5. Дондоков, Ц. С. «Законность» или «Нормативность» // Вестник ЗабГУ. — 2011. — № 5. — С. 41-44.
6. Солуков, А. А. Формирование представлений о социалистической законности в Отечественной правовой науке / А. А. Солуков // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 3. — С. 271-275.
7. Cambridge Dictionary / Cambridge University Press & Assessment. Cambridge. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/legal> (дата обращения: 23.01.2022).
8. Чечулина, А. А. Правовая законность: общетеоретический анализ: автореф... дис. кан. юрид. наук: 12.00.01. Казань, 2004. — 24 с.

Информация об авторах

Г.Н. ГЛУЗДАК — студент 1 курса.

Information about authors

G.N. GLUZDAK — 1st year student.

Научная статья
УДК 340

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Александра Сергеевна ДОЦЕНКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
als.dotsenko@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. Механизм реализации права является сложным и многоаспектным процессом, обеспечивающий регулирование общественных отношений. Данная статья рассматривает реализацию права с позитивистской точки зрения и представляет преимущества социологического подхода в рассмотрении данного вопроса.

Ключевые слова: реализация права, действие нормы права, позитивизм, социологический подход

IMPLEMENTATION OF RIGHT IN A SOCIOLOGICAL APPROACH

Alexandra S. DOTSENKO

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
als.dotsenko@gmail.com

Scientific adviser — Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, **I. L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. The enforcement mechanism is a complex and multidimensional process that regulates social relations. This article considers the implementation of right from a perspective of positivism and presents the advantages of a sociological approach in consideration of this issue.

Keywords: implementation of right, enforcement of right, legal positivism, sociological approach

Существует множество различных точек зрения на то, как стоит понимать право: это и установленные государством правила, контролирующие общество, это и психическая реальность (вспоминая теорию Л.И. Петражицкого), некоторые, как Г. Кельзен, считают, что право это вообще совокупность норм, состоящих в иерархических отношениях между собой во главе с основным законом и подкрепляемые властью государства, и т.д. Однако вне зависимости от того, как стоит понимать право, одной из основных функций которого является регулирование общественных отношений, что выражается через реализацию права, потому что в данном случае право выступает как рама, основа для правомерного поведения [1, с. 253].

Классическое понимание реализации права можно охарактеризовать как процесс воплощения правовых норм, предписаний, в реальности, что достаточно широко по своему значению, и, если всё же выражаться более узко, реализация права – это выражение содержания норм в правомерном действии субъектов правоотношений в рамках закона [2, с. 330]. В связи с преобладанием позитивистского подхода в правоведении, реализация права не мыслилась вне действия правовых норм, а социальные факторы могли опускаться и не рассматриваться в её рамках. С точки зрения позитивизма, эти аспекты относятся к неправовому регулированию из-за отсутствия связи с официальными нормами права, а реализация права рассматривается как автоматическое действие правовых норм после вступления в юридическую силу нормативно-правового акта.

Классический подход к данному правовому явлению буквально обособляет право от общества, точно оно находится в некоем вакууме, параллельно с этим всё же предполагая его влияние на социум, что несколько парадоксально, потому что в данной концепции отсутствует промежуточный этап между непосредственно нормой права и правомерным поведением. То есть утверждается, что норма равна правомерному поведению при игнорировании наличия субъективных прав, юридических свобод и обязанностей субъектов, а их наличие напрямую указывает на взаимосвязь между правовыми и социальными, неправовыми, факторами [2, с. 331]. Потому в постклассическом подходе воззрения на реализацию права представлены в виде «воплощения норм права в общественных отношениях», а именно через социальные связи, что возникают между субъектами. Стоит обратиться к коммуникативной теории права А.В. Полякова, где он полагал, что сам текст нормы права является лишь проявлением взаимодействия субъектов правоотношений, их волеизъявлением, который впоследствии уже выражается в правовом поведении [3]. Данная теория звучит более убедительно, чем «бесконтактное» воздействие нормы на общественные отношения лишь на том основании, что она закреплена и поддерживается государством.

В постклассическом подходе реализацию права рассматривают с точки зрения влияния на право общественных явлений, в том числе легитимности правовой системы – то есть уровень поддержки и признания – индивидуального правового опыта субъекта, правосознания и развитости правовой культуры в рассматриваемом обществе, воля, желания и ожидания субъекта внутри правоотношений, их взаимодействие в рамках правовых отношений [4, с. 642] и т.п. Также сюда можно добавить правовую практику и какие представления о праве преобладают в обществе. Иначе говоря, реализация права не рассматривается как сугубо односторон-

няя принудительная деятельность государства по осуществлению норм (и опять возникает вопрос, способно было бы государство реализовать их, например, без персонифицированного субъекта, через которого опять же выражаются и социальные аспекты в той или иной мере?), это комплекс социальной активности, которая выражается как через физическую, так и, что более важно, психическую деятельность индивида.

Классическая «картина» о механизме реализации права – при том, что основные формы реализации права не отрицаются (это использование, исполнение, соблюдение и применение) – должна быть дополнена и социальными аспектами для более глубокого анализа сущности процесса.

Одним из таких аспектов следует, в первую очередь, выделить правосознание. П. П. Баранов и А. И. Овчинников предлагают такое определение правосознания: это «совокупность взглядов, идей, чувств, настроений, относящихся к праву. Оно включает правопонимание, взгляды на роль права, правовых учреждений в жизни общества и государства, идеи о правах человека, его ответственности перед другими людьми, государством и обществом» [5]. То есть из определения у нас следует, что человек в той или иной мере соотносит себя и свои действия с правовой средой, или, по крайней мере, имеет представление о ней. Правосознание тоже является комплексным – в нем можно выделить и правовой менталитет, и правовое сознание, которое является движимым компонентом правосознания [6] и содержанием которого является индивидуальный правовой опыт человека. Важно, чтобы индивид ощущал себя частью сложившихся правовых отношений, осознавал это участие. И на фоне этого формируется правовой стереотип, который, к примеру, даёт представление о том, что считается правомерным, а что нет – так, переход дороги на красный свет многими воспринимается как правонарушение. То есть здесь уже наблюдается момент, когда правонарушение воспринимается как такое: люди за счет правовых архетипов, сложившихся в их сознании, конструируют образ правомерных и неправомерных действий, и с помощью них складывается шаблон правового поведения.

Стоит отметить, что правомерное поведение является не менее важным аспектом, потому что оно является своеобразной связкой между позитивной нормой права и её непосредственной реализацией. Опять же, полагать, что позитивная норма реализуется в правомерном поведении или равна ему, не совсем верно, потому что это не объясняет некачественную реализацию законодательства и обрастание его правовой практикой [6]. Правомерное поведение складывается на основе ранее упомянутого правосознания и стереотипов, которые во многом определяют шаблон действий. Также важную роль играет мотивация субъекта. Мотивацию можно трактовать как цель, которую стремится достичь человек за счет определенных действий в конкретной ситуации. Именно через мотивацию (а также систему ценностей и личных интересов субъекта, присущих ему на основании принадлежности к определенной социальной группе) происходит «интериоризация господствующих практик в психику и поведение» [4, с. 647]. Мотивацию можно разделить на стимулы и ограничения, из которых последние напрямую влияют на сдерживание первых – два этих момента «управляют» деятельностью человека [7, с. 148-150]. Однако необходимо отметить, что стимул должен задевать внутренний интерес человека, чтобы стать побудительной силой к преодолению тех или иных препятствий посредством правовых средств. При этом данный подход не исключает и выявление стимула, ведущего к противоправной деятельности, а потому здесь начинает действовать санкция, сдерживающая этот мотив, стимулируя тем самым правомерное поведение.

Стоит также выделить, что легитимация правовой нормы влияет на её последующее воплощение в реальности и потому важна при рассмотрении механизма реализации права. Легитимность можно понимать как нормативную действительность законом, их широко признаваемую значимость и обязательность. Подходы к выявлению легитимности нормы различные: начиная от социального подхода М. Ван Хуком и заканчивая формальной легитимацией Н. Лумана. Во многом легитимация норм, правовых практик и решений будет зависеть от различных факторов: интерпретации, степень вовлеченности субъектов в общественную жизнь, роль СМИ и .п., – всё это будет влиять на признание правовой нормы [8, с. 255-257]. В противном случае, если норма не находит поддержку у населения, то возникает вопрос, кто и как её будет реализовывать, если фактически она не признается обществом, и будет ли она действовать. Все это необходимо для формирования субъектами правомерной модели поведения, осознания необходимости её и воспроизведении в реальности. Конечно, стоит учитывать и то, что в процессе всего этого происходит корректировка с учетом интересов и целей субъекта.

Таким образом, выделив достаточно важные аспекты в неклассическом подходе, можно сделать вывод, что реализация права является сложным и многоаспектным явлением, которое нельзя рассмотреть только с точки зрения позитивистского догматизма, который постулирует, что норма действует автоматически с момента вступления её в силу. Норма права не в состоянии реализовать себя сама, она не равняется понятию «правовое поведение» в априори, потому реализация включает в себя множество регуляторов, как формальных, так и неформальных, про которые забывают в классической методологии. Такими неформальными аспектами являются правосознание, шаблоны правомерного поведения и индивидуализация этого поведения человеком, признание правовой нормы широким слоем населения.

Список источников

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 1 – М.: Юрид. лит., 1981. – 360 с.
2. Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права. Учебное пособие / Алексеев С.С., Дюрягин И.Я., Корельский В.М., Русинов Р.К., и др.; Отв. ред.: Алексеев С.С. – М.: Юрид. лит., 1979. – 392 с.
3. Поляков А.В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Рос. Ежегодник теории права. 2008. №1. С. 11-12.
4. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: Монография. – С.-Пб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
5. Баранов П.П., Овчинников А.И. Концептуальные приоритеты теории правосознания // Юристы-Правоведь, 2007. № 5. С. 5-11.
6. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Роль правосознания в развитии правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. №2 (11). 2015. С. 18-21.
7. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Монография – М.: Юрист, 2003. – 250 с.
8. Марк ван Хук. Право как коммуникация / Пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. – СПб.: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. – 288 с.

Информация об авторах

А.С. ДОЦЕНКО – студентка 1 курса.

Information about authors

A.S. DOTSENKO – 1st year student.

Научная статья
УДК 340

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Ксения Андреевна ИВАНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ivanova.ksenia2003@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается разделение ветвей власти в РФ, а также некоторые особенности этого разделения. Автор обращает внимание на механизм государства, с помощью которого оно выполняет функции и задачи. В работе дается объяснение разделения государственных органов по их атрибутам, в статье рассматриваются права и обязанности Главы государства и его функции, со спецификой правоохранительных органов в Российской Федерации.

Ключевые слова: органы государства, признаки государственного органа, классификация органов государства, нетипичные ветви власти, глава государства, правоохранительные органы

PROBLEMATIC ISSUES OF CLASSIFICATION OF STATE BODIES

Ksenia A. IVANOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ivanova.ksenia2003@mail.ru

Scientific adviser – Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, **I. L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. The article considers separation of branches of power in the Russian Federation, as well as some peculiarities of this separation. The author draws attention to the mechanism of the state with the help of which it performs functions and tasks. In the work there is an explanation of the division of state bodies according to their attributes, the article deals with the rights and duties of the Head of state and his functions, with specific features of law enforcement agencies in the Russian Federation.

Keywords: state bodies, attributes of a state body, classification of state bodies, atypical branches of government, head of state, law enforcement agencies

Начнём рассматривать данную тему с понятия государственный орган. Государственный орган – это такое звено государственного аппарата, которое наделено определёнными властными полномочиями и участвует в осуществлении строго определённых функций государства.

В статье 10 Конституции Российской Федерации закреплён принцип разделения властей на территории нашей страны на законодательную, исполнительную и судебную. Разделение властей в нашем государстве представляет себе разграничение полномочий определённых государственных органов при сохранении конституционного принципа единства государственной власти. По конституции РФ данные виды властей осуществляют следующие органы: Федеральное Собрание, Правительство РФ и суды РФ.

Но мир меняется, развивается, а данное разделение стоит на месте, так что стоит обратить внимание на проблему разделения властей, её устарелость. Традицион-

ный подход состоит в использовании трех классических ветвей власти. Оно имеет свои минусы, такие как явное или скрытое проявление коррупции, фактическое усложнение работы, а также возможна неэффективная работа в связи с тем, что каждая ветвь перекладывает ответственность на другую [1, с. 7-13]. В связи с этим, сегодня это традиционное разделение уже устарело, неадекватно. А существуют ли нетипичные ветви государственной власти?

Над этим задумался Чиркин Вениамин Евгеньевич в своей работе [2, с. 10-18], в которой он считает, что изучение государственного контроля приводит к нетрадиционным выводам. Основоположники концепции разделения властей жили 300 лет назад, а за это время всё поменялось. Возникли новые виды государственных органов, изменились как функции государства, так и функции данных органов, что изменило научные представления.

В управлении современным государством могут и участвуют такие органы государственной власти, которые относятся не к обыденной, классической структуре органов государственной власти [3, с. 151-154]. К примеру, это такие органы как глава государства, прокуратура, контрольно-счётные органы и так далее. При помощи них образуются нетипичные ветви государственной власти, так как они представляют собой особую систему, которая осуществляет свои особые, специальные функции, которые установлены в законе, для повышения эффективности государственного управления.

Стоит перечислить нетипичные органы государственной власти в РФ: прокуратура РФ, следственный комитет РФ, Счётная палата РФ, контрольно-счётные органы субъектов РФ, избирательные комиссии, уполномоченный по правам человека в РФ и субъектах.

Функции и задачи государства осуществляется при помощи деятельности его механизма. Государство существует, проявляет себя вне, функционирует через свой собственный механизм, через входящие в него государственные органы и их работников. Так как механизм государства состоит из органов, значит, стоит начать с рассмотрения характеристик последних.

Среди тех организаций, которые образует государственный механизм, особое место занимают органы государства. Они несут в себе главную цель, связанную с реализацией политики государства, определяют его сущность, характеристики различных сфер жизни, а именно социальной и политической.

Государственный орган наделен властными полномочиями, то есть возможностями, которые юридически закреплены, они нужны для осуществления государственной власти, также они могут от имени государства принимать юридически решения, а также обеспечивают их реализацию [4].

Государственно-властное полномочие характеризуется тем, что: 1) деятельность органа, его структура и компетенция закреплены нормами права; 2) орган государства наделен правом издания юридических актов 3) установленные данными актами предписания обеспечиваются мерами убеждения, а также при помощи принудительной силы; 4) государственный орган основывается на материальном обеспечении своих предписаний, благодаря тому, что в своём распоряжении имеет часть бюджета государства [5, с. 12].

Наличие у организации вышеперечисленных, связанных между собой элементов, которые образуют понятие государственно-властного полномочия, позволяет определить его как государственный орган. Обладание данными полномочиями — это наиболее важный признак государственного органа.

К числу тех черт органов государства, которые являются существенными, присущими только им, и которые не являются также общими признаками для других государственных и негосударственных учреждений, относят следующие:

а) государственный орган, который организует свою деятельность на строго определённой правовой основе. Так, правовую основу работы прокуратуры Российской Федерации составляют Конституция Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре РФ» от 17 января 1992 года. Данные составляющие могут быть уточнены и детализированы не только в Конституции Российской Федерации и законах Российской Федерации, а также в других нормативных актах подзаконного характера, к примеру, в положениях об определенных государственных органах и так далее.

б) государственный орган как структура, которая определяет свою деятельность в рамках собственной компетенции от имени самого государства;

в) государственный орган имеет свою экономическую и организационную независимость и суверенность, а также право использовать в рамках собственной деятельности ресурсы соответствующих учреждений, которые принято называть «вещественными придатками».

Следует заметить, что, когда идёт речь о физическом воплощении органа государства, имеются в виду государственные служащие.

Признаки, которые мы рассмотрели выше, действуя все вместе, находясь во взаимодействии и во взаимосвязи, раскрывают понятие государственного органа и позволяют сформулировать данное определение.

Орган государства — это независимая, организационно и хозяйственно изолированная доля государственного механизма, имеющая в составе государственных служащих, а также снабженный государственно-властными полномочиями и всеми обязательными материальными средствами для выполнения в рамках собственной компетенции ряда конкретных функций государства.

Принимая во внимание имеющееся в настоящее время многообразие общественных отношений, которые находятся под вниманием государства, и, как результат, большое наличие государственных функций, необходимо отметить, что органы государства также достаточно множественны по своему числу и могут быть разграничены между собой по всевозможным классификационным особенностям: функциям, задачам, компетенции, структуре.

Наиболее часто органы государства классифицируют на основе принципа разграничения властей на законодательные (Федеральное Собрание Российской Федерации), исполнительные (Правительство Российской Федерации, Министерство иностранных дел Российской Федерации) и судебные (Конституционный суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции, арбитражные суды).

С учетом порядка формирования государственные органы делятся на выборные (Государственная Дума, областные, городские думы и др.) и назначаемые (Правительство, министерства).

Учитывая внутреннюю организацию и наличие способа выполнения компетенции выделяют органы коллегиальные и единоначальные. Коллегиальные органы выносят принятые решения большинством голосов, простым или квалифицированным (Федеральное Собрание, Конституционный Суд Российской Федерации). Единоначальные органы находятся там, где решение принимается единолично руководителем (Президент Российской Федерации, Прокуратура Российской Федерации и другие).

Органы государства отличаются между собой и тем, что одни из них являются — коллективными структурами, а другие являются одним лицом. Орган государства, по общему правилу, состоит из коллектива государственных служащих. К примеру, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации. Тем не менее, орган государства, в изолированных случаях может реализовываться в одном лице, которое занима-

ет государственную должность: Президент Российской Федерации, президент республики в составе Российской Федерации, Генеральный прокурор Российской Федерации.

Дискуссионным остается вопрос о классификации государственных органов на основе принципа разделения властей, о чем уже упоминалось выше. Так, в отечественной научной литературе существуют различные взгляды о месте Президента РФ в системе разделения властей. Иногда лишь констатируют, что он не входит ни в какую ветвь власти, не определяя его место, другие говорят, что Президент РФ относится к исполнительной власти, третьи характеризуют его как главу государства, что соответствует части 1 статьи 80 Конституции РФ, но не решает вопрос о его соотношении с тремя традиционными ветвями власти [6, с. 200-201]. Функционал президента нашей страны достаточно разнообразен, а именно: он представитель своего государства на внешней и внутренней арене, является гарантом Конституции РФ, а также гарантом прав и свобод человека и гражданина, определяет тенденции и направления развития внутренней и внешней политики Российской Федерации и так далее.

Также спорным и сложным является вопрос о том, к какой ветви власти относятся правоохранительные органы в нашей стране. Представляется, что правоохранительные органы составляют самостоятельную систему, которая обособлена по профессиональной деятельности и которая имеет свои определённые задачи. Спектр этих задач различный: восстановление нарушенного права, наказание правонарушителя и так далее.

1. Правоохранительные органы входят в структуру соответствующих федеральных органов исполнительной власти (к примеру, внутренние войска РФ входят в Министерство Внутренних дел РФ).

2. Данные органы занимаются правоохранительной деятельностью, которая направлена в той или иной мере на борьбу с правонарушениями и преступностью.

3. Правоохранительные органы РФ являются вооружёнными и военизированными. Военизованность этих органов состоит в том, что в их структуре предусмотрены специальные виды государственной службы.

Изучение разных видов государственных органов предусматривает их всецелое, единое рассмотрение, при котором учитывается тесная взаимосвязь всех перечисленных выше оснований их классификации.

Список источников

1. Пахомов В.Г. Теория разделения властей – проблемные вопросы // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2011. № 5 (93). С. 7-13.
2. Чиркин В. Е. Контрольная власть // Государство и право. 1993. № 4. С. 10–18.
3. Чепунов О.И. Вопросы классификации органов власти // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. №7 С. 151-154.
4. Манохин В.М. Порядок формирования органов государственного управления. – М.: 1963. – 183 с.
5. Воронина И.А. Теория государства и права. – Оренбург: 2009. – С. 12.
6. Чиркин В.Е. Система государственного и муниципального управления. М.: Юрист, 2005. С. 200-201.

Информация об авторах

К.А. ИВАНОВА – студентка 1 курса.

Information about authors

K.A. IVANOVA – 1st year student.

Научная статья
УДК 340.12

КОНЦЕПЦИЯ ДУАЛИЗМА МАКИАВЕЛЛИ ИЛИ ЕГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Семён Юрьевич КОЧЕВИНОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
kosyr21@icloud.com

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Ирина Борисовна ЛОМАКИНА**, lomakina7311@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема дуализма в учении Н. Макиавелли о государстве и праве. Выявляются факторы, обуславливающие этот феномен применительно к пониманию государственно-правовых явлений. С позиций социокультурного контекста осмысливаются данные феномены.

Ключевые слова: история политико-правовых учений, дуализм, право, государство, Макиавелли

MACHIAVELLI'S CONCEPT OF DUALISM OR HIS STATE-LEGAL VIEWS

Semyon Y. KOCHEVINOV

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
kosyr21@icloud.com

Scientific adviser – Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, **I. B. Lomakina**, lomakina7311@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of dualism in N. Machiavelli's teaching about the state and law. The factors that determine this phenomenon in relation to the understanding of state-legal phenomena are identified. These phenomena are comprehended from the standpoint of the socio-cultural context.

Keywords: history of political and legal doctrines, dualism, law, state, Machiavelli

Рассуждение на тему государственно-правового строя и его понимание всегда занимало особое место в дискурсивном пространстве юридической науки. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены государственно-правовые взгляды Никколо Макиавелли и их неоднозначная интерпретация как с точки зрения современников, так и с точки зрения современных представителей научного сообщества.

Для начала кратко рассмотрим понятия «государство» и «право», которые приводит Н. Макиавелли. Так, например, «государство», по мысли Макиавелли, явным образом отличается от того понятия, которое существовало в Средние века. Отделяя государство от общества, он ставит одно (общество) в подчинение другому (государству), и государство должно служить обществу ради общих целей: безопасности личности и незыблемости частной собственности. В таком понимании взгляды Н. Макиавелли в ряде случаев пересекаются с взглядами более ранних мыслителей, а именно, Платоном, Аристотелем и Цицероном. Государство, полагает Макиавелли, есть единственный легальный институт публичной власти. По этому поводу он пишет: «...Государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве...» [3, с. 87]. Макиавелли отбросил божественный смысл и божественную цель государства, оно есть исторический продукт деятельности людей.

Весьма интересно выглядит позиция В. Максимовского. Автор связывает учение Макиавелли с классовой борьбой, где существуют только два разделения, расчленения общества на два класса: господствующего и низшего. В них существуют различные группировки, фракции, которые ведут государство к гибели. В подобных условиях: «...правительство не имеет определенного характера и оказывается игрушкой то той, то другой группы» [4, с. 480], поэтому правительство должно бороться с ними всеми имеющимися способами.

Рассматривая право как регулятор общественных отношений, Макиавелли видит в нем инструмент государя. Поэтому без покушения на интересы частных лиц государь должен укреплять как само государство, так и всеобщую безопасность. Для Макиавелли люди имеют свободную волю, но эта свобода часто приводит к беззаконию и беспорядкам, поэтому право – это система социальных норм. Только право из всех социальных норм может регулировать природную сущность человека. Право не должно быть формальным воплощением морали или справедливости, оно должно отвечать объективным обстоятельствам и требованием государства и времени.

Теперь рассмотрим непосредственно взгляды Макиавелли на государственно-правовой строй. Если обратиться к его произведению «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия», то в нём мы увидим, что он придерживается скорее республиканских взглядов. В своей работе А.С. Алексеев [2, с. 110], анализируя взгляды Н. Макиавелли на предмет понимания им республики, отмечает о смещенных началах и устойчивости власти при такой форме правления. Но в другом своем сочинении «Государь» Макиавелли придерживается совсем иных взглядов. Макиавелли обосновывает, что государство – это государь, и первойшей его задачей стоит удержание власти, где прослеживается явная диктаторская идея – максимально долгое удержание власти. Государь имеет право изменять законодательство, согласно со своей основной целью, тем самым, бороться с врагами-противниками его власти: «Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой» [3, с. 107]. В. Максимовский, оценивая идею Макиавелли о сильном государе, пишет о «буржуазной революционной диктатурой», отмечая её временный и переходный характер [4, с. 465]. Подобный дуализм во взглядах Макиавелли на предмет государства и права объясняется тем, что Макиавелли ставил на первое место целостность государства. Для единого, централизованного государства с гражданским миром мудрейшим он видел смешанную республику, а для раздробленных государств монархия была идеалом, потому что только с абсолютно сильной властью монарха возможно было объединение страны, т.е. для повышения её безопасности. На этом этапе важность представляет собой только персона правителя, который, как было сказано выше, олицетворяет собой государство, а важность других органов сравнительно с ним незначительна. Право же рассматривается как оружие или инструмент в руках правителя. И главной целью государя является объединение страны. Когда же страна пережила раздробленность, и наступил гражданский мир, то монархии следовало уступить место смешанной республике, как более стабильный и долгосрочный строй, о чем говорилось выше, и где закон должен отвечать потребностям не государства, а общества. Но важно отметить то, что очень часто после первого «кровавого» и диктаторского этапа ко второму дело так и не доходило. М.Л. Андреев в своей статье связывает это с тем, что «Новый государь, как правило, сам захлебывался в пролитой крови» [1, с. 15]. Таким образом, учение Макиавелли о государстве и праве необходимо рассматривать с точки зрения целостности государства, потому что именно целостность обуславливает его форму и правовую систему. В этом ключе данная концепция приобретает значение для понимания государства и права применительно к реальному социокультурному контексту.

Список источников

1. Андреев М.Л. Слово и дело Никколо Макиавелли // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 5-19.
2. Алексеев А.С. Макиавелли как политический мыслитель // Макиавелли: pro et contra: Личность и творчество Н.Макиавелли в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология / Сост. Сапов В.В. – СПб.: РХГИ 2002 г. С. 45 – 269.
3. Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма.: Сб.: Пер. с итал./ Н. Макиавелли. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. – 819 [5] с. – (Золотой фонд мировой классики). ISBN 5-17-021264X.
4. Максимовский В.Н. Идеи Диктатуры Макиавелли // Макиавелли: pro et contra: Личность и творчество Н.Макиавелли в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология / Сост. Сапов В.В. – СПб.: РХГИ 2002 г. – С. 447-491.

Информация об авторах

С.Ю. КОЧЕВИНОВ — студент 1 курса.

Information about authors

S.Y. KOCHEVINOV — 1st year student.

Научная статья
УДК 340

**ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ФЕНОМЕН
ВОСПРИЯТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Евгений Максимович ЛЕОНТЬЕВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
e.leontiev2003@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются критерии, влияющие на формирование правового сознания людей. На основе разных точек зрения доказывается влияние социокультурного и исторического контекста на правовую культуру населения. Указывается на роль бессознательного в процессе восприятия и оценки законодательства.

Ключевые слова: право, правосознание, правовая культура, социокультурный контекст, ценностные ориентиры, типы цивилизаций

**LEGAL CONSCIOUSNESS AS PHENOMEN
PERCEPTION OF REALITY**

Evgeniy M. LEONTIEV

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
e.leontiev2003@gmail.com

Scientific adviser — Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, **I. L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. The article discusses the criteria that influence the formation of the right consciousness of people. Based on different points of view, the influence of the socio-cultural and historical context on the legal culture of the population is proved. The role of the unconscious in the process of perception and evaluation of legislation is indicated.

Keywords: law, legal consciousness, legal culture, socio-cultural context, value orientations, types of civilizations

Правосознание – это правовое мышление или психическая активность, включающая в себя процесс восприятия, результат и оценку, на основе которой складывается отношение человека к миру права [1].

Важно, чтобы процесс восприятия, оценки людей права был осмысленным и воссоздавал бы рамки должного поведения. Неправильно говорить об объективной оценке, так как само понятие «оценка» невозможно без независимого, ни на чем не основанного критерия, выдвинутого в сознании персонифицируемого субъекта. Каждый из нас представляет собой индивидуальность, поэтому и мозг не проявляет активность в виде определенных заранее заложенных штампов поведения. Нормы смогут оказать решающее воздействие на личность, если закон будет не произволом властей, а выражением воли народа. В результате чего у населения скорее всего будет формироваться чувство правовой справедливости. Все это должно воздействовать на правовую культуру, феномен которой выражается посредством правосознания. Не случайно сказано, что «высшее достоинство человека как носителя Абсолютного начала лежит в том, что человек, по природе своей, есть существо сверхчувственное, или метафизическое, и, как таковое, имеет цену само по себе и не должно быть обращено в простое орудие. Именно это сознание служит движущей пружиной всего развития человеческих обществ. Из него рождается идея права, которая, расширяясь более и более, приобретает, наконец неоспоримое господство над умами» [2]. Посредством данного положения возможно формирование социального представления о праве всего общества, формирующие стереотипы права. Применительно к праву социальное представление – это господствующий в данной культуре (субкультуре) социума образ типичной юридически значимой ситуации [3]. Сама собой разумеющаяся картина мира отзывается в индивидуиде, способном распознать, что предпринять, как оценить событие, факт и т.д. На таком, казалось бы, примитивном уровне основано обыденное представление некомпетентного в правовых вопросах гражданина. Необходимо уточнить, что данный уровень правосознания закладывается на основе бессознательного. Получает выражение в форме интуиции, а также мгновенной оценки правомерности или неправомерности общественного явления. Затем переходит на более осмысленный уровень обыденного правосознания, порождая подчас общественное мнение (совокупность мнений референтных групп взятого за целое). Л.И. Спиридонов справедливо замечал: «Поскольку право есть сторона, элемент общественной жизни, общественное мнение о нем никогда не бывает отражением юридических явлений в «чистом виде», правовых фактов, существующих сами по себе. Оно формируется как оценка» [4]. Таким образом, право, как социальный феномен подвергнуто влиянию разного рода экономическим, политическим, социальным и даже духовным аспектам. Поэтому каждому развитому обществу присущ свой взгляд на правовые аспекты, то есть идея общемирового правосознания не работает. Попробуем обосновать данное утверждение ниже.

Правосознание является необходимой органической стороной правовой реальности. Правовая реальность обусловлена правовыми установками, продиктованными историческими, социокультурными, политическими предпосылками. Это позволяет говорить об архетипах коллективного бессознательного конкретной общности. Д. Кемпбелл указывал, что архетипы являются символами, внушающими базовые ритуалы, мифологии и видения посредством летописей человеческой культуры» [5,

с. 21]. В наше время невозможно дать четкое определение понятию «культура», так как их существует несколько сотен. Так, по одному из подходов, цивилизация рассматривается как материальная культура, прежде всего с духовным совершенствованием личности и общества. (Н.А. Бердяев). Развивая данную мысль, обратимся к Н.Я. Данилевскому, полагающему, что не существует единой общечеловеческой цивилизации, и, выделявшему различные культурно-исторические типы цивилизаций [6]. В связи с этим требуется подчеркнуть, что при исследовании правового сознания важно учитывать специфику национального мышления с его специфическими особенностями. У каждого народа существуют свои исторически сложившиеся ценности. Например, у русских – патриотизм, вера в Бога, коллективизм, у американцев – свобода слова, стремление к «американской мечте», индивидуализм, у восточных стран – почтение к старшему поколению, дисциплинированность, священность особы правителя (символа нации). Укажем, что стабильность правовой системы невозможна без взаимодействия нормативной основы права и правовых ценностных отношений социальных субъектов. Правовые ценности являют уникальность правовой культуры, а, следовательно, и правосознания.

К.А. Неволин, подходит к вопросам различного правосознания народов с несколько иной стороны, пытаясь преодолеть критическое противопоставление идеи закона и внешней формы его выражения, российский правовед приходит к мысли о том, что содержание положительного права зависит прежде всего от особенного характера народа, степени его развития, исторического отношения к другим народам. В отличие от Гегеля, рассматривающего Новое время как эпоху германских народов, Неволин подчеркивает и значение славянских народов в новой истории [7]. О том, что правосознание неразрывно связаны с правовой культурой населения размышляют и в наши дни. Так, И.Л. Честнов пишет об этом следующее: «Народы, проживающие в разных регионах Земли, значительно отличаются тем, как ими воспринимается мир, человек, право, государство. Более того сегодня происходит процесс мультикультуризации внутри большинства обществ. На наших глазах возникают новые идентичности, глобальное переселение народов размывает ранее единую культуру западных стран» [8, с. 510]. Ярким примером мультикультуризации сегодня является Великобритания, вышедшая из состава Евросоюза. Еще в недалеком 1975 году в ходе референдума более 67 процентов населения высказались за то, чтобы страна оставалась в Европейском сообществе, однако европейская политическая интеграция (изначально предполагалась исключительно экономическая интеграция) привела к росту числа недовольства граждан Великобритании. Решения, касающиеся миграционной политики, налогов, а также отличие политико-правовой культуры сыграли судьбоносную роль. Поэтому 31 января 2020 года Великобритания окончательно вышла из Европейского союза.

Таким образом, убеждаемся, что на правовое сознание влияют огромное количество факторов: политика государства, историко-культурные связи населения, сложившиеся правовые системы, принадлежность к определенной цивилизации, экономическое развитие и т.д. Можно с уверенностью утверждать, что сознание определяется бытием.

Критерием правовой селекции разных народов выступает социокультурный и исторический контекст. Поэтому широкие массы разных народов по-разному воспринимают правовые нормы. То есть одно общество считает их «нормальными» и необходимыми, а другое – произволом и беззаконием. Однако почти всем становится понятно, что предпринимается для пользы развития человека в социуме, а что выражает интересы лишь узких привилегированных слоев населения. Приходим к ключевому выводу: восприятие права есть осмысление, оценка, выражающая отношение данного человека к конкретной юридически значимой ситуации или правовой норме. В этой связи уместно привести мнение П.И. Новгород-

цева, который метко заметил, что успех действия права в жизни обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается или в мертвую букву, лишённую жизненного значения, или в тяжёлое бремя, сносимое против воли [9, с. 8].

Список источников

1. Честнов И. Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 2. Теория государства / И. Л. Честнов. Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 116 с.
2. Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Издательство Наука. 1998. С. 53-56.
3. Честнов И. Л. Указ. соч. С. 31.
4. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: курс лекций. СПб., 1995. С. 150.
5. Кемпбелл Д. Герой с тысячами лицами. Киев, 1997.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа.: Издательство Юрайт, М., 2021. 453 с.
7. Нерсесянц В. С. Философия права. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп., М, 2011. 848 с.
8. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография: Издательский Дом «Алеф-Пресс», СПб., 2012.
9. Новгородцев, П. И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1896.

Информация об авторах

Е.М. ЛЕОНТЬЕВ — студент 1 курса.

Information about authors

E.M. LEONTIEV — 1st year student.

Научная статья
УДК 340

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА
В СОЦИОЛОГИИ ПРАВА**

Даниил Владимирович МАТВЕЕВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
dania.matveev2016@yandex.ru

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правопонимания различных школа социологии права, их критический анализ и перспективы развития Прагматического подхода.

Ключевые слова: социология права, научные школы, юридический прагматизм, Роско Паунд

**PROSPECTS OF A PRAGMATIC APPROACH
IN THE SOCIOLOGY OF LAW**

Daniil V. MATVEEV

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
dania.matveev2016@yandex.ru

Scientific adviser – Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, **I. L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of legal understanding of various schools of sociology of law, their critical analysis and prospects for the development of a Pragmatic approach.

Keywords: sociology of law, scientific schools, legal pragmatism, Roscoe Pound

В юридической литературе на сегодняшний день существует множество определений права. Еще Иммануил Кант говорил, что юристы все еще ищут определение права. Стоит отметить, что И.Л. Честнов в своем пособии «Теория государства и права» подчеркивает, что от типа понимания норм права зависит изложение всего материала теории права и трактовка правовых институтов [1, с. 4]. Принято выделять три основных типа правопонимания – теория естественного права, социологию права и юридический позитивизм. В данной статье будет подробно рассмотрен социологический тип правопонимания, его школы, из которых особое внимание будет уделено Прагматической социологии права.

Социология права представляет собой систему научных знаний о праве как о социальном феномене и рассматривающая право, как составную часть общественной системы, используя характерные для социологии средства и подходы. Социология права как наука была институционализована не так давно – в 1962 году, на Международном социологическом конгрессе. Специальная группа этого конгресса объединила социологов и юристов, которые пришли к выводу, что в результате дифференциации, развития социологической теории и методологии социологии, существует необходимость в признании социологии права самостоятельным научным направлением [2, с. 35]. Социология права в качестве объекта изучает не само по себе право, а его взаимосвязь с социумом, т.е. как социальную обусловленность права, так и воздействие права на социальную реальность. Объект социологии права – это социальная и правовая сферы общества, эмпирическая социально-правовая реальность. Предмет науки заключается в связях, сторонах и отношениях в составе объекта, которые подлежат изучению и объяснению наукой. Предмет социологии права включает в себя и юридическое, и иные социальные явления, связанные с правом. Тем не менее, вопрос наличия своего предмета у социологии права на сегодняшний день остается актуальным. Нельзя не согласиться, что у социологии права отсутствует один из главных признаков предмета любой науки – наличие специфических закономерностей, которые могла бы изучать социология права, не покушаясь при этом на предмет теории права [3, с. 49].

Выделяют научные школы социологии права, среди которых наиболее значимыми являются: социолого-институциональная, прагматическая, эмпирическая и реалистическая. Первая отличается тем, что рассматривает общество, как совокупность институций, которые понимаются как союз людей, объединившихся для общей цели. Это может быть как коммерческое предприятие, общественная организация, так и государство [4, с. 36]. Интересно заметить, что, создавая свое право, институция может создавать его в соответствии с государственным, так и идти вразрез с ним. Стоит также отметить, что в данном подходе закон уступает место обычаю. Можно сделать вывод, что для институционалистов государство теряет главенствующую роль в регулировании правовых отношений. Оно выполняет лишь фиксацию норм права, которые сложились в обществе без участия государства. Наиболее известными представителями этого подхода в социологии права были П. Сорокин и Ж. Гурвич (хотя они были учениками Петражицкого, поэтому их подход лишь отчасти является институциональным). «Право – писал Гурвич – есть позитивный порядок, представляющий собой попытку реализации справедливости в опреде-

ленной социальной среде посредством системы, обладающих императивно-атрибутивным характером многосторонних правил, которые устанавливают определенную взаимозависимость между коррелирующими обязанностями и притязаниями, обретают обязывающую силу в нормативных фактах и которые в определенных случаях допускают возможность своей реализации путем принуждения, не требуя такого принуждения, как необходимого условия» [5, с. 809]. Проводя критический анализ данной школы, нельзя не отметить её существенных недостатков. Во-первых, отрицается главенствующая роль норм права, установленных государством, в системе регулирования общественных отношений, хотя на сегодняшний день эта роль является очевидной и бесспорной. Во-вторых, социолого-институциональная школа не предоставляет каких-либо гарантий реализации социального права в общественных отношениях. По причине настолько существенного упрощения роли государства в нормативно-правовом регулировании общественных отношений, данный подход оказывается неспособным подняться на более высокий уровень теоретических выводов и значимых обобщений, изучая правовую действительность односторонне [6, с. 40]. Еще одним подходом является Прагматический. Его основные представители – О. Холмс и Р. Паунд считали, что в процессе познания только то считается истинным, что является практически полезным, а право не имеет значения вне практической юридической деятельности. В данном подходе значительную роль играют внутренние убеждения, идеалы, эмоции и интуиция – именно их элементами вместе с нормами права руководствуется, судья, при вынесении решения по делу. В основе данной школы лежит понятие системы. Р. Паунд трактует право, как систему достаточно широко: в нее входят нормативные акты, мнения известных учёных и практических работников, правовые доктрины. По Паунду все это можно использовать в судебной практике. Р. Паунд сформулировал пять постулатов правового поведения людей и образований. В частности человек: имеет право пользоваться тем, что ему принадлежит, что он создал своим трудом или приобрел в рамках существующего социального и экономического порядка, должен поступать добросовестно, отвечать за свои обещания, должен возвращать неосновательно полученное, не должен совершать поступков, связанных с повышенным риском для окружающих, и т.д. Р. Паунд раскрыл сущность идеального элемента в праве. Идеал определяется конкретным временем и местом, показывая, что такое социальный порядок, какова цель социального контроля; на его основе происходит толкование и применение правовых предписаний, он является начальной точкой для вынесения судебных решений [7, с. 62]. Представителями третьего, реалистического подхода, являются К. Ллевеллин и Д. Фрэнк. Суть метода, разработанного учеными – в изучении деятельности административных органов, судей и принятых ими решений, которые тем самым творят право. По К. Ллевеллину право – это совокупность элементов, обеспечивающих согласованное поведение людей, разрешение их конфликтов ради сохранения целостности общества. Анализируя данный подход, стоит рассмотреть позицию Д.Г. Сметанникова: правовой реализм сочетал в себе два противоположных интереса. С одной стороны, желание продемонстрировать неопределенность судебных и конституционных норм, так как, по мнению реалистов, ни одна из этих норм не способна дать исчерпывающий ответ в судебном споре. С другой стороны, реалисты воспринимали свою деятельность как реформаторскую, желая изменить произвольную практику правотворчества «судей-диктаторов» в сторону более рационального и ответственного применения законов [8, с. 34]. Тем не менее, можно выявить такие его недостатки, как, например, тот факт, что источник права реалистами сведен к психическим процессам субъекта правотворческой деятельности, которые не представляют собой независимых от материального бытия социальных явлений. И в конечном итоге результаты их исследований не выходят за пределы эмпирических описаний процессов принятия правовых решений [6, с. 50]. Во-вторых, то, как обосновывают реалисты развитие

права – антиисторично. Для представителей данной школы реально право – это решения суда, должностных лиц и иных участников правоотношений, однако в таком виде право существовало лишь на ранних этапах его развития. Общество, находясь в непрерывном развитии, разработало иной способ нормативного регулирования общественных отношений – принятия государственными органами абстрактных норм права, реализация которых также обеспечивается государством. Реалисты подверглись резкой критике представителями традиционного подхода к праву, в особенности позитивистами, которые увидели самое уязвимое место в концепции реалистов в их пренебрежении к нормативной определенности в праве. Тем не менее, реалистическая школа права оказала существенное влияние на развитие правовой мысли. И, наконец, четвертый подход – эмпирическая социология права. Данная школа возникла в 60-е годы XX века и главной ее целью была разработка социологических и статистических методов для познания права. Ж. Карбонье, французский юрист, выделял три зоны, на которые направлены усилия представителей этой школы [6, с. 52]: проблемы преступности и наказания, правовые проблемы семьи и ее членов, механизмы правотворчества и реализации права. Тем не менее, проведенные социологические исследования не образовали новой юридической или социологической науки, являясь скорее дополнительным инструментарием для уже существующих.

Несмотря на то, что ни одна школа социологии права не является единственно верной в своем понимании права, на мой взгляд, наиболее развитой и заслуживающей внимания является Прагматическая. Во-первых, трудно не согласиться с мыслью Р. Паунда о том, что право не имеет значения вне практической юридической деятельности. Действительно, нормы права лишь информируют о должном поведении человека, но сами по себе его не регулируют, т.е. не играют роли без практического применения – без юридической деятельности. Во-вторых, в данном подходе учитывается роль личностных убеждений, идеалов и принципов, например, судьи при принятии решения, что тоже является весомым аргументом, так как человек отличается тем, что при принятии решения часто руководствуется не только разумом, но и чувствами – путем проецирования ситуации на свой жизненный опыт. Кроме того, несомненное достоинство теории Р. Паунда заключается в том, что в ней описаны составляющие права. Исследуя их, можно провести параллель с европейской правовой мыслью. Идеальный элемент, описанный Паундом, можно сравнить с теорией естественного права с изменяющимся содержанием, разработанной Р. Штаммлером. Постулаты цивилизованного общества, описанные Паундом, являются развитием кантовского категорического императива. Р. Паунд создал свою правовую концепцию, представляющую особую ценность для современной правовой науки.

В заключение хотелось бы привести цитату американского юриста и судьи, Б. Н. Кардозо: «Я рассматриваю созданное судьями право, как реальное явление жизни. Едва ли сегодняшняя норма может соответствовать вчерашней, противоположной ей норме. Изменения в праве, или большинство из них, осуществляются судьями. Результатом этого является не просто дополнения или модификация, а революционизирование и трансформация» [9, с. 27]. Основная перспектива развития прагматического подхода социологии права заключается в том, что он устанавливает взаимосвязь между различными общественными явлениями и правом, раскрывает их взаимодействие с экономическими, социальными и политическими факторами, давая судебным органам вмешиваться в законодательный процесс посредством принятия решений по конкретным делам. Кроме того, перспектива развития также обеспечивается постоянной эволюцией всех сфер общественной жизни, с которыми у права установлена связь, а значит, и его развитием тоже.

Список источников

1. Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 2. Теория права / И.Л. Честнов – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2017. – 116 с.
2. Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974. С. 35.
3. Корнев А. В. Социология права: учебник. – Москва : Проспект, 2016. – 336 с.
4. Социология права: Учебное пособие / В.М. Сырых, В.Н. Зенков, В.В. Глазырин и др.; Под ред. Проф В.М. Сырых; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2002. – 464 с.
5. Гурвич Г. Д.. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та. – 848 с. 2004
6. Социология права : учебник / В.М. Сырых. – 5-е изд., перераб и доп. – М. : ЮСТИЦИЯ, 2016. – 472 с.
7. Адыгезалова Г.Э., Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2012. – 270 с.
8. Сметанников Д.С. Школа критических правовых исследований: Дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2000. - 149 с.
9. Cardozo V. The nature of the judicial process / V.Cardozo. New Haven. 1960.

Информация об авторах

Д.В. МАТВЕЕВ – студент 1 курса.

Information about authors

D.V. MATVEEV – 1st year student.

Научная статья
УДК 340

КРИТЕРИИ ЛЕГИТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Валерия Алексеевна МУРЗИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
vl.333.mr@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. Проблемы критериев легитимности государственной власти имеют большое значение в современном мире. Это связано с актуальностью вопросов о том, можно ли назвать власть в той или иной стране легитимной или же нет. В данной статье рассматриваются и анализируются основные подходы к легитимности государственной власти и ее критериев.

Ключевые слова: власть, критерии легитимности, легальность, легитимность государственной власти, типологии легитимности власти

CRITERIA FOR THE LEGITIMACY OF STATE POWER

Valeria A. MURZINA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
vl.333.mr@gmail.com

Scientific adviser – Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, **I. L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. The problems of criteria of legitimacy of state power are of great importance in the modern world. This is due to the urgency of questions about whether the government in a particular country can be called legitimate or not. This article discusses and analyzes the main approaches to the legitimacy of state power and its criteria.

Keywords: authority; criteria of legitimacy; legality; legitimacy of state power; typologies of legitimacy of power

Вопрос о критериях легитимности государственной власти имеет ряд дискуссионных вопросов, для понимания которых необходимо обратиться к понятию власти в целом, государственной власти и легитимности.

В своем учебном пособии И.Л. Честнов определяет власть через ее внешнее проявление — возможность воздействия вопреки воле и желанию того, на кого это воздействие осуществляется [1, с. 16]. Государственная власть является производной от социальной власти и власти в целом. Она также обладает критерием принудительности и легитимности.

Легитимность — это убеждение, что власть в стране наделена правом принимать решения, которые граждане должны выполнять [2, с. 147]. Легитимность представляет собой убеждение народа в правильности действий власти и ее положительной оценке. В какой-то степени это можно назвать повиновением, но важно понимать, что в данном случае оно является добровольным и не подкрепляется насилием. При этом следует отличать легитимность государственной власти от ее легальности. Легальность — это формальная законность власти¹, а легитимность, в свою очередь, связана с одобрением населения деятельности властей.

М. Вебер является создателем классической типологии легитимности и выделяет три типа легитимности: традиционный, харизматический и рационально-легальный. Традиционный тип основан на обычаях и опирается на веру в святость пришедших из прошлых времен порядков. Харизматический тип основывается на вере в силу исключительных личностных качеств лидера. Рационально-легальный тип основывается на соблюдении законных требований, готовности подчиняться установлениям, которые формально правильны и созданы согласно принятым нормам [3].

Однако следует отметить, что на данный момент существует более новая типология, созданная М. Доганом. М. Доган считает, что во веберовской типологии сохраняется лишь тип легально-рационально-бюрократический, однако из-за обширности формулировки из нее выделяются следующие разновидности:

1. Развитые плюралистические демократии (признаются большинством, как легитимные);
2. Авторитарно-демократические режимы (пользуются поддержкой населения, но права граждан соблюдаются лишь частично);
3. Диктаторский режим (большая часть населения власть не принимает, даже если открыто выступить против нее не может);
4. Страны, где не существует признания власти (проблема легитимности режима вообще отсутствует в сознании людей) [2, с. 149].

Вопрос о том, на основании каких критериев можно определить, что власть в стране является легитимной сам по себе дискуссионный. Основная проблема заключается в том, что не существует государств, где власть была бы абсолютно легитимной. Также это связано с тем, что легитимность власти тесно связана с психологией человека, что вызывает затруднения при поиске конкретных критериев.

¹ Понимается в большей степени, как соответствие деятельности государственной власти с действующим законодательством.

Однако, несмотря на данные проблемы, некоторые ученые пытаются выделить критерии, на основании которых можно было бы говорить о легитимности государственной власти. Например, Д. Истон считает, что частота нарушений законности и размах диссидентских движений, факторы насилия в жизни общества, а также суммы денег, затрачиваемых на меры безопасности, служат показателями степени легитимности. Однако данные критерии не могут являться абсолютным, потому что изменение этих показателей в стране зависит от многих факторов, например, экономических кризисов и других социальных явлений, не связанных с доверием населения к действующей власти в стране. Для решения данной проблемы можно пытаться отслеживать статистику не только об общем уровне преступности, а именно преступления, совершенные против государственной власти, к примеру, теракты, убийства должностных лиц, несанкционированные митинги против власти. Ярким примером этому служит Российская империя в начале XX в. Недовольство населения выражалось в создании различных незаконных организаций, массовых стачек, убийства министра внутренних дел В. Плеве. Всё это показывало делигитимацию власти, что в будущем привело к революции и падению монархии. Однако даже при учете характера преступных деяний нельзя точно сказать о легитимности режима, потому что население может попросту бояться проявить протест против власти, зная о том, что это может быть жестоко наказано. В таком случае власть лишь формально является легитимной из-за отсутствия сопротивления и принятия её действий, однако в эмпирической реальности легитимной она не будет. Таким образом, на основании данного критерия можно судить о легитимности власти, но он имеет ряд недостатков, которые необходимо учитывать.

Еще одним критерием можно назвать социологические опросы, но данный способ определения уровня легитимности тоже не является совершенным. На основе опросов можно скорее узнать уровень доверия или недоверия населения к различным институтам государственной власти. Для наибольшей точности опроса важно правильно поставить вопрос, на который будут отвечать респонденты. Неправильная или слишком широкая формулировка могут привести к значительному изменению в результатах. Также следует обратить внимание на варианты ответов, которые возможно выбрать. Ответ просто «Да» или «Нет» являются слишком категоричными. Следует сделать дополнительные варианты, к примеру, «Отчасти согласен (не согласен)» или «Скорее нет, чем да». Это позволит получить более точный результат, ведь в действительности мало людей совершенно доверяют (не доверяют) деятельности властей. Возвращаясь к формулировке вопроса, можно спросить: «Считаете ли вы, что органы власти (в данном случае можно конкретизировать, о каком органе идет речь) действуют правильно и в интересах народа?». Ответив на этот вопрос можно отчасти наиболее полно судить о легитимности государственной власти. М. Доган предлагает такой вариант постановки вопроса: «Нужен ли данный орган в политической системе?». Результат такого опроса будет отражать и критику, и полное доверие, что является наиболее близкой к формулировке легитимности. Однако М. Доган в своей работе «Легитимность режимов и кризис доверия», анализируя социальный опрос о доверии населения к власти, замечает, что, например, во Франции по результатам тестирования власти не доверяет 26% опрошенных, однако нельзя сказать, что власть во Франции не является легитимной [2, с. 151].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что непопулярность и недоверие к органам власти далеко не всегда свидетельствует о ее не легитимности. Это связано с тем, что население по большей степени видит недостатки в политической системе. Это является важной причиной, потому что необходимо проводить различие между доверием к институтам государственной власти и легитимностью как

таковой. Следует понимать, что ни один политический институт не может избежать критики и единодушно положительно оцениваться населением. Другим примером служит социальный опрос, проведенный в Волгоградской области. По его результатам 33,6% респондентов ответили, что обращение в правоохранительные органы в связи с совершенными в отношении их преступными посягательствам бесполезно, поскольку «всё равно меры не будут приняты» [4, с. 139]. Такие результаты связаны с отсутствием их ответственности перед гражданским обществом, а также высокой степенью закрытости. Это не свидетельствует о не легитимности правоохранительных органов в Волгоградской области, однако может послужить фактором делигитимации власти в глазах населения. Тем не менее, недоверие к государственным органам все же может служить критерием легитимности. Низкий уровень доверия к государственным институтам может свидетельствовать о неприятии действий властей населением.

Существуют также различные подходы к пониманию легитимности. Одним из них является либерально-демократическая позиция, которая предполагает, что легитимна та власть, которая избрана законным путем. Основная проблема заключается в том, что законный путь избрания далеко не всегда свидетельствует о легитимности власти в стране. В демократических формах правления на выборах может быть низкая явка населения или недобросовестные кандидаты могут использовать подкуп избирателей, что может повлиять на итоговый результат. В монархии власть по наследству может получить человек, не имеющий поддержки населения, хотя фактически власть получена законным путем. М. Доган отмечает, что в странах с демократической формой правления часто происходит смешение понятия легитимность и легальность власти [2, с. 151]. Власть, по мнению большинства населения, является легитимной, потому что существуют определенные условия сменяемости власти. Поэтому, несмотря на негативное отношение, население все еще продолжает доверять существующему режиму. Именно поэтому непопулярность какого-то государственного института не приводит к свержению действующей власти. В монархических формах правления присущ, как правило, традиционный тип легитимности, который предполагает веру населения в правильность такого способа смены глав государства.

Другой позицией является прагматическая, предполагающая, что легитимна только та власть, которая может поддержать порядок и стабильность в обществе. Данная позиция является отчасти правильной, потому что если население не выступает против власти и ее действий, то эту власть можно назвать легитимной, однако важно помнить, что легитимность не может быть абсолютной. Одним из главных недостатков такого подхода является тот факт, что среди населения может быть просто слабо развито гражданское общество или население не волнует проблема легитимности власти.

После всего вышесказанного можно сделать вывод, что вопрос о критериях легитимности государственной власти является дискуссионным. Это связано с тем, что легитимность власти не может быть абсолютной, поэтому очень сложно найти исчерпывающий критерий, на основании которого можно было бы говорить о легитимности, однако анализируя совокупность критериев можно сделать вывод о примерном уровне легитимности в стране. Так или иначе легитимность власть играет большую роль в политике, именно поэтому большинство правителей стремится легитимации своей власти.

Список источников

1. Честнов, И. Л. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата. Ч. 1. Теория государства / И. Л. Честнов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016.
2. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Полис. 1994. № 6.

3. Вебер, Макс Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – С. 270. Перевод изд.: Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5 revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972.

4. Доклад о деятельности уполномоченного по правам человека в Волгоградской области М.А. Таранова за 2001 год. Волгоград: Издатель, 2002.

Информация об авторах

В.А. МУРЗИНА – студентка 1 курса.

Information about authors

V.A. MURZINA – 1st year student.

Научная статья
УДК 342

РЕСПУБЛИКА КАК ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ

Ленар Фирдинадович НАУМЕТОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
lenar_naumetov@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Ирина Борисовна ЛОМАКИНА**, lomakina7311@gmail.com

Аннотация. В данной статье будет подниматься дискуссионный вопрос о роли и значении различных форм республик, а также построении высших органов государственной власти.

Ключевые слова: форма правления, республика, республиканская форма правления, классификации республик

THE REPUBLIC AS A FORM OF GOVERNMENT

Lenar F. NAUMETOV

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
lenar_naumetov@mail.ru

Scientific adviser – Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, **I. B. Lomakina**, lomakina7311@gmail.com

Abstract. This article will raise a debatable question about the role and significance of various forms of republics, as well as the construction of the highest state authorities.

Keywords: form of government, republic, republican form of government, classification of republics

Слово «республика» произошло из средневековой северной Италии, где существовал ряд городов-государств, в которых имела место специфическая форма управления коммунами и синьориями. Средневековые авторы описывали жителей республики как свободных людей. В настоящее время слово республика означает, прежде всего, систему управления, в ходе которой лидер получает свою власть от народа, а не какой-либо другой основе. Идеальная модель, которая пригодна абсолютно для всех государств, вряд ли существует.

Шагиева Р.В. указывает: «Формы правления различаются в зависимости от того, осуществляется ли верховная власть одним лицом или принадлежит выборному коллегиальному органу. В связи с этим и выделяют монархические и республиканские формы правления» [1, с. 147]. Республика как форма правления предполагает, что в управлении делами государства участвует народ, начиная с формирования органов публичной власти и заканчивая ответственностью последних перед избирателями. Так А. П. Альбов считает, что республика: «такая форма правления, при которой верховная власть осуществляется выборными органами, избираемыми населением на определенный срок и ответственными перед ним» [2, с. 86].

С точки зрения Оксамытного В.В. республика: «... представляет собой государство, в котором верховное правление осуществляется выборным органом от имени народа, делегирующего ему свои полномочия на определенный срок» [3, с.198].

Республика является комбинацией большинства с меньшинством. Делая свой обзор всех тогдашних конституций тогдашнего мира, Аристотель никак не мог не обратить внимания на конституцию именно этого Римского государства, к тому времени уже начавшего сильно расширяться и практически достигшего границ греческих территорий в Южной Италии. Однако, в дошедших до нас трудах Аристотеля, он нигде не называет Римскую Республику по имени, хотя в одной фразе в «Политике» он несомненно имеет в виду ее характерный конституционный строй: «В политиях немногие обладают авторитетом, чтобы отвергать, но не утверждать, ибо в последнем случае предложение всегда выносится на утверждение большинства» [4, с. 502].

Полития (республика) – власть большинства. Но у большинства единственная общая им всем добродетель – воинская, поэтому «республика состоит из людей, носящих оружие», «республиканское общество состоит из таких людей, которые по природе своей воинственны, способны к подчинению и власти, основанной на законе, по силе которого правительственные должности достаются и бедным, лишь бы они были достойны» [5, с. 104].

На основании вышеизложенного мы пришли к выводу, что республика представляет собой такую форму правления, при которой в основе организации и функционирования высших органов государственной власти лежат принципы выборности и периодической сменяемости.

Республиканская форма правления использовалась в Древнем мире. Как известно из истории существовали республики: рабовладельческая аристократическая; рабовладельческая демократическая и феодальная аристократическая. Так, в Риме существовала рабовладельческая аристократическая республика (с VI по I в. до н. э.). «Органами государственной власти в Римской республике, – отмечает Рассолов М. М., – формально считались народные собрания, которые были правомочны принимать решения, имеющие юридическую силу» [6, с. 90].

Классификации республиканской формы правления различны. К числу традиционных видов республик относятся: президентская, парламентская и смешанная. В президентской республике существует определенное соотношение полномочий президента, который является главой государства; правительства, что обладает исполнительной властью; парламента, который представляет собой законодательный орган; причем президент обладает полномочиями как главы государства, так и главы правительства. Примером президентской республики являются США, Бразилия, Мексика, Аргентина.

Для парламентской республики характерно наличие сильной законодательной власти, которой подчинена исполнительная власть.

В ходе нашего исследования выяснилось, что у президента в парламентской республике отсутствует право вето на законы, право введения чрезвычайного положения, право проведения референдума. Парламентские республики: Индия, ФРГ, Италия, Турция и др.

Смешанные формы республики отличаются позитивным началом, поскольку в них обеспечивается стабильность правительства. Однако отрицательная сторона заключается в том, что происходит нарушение разделения властей, системы «сдержек и противовесов», усиление президентской власти.

По ряду формально-юридических признаков к республикам смешанного типа можно отнести и РФ. «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления».

В современном мире существуют и нетипичные виды республик. Бакарджиев Я.В. к нетипичным формам правления относит формы правления, которые нельзя отнести к классическим монархиям либо республикам, сочетающие в себе признаки обеих, это: «полупрезидентская республика»; «полупарламентская республика»; «суперпрезидентская республика»; «президентско-монархическая республика»; «президентско-милитарная республика» [7, с. 103].

В полупрезидентской республике устанавливается ответственность перед парламентом отдельных министров, но не главы государства. В полупарламентской республике устанавливается усложненный порядок объявления вотума недоверия правительству. В суперпрезидентской республике чрезвычайно усиливается власть президента – власть сосредоточена преимущественно в руках Президента и подконтрольных ему административных институтов.

Существование президентско-монархической республики возможно при однопартийных системах. Лидер партии провозглашается в условиях однопартийного политического режима пожизненным президентом, у парламента отсутствуют реальные полномочия.

Президентско-милитарная республика характерна в условиях военных режимов, когда президент страны, являясь верховным главнокомандующим, обладает юридически и фактически всей полнотой власти. Я считаю, что это временная форма правления, т.к. она просуществовала в Алжире и Нигерии более 10 лет, верховная власть опиралась на армию.

На основании вышеизложенного мы пришли к выводу о том, что форма государственного правления, являясь элементом формы государства, вместе с формой государственно-территориального устройства и политическим режимом характеризует организацию публичной власти в государстве.

Список источников

1. Шагиева Р.В. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие /Р.В. Шагиева, Л.А. Букалеров, В.В. Виноградов, М.А. Горбунов ; отв. ред. Р.В. Шагиева. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. – С. 147.
2. Альбов А.П. Теория государства и права в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник и практикум для прикладного бакалавриата / А. П. Альбов [и др.] ; под общ. ред. А. П. Альбова, С. В. Николюкина. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – С. 86
3. Оксамытный В.В. Общая теория государства и права [Электронный ресурс] : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В.В. Оксамытный. – Электрон. текстовые данные. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – С. 198. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/52525.html>.
4. Трактат Аристотеля. «Политика» – 502 с.
5. Аристотель. «Политика» 2004 – 194 с.
6. Рассолов М.М. Теория государства и права [Электронный ресурс] : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / М.М. Рассолов. – Электрон. текстовые данные. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – С. 90. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/66301.html>.
7. Бакарджиев Я. В. Указ. соч. С. 103–104.

Информация об авторах

Л.Ф. НАУМЕТОВ – студент 1 курса.

Information about authors

L.F. NAUMETOV – 1st year student.

Научная статья
УДК 340

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА

Софья Алексеевна СТОГОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
sofya.stogova@yandex.ru

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. В данной статье проанализированы сформировавшиеся в науке подходы к пониманию терминов источник права и судебная практика. Проблемная тема раскрывается посредством рассмотрения и анализа мнений различных учёных по поводу вопроса о признании правотворческой способности постановлений Пленума Верховного суда и постановлений Конституционного суда.

Ключевые слова: источник права, судебная практика, постановления Конституционного суда, постановления пленума Верховного суда, правотворчество

THE PROBLEM OF RECOGNITION OF JUDICIAL PRACTICE AS A THE SOURCE OF MODERN RUSSIAN LAW

Sofya A. STOGOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
sofya.stogova@yandex.ru

Scientific adviser — Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, **I. L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. Annotation: this article analyzes the approaches that have been formed in science to understand the terms source of law and judicial practice. The problematic topic is revealed through the consideration and analysis of the opinions of various scientists on the issue of recognizing the law-making ability of the decisions of the Plenum of the Supreme Court and the decisions of the Constitutional Court.

Keywords: source of law, judicial practice, decisions of the Constitutional Court, decisions of the Plenum of the Supreme Court, lawmaking

Российская Федерация, принадлежащая к странам романо-германской правовой семьи, имеет определенную теорию источников права. Прежде чем раскрыть указанную тему исследования, необходимо выяснить, что подразумевается под понятием «источник права».

Ещё в начале XX века И.В. Михайловский, писал, что термин источник права понимается различно, и призывал ученых прийти к единому мнению по поводу понимания этого термина [4, с. 237]. Важно отметить, что наличие различных подходов обуславливается тем, что ученые придерживаются различных типов правопонимания, от которых, собственно, и зависит интерпретация правовых институтов [9, с. 4]. Г.Д. Гурвич полагает, что в юридическом смысле источник права выступает как гарантия эффективности права и основание обязывающей силы действующего права. Он, в свою очередь, выделяет первичные источники, которые являются основой власти и эффективности вторичных источников [1, с. 158-159]. С.С. Алексеев определяет источник права как силу, создающую право. Эта сила

представляется им в качестве власти государства, которая реагирует на потребности общества, развитие общественных отношений и принимает соответствующие правовые решения [8, с. 295].

Изложить теорию источников права, принятую в романо-германской правовой семье очень нелегко. Тем не менее, в современных условиях, первичным источником права является закон, составляющий «скелет» данной правовой системы и основу национального законодательства [2]. К законам, в свою очередь, относятся конституции и конституционные законы. К вторичным источникам права романо-германской правовой семьи относятся обычаи; международные договоры, которые некоторыми авторами сравниваются по значению с конституционными законами; доктрины, вырабатывающие принципы романо-германского права; судебная практика, а также общие принципы, выстраивающие основы деятельности основных судебных органов. Также необходимо отметить, что, говоря об источниках романо-германского права, нужно учитывать, что источники правовых систем не всегда совпадают с источниками формирующих ее национальных систем права.

Признание судебной практики в качестве источника современного Российского права является предметом многих дискуссий. Прежде чем перейти к рассмотрению данного вопроса, необходимо выяснить, что означает термин «судебная практика», который, несмотря на важное место, занимаемое в системе источников права, по мнению М.Н. Марченко, никогда не понимался одинаково [3, с. 357]. Л.И. Петражицкий определяет судебную практику как однообразное применение нормы права судами правовой области [5, с. 452]. Р.С. Притченко полагает, что «судебная практика – это совокупная деятельность органов судебной власти по выработке и закреплению в своих решениях правоположений, направленная на обеспечение осуществления правосудия». В.М. Сырых утверждает, что судебная практика – это деятельность всех судебных органов по отправлению правосудия [6, с. 17-18]. Таким образом, обобщая мнения ученых, можно сформулировать определение судебной практики как деятельности органов судебной власти, выражающейся в однообразном применении нормы права, направленной на осуществление правосудия.

Переходя к проблеме признания судебной практики как источника современного Российского права, необходимо также сказать о том, что официально судебная практика не признается источником Российского права, исходя из того, что компетенция суда конституционно определяется только лишь применением права. Но несмотря на это, существуют мнения о том, что судебная практика является одним из источников российского права. Для изучения проблемы, перейдем к рассмотрению мнения различных ученых по данному вопросу.

В.М. Жуйков говорит о том, что правовая система РФ имеет множество пробелов и противоречий в законодательстве – несоответствие между Конституцией и федеральными законами, нарушения прав и свобод человека. Он считает, что суд не может дожидаться, когда законодатель примет все необходимые законы с целью устранить пробелы в праве, так как основной задачей суда является обеспечение прав и свобод человека и гражданина и их защита, в том числе от самого государства. Судебная практика признается В.М. Жуйковым источником права в форме постановлений Пленума Верховного суда, где даются разъяснения по вопросам судебной практики. Так как в Российской Федерации, существует разделение государственной власти на законодательную, судебную и исполнительную ветвь власти¹, то постановления Пленума Верховного суда становятся актами органа государственной власти, которые обеспечивают правильное и единообразное применение законодательства и являются источником права, восполняя пробелы, существующие в законодательстве [7, с. 78-90].

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31. Ст.10.

С этим мнением не согласен В.С. Нерсесянц, который считает, что основной смысл разделения властей заключается в разграничении функций, полномочий и сфер деятельности этих властей. Судебная власть обладает иными полномочиями, отличающимися от полномочий власти законодательной и исполнительной, поэтому судебная практика представляет собой лишь правоприменительную деятельность. По смыслу конституционного разделения властей, акты всех звеньев судебной системы – судов общей юрисдикции, арбитражных судов, Конституционного суда, Пленума Верховного суда – являются лишь правоприменительными. Он также отмечает, что постановления Пленума Верховного суда, где содержатся разъяснения по поводу судебной практики, относятся к отправлению правосудия и носят рекомендательный характер, ведь у судебной власти нет права отменять нормативно-правовой акт, признанный ею не соответствующим Конституции или закону, так как это относится к функции правотворческих органов. Решение судебного органа о несоответствии рассмотренного нормативного акта Конституции РФ является лишь основанием для отмены этого акта, с которым законодатель связывает определенные последствия (утрата силы акта, его неприменение судами). Тем не менее, В.С. Нерсесянц считает судебную практику одним из важных источников для правотворчества [7, с. 107-112].

М.Н. Марченко согласен с тем, что только законодатель может отменить или изменить нормативные акты, не соответствующие Конституции или обычному закону, но всё же считает, что суд обладает правотворческими возможностями. Он полагает, что юридической силой обладают только итоговые решения Конституционного суда – постановления, которые фактически выступают в качестве источников права, так как являются результатом правотворчества судей. Другие решения Конституционного суда выступают в качестве одного из возможных источников правотворчества. [3, с. 392].

Здесь важно отметить, что для признания постановлений Конституционного суда источником права важна роль аналогии решения дел. Для вынесения решения нового дела на основе «первичного решения» необходимо доказать, что рассматриваемые дела аналогичны. Конституционный суд, согласно статье 43.3. ФКЗ «О Конституционном суде», от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021), не принимает к своему производству обращения, по которым есть вступившие в силу постановления Конституционного суда. Следовательно, правило аналогии не будет работать, так как обращение не будет принято в рассмотрение¹.

А.И. Бойцов считает, что одной из черт уголовного права романо-германской правовой системы, к которой относится Российская Федерация, является подзаконность судебных решений. Подзаконность предполагает не связанность судебных решений с собственными прежними желаниями и с решениями других судов по однородным делам, что лишает судебную практику возможности быть источником российского современного права. [7, с. 14].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основные дискуссии о признании судебной практики в качестве источника современного российского права ведутся вокруг вопроса о правотворческой способности постановлений Пленума Верховного суда и постановлений Конституционного суда. Одни ученые считают, что данные органы обладают правотворческой способностью и, посредством своих постановлений и решений, способны влиять на право. Другие ученые полагают, что постановления Пленума Верховного суда и решения Конституционного суда не имеют возможности изменять право, а способствуют его развитию путем разъяснения имеющихся правовых норм. Хотя признание судебной практики одним из источников права Российской Федерации противоречит статье 120 Конституции РФ: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Фе-

¹ ФКЗ «О Конституционном суде», от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021).

дерации и федеральному закону»¹, на мой взгляд, признание судебной практики в качестве источника позволило бы решить проблему существования пробелов в праве и постепенно бы совершенствовало правовую систему Российской Федерации. Такое признание, в свою очередь, предполагает высокий уровень развития судебной системы, к чему наше общество должно стремиться.

Список источников

1. Гурвич, Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной — СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. — 848 с.
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1988. — 496 с.
3. Марченко, М.Н. Источники права: учеб. пособие. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. — 760 с.
4. Михайловский, И.В. Очерки философии права. Т.1. Томск. 1914. — 632 с.
5. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — Серия «Мир культуры, истории и философии». — СПб.: Издательство «Лань», 2000. — 608 с.
6. Притченко, Р.С. Вопросы понимания судебной практики. Одесса, 2008. — 19 с.
7. Судебная практика как источник права. — М: Юрист, 2000. — 160 с.
8. Теория государства и права: Учебник для вузов /Под. ред. проф. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. — 2-е изд., изм. и доп. — М. ; Издательство НОРМА(Издательская группа НОРМА— ИНФРА.М), 2000. — 616 с.
9. Честнов, И.Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч.2. Теория права / И.Л. Честнов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт(филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. — 116 с.

Информация об авторах

С.А. СТОГОВА — студентка 1 курса.

Information about authors

S.A. STOGOVA — 1st year student.

Научная статья
УДК 340

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В МЕХАНИЗМЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Анастасия Александровна ШКИНЦОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
userfuture-school2@yandex.ru

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние бессознательного в различных поведенческих механизмах. Приводится описание не контролируемых сознанием человека феноменов. А также рассматриваются возможные проявления бессознательного в индивидуальном правомерном и противоправном поведении.

Ключевые слова: бессознательное, механизмы поведения, правосознание, противоправное поведение

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31. Ст.10.

THE UNCONSCIOUS IN THE MECHANISM
OF INDIVIDUAL UNLAWFUL BEHAVIOR

Anastasia A. SHKINTSOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

userfuture-school2@yandex.ru

Scientific adviser – Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, **I. L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. The article discusses the influence of the unconscious in various behavioral mechanisms. The description of phenomena not controlled by human consciousness is given. Possible manifestations of unconsciousness in individual lawful and unlawful behavior are also considered.

Keywords: unconscious, mechanisms of behavior, legal consciousness, illegal behavior

Психические явления и процессы, находящиеся вне сферы разума, скрытые от сознания человека и им не контролируемые, принято называть бессознательными. Однако важно отметить тот факт, и впредь иметь в виду, что прежде, чем перейти в сферу бессознательного, человек неоднократно продуцирует своим сознанием определённые мысли, чувства, действия и поступки. Как раз-таки бессознательное хранит информацию о переживаниях, ощущениях, влечениях, которые по разным причинам, «исключает» само сознание. По К.Г. Юнгу, «любое явление может стать бессознательным в той или иной степени» [1, с. 127]. Каждый человек способен натренироваться на положительный или отрицательный бессознательный поступок. В последующем его психика делает это как бы неосознанно, отрепетировано. Именно в этом механизме применительно к индивидуальному противоправному поведению мы попробуем разобраться.

Нужно заметить, что механизм поведения человека есть его своеобразный регулятор, действие которого обусловлено социумом. Условно можно выделить когнитивные, они же интеллектуально-волевые, и аффективные элементы в механизме поведения. Далее речь пойдёт о последних. Они имеют место в бессознательной сфере и активизируют представления, реализующие их в действии. Разберёмся более подробно в том, как бессознательное проявляется в поведении.

Так, поведенческие автоматизмы, под которыми следует понимать ситуативные действия, происходят без обдумывания: им не предшествует предварительное осмысление или замысел – они происходят сами собой, машинально. Эти автоматизмы и стереотипы можно считать привычками. Человек не осознаёт их, так как они отработаны, о чём уже было сказано ранее.

Неосознаваемые человеком мотивы – влечения и установки – при которых человек не осознаёт, что именно побуждает его к такого рода деятельности, также являются примером бессознательного в поведении. Это проявляется в форме психологических установок. Как правило, в таком случае речь идёт о действиях в состоянии аффекта. «Аффект – это отличное от эмоций, чувств и настроения, особое эмоциональное состояние человека, для которого характерны быстрота, кратковременность и внезапность возникновения, а также – вспышка эмоций и резко выраженные двигательные проявления» [2, с. 31]. Это связано с тем, что в определённых обстоятельствах установка оказывает особое влияние на механизм поведения: человек начинает действовать исходя из своих чувств и эмоций, которые, казалось бы, и являются причиной такого поведения. В то время как на самом деле, срабатывает та самая, индивидом неосознаваемая, бессознательная установка. А чувства и эмоции – своеобразный способ её внешнего выражения.

Существует также такое интересное проявление бессознательного как подпороговое восприятие, под которым следует понимать осуществляемое без контроля сознания предметное восприятие. Г.В. Гершуни доказал, что «выработка условных рефлексов возможна на неосознаваемые раздражители» [3, с. 57]. В данном случае речь идёт о процессах восприятия, которые субъектом не осознаются, но влияют на поведение.

Сюда же можно отнести такие бессознательные феномены как озарение, вдохновение, интуиция. Сложность здесь заключается в том, что в то же время они являются примерами социально-психологических механизмов. Ошибки, оговорки и опiski как примеры ошибочных действий также являются проявлением бессознательного. Спорно, однако, по Фрейдю, «сюда же входят сновидения» [4, с. 15].

Таким образом, поведение каждого человека индивидуально и неповторимо. Совокупность реакций на одно и то же явление неодинакова у разных людей. И, соответственно, результат может быть правомерным или же противоправным. Даже если внешнее поведение людей схоже, нужно понимать, что внутренние бессознательные процессы уникальны для каждого.

Механизмы биологической природы, человеком неосознаваемые, на бессознательном уровне регулируют поведенческие акты человека, на что также влияют различные ощущения, чувства, эмоции. Причём глубинные переживания берут свою основу именно на бессознательном уровне. Мы попробуем на примере различных отдельно взятых механизмов поведения рассмотреть в каждом из них элементы бессознательного.

Различные конфликты и дилеммы, которые происходят внутри личности, могут ею же разрешаться посредством двух неразрывно связанных между собою механизмов. Первый механизм является проявлением осознанности человека, когда он способен и желает прилагать определённые интеллектуально-волевые усилия для размышления, разрешения той или иной ситуации. Второй – бессознательный механизм. Он, безусловно, влияет на поведение человека, так как сфера бессознательного формируется на протяжении всей жизни человека. Бессознательное способно самостоятельно проявляться в механизме поведения.

Так, такой поведенческий механизм как «Отыгрывание», который изучается в психологии, подразумевает под собой совершение желаемых действий, при условии, что индивид понимает, что это противоправно. Зачастую на практике сталкиваются с тем, что человек стремится опровергнуть свои действия, скрыть, отказаться от них. Весьма похож в этом плане такой поведенческий механизм как механизм «Отказа», когда по самым разным причинам, которые могут не осознаваться человеком, он не принимает тот факт, что те или иные действия, были им совершены. Особенно когда речь идёт о действиях противоправного характера. Например, изменение показаний свидетелем может быть обусловлено как внешними факторами, воздействием других лиц, так и внутренними. В последнем случае совокупность этих факторов является ничем иным, как проявлением того, что человек произвёл переоценку своего положения, положения других лиц, понял влияние своих слов и действий. Причём сделать это, изменить показания, он может как полностью, так и частично. Таким образом, дача заведомо ложных показаний – это проявление противоправного поведения. Однако человек не всегда может понять и осознать причину таких перемен.

Индивид может также подавлять свои цели, желания в случае, если он не способен их достичь. Именно это характерно для механизма замещения и вытеснения, когда те мысли, чувства и действия, которые не приемлет человек, помимо его воли переходят в бессознательное. Элемент замещения проявляется в перенаправлении эмоций от одного объекта, которым как раз-таки вызваны эти эмоции, на другой. Происходит переориентация: человек ставит перед собой другие цели, они могут быть и противоправными в том числе; он смещает фокус своего внимания и на-

чинает желать другого. Как правило это делается ввиду наличия внутренних сомнений, которые формируются в человеке длительный период и в последующем переходят в сферу бессознательного, откуда и влияют на поведение человека.

Особый интерес представляет такой механизм как реакция формирования, так как здесь наиболее чётко можно проследить действие бессознательного в индивидуальном поведении. Речь идёт о том, что человек совершает в итоге действия, противоположные тем, которые он хотел совершить изначально. Это своего рода механизм защиты, для которого характерны преувеличение истинного содержания своих действий, либо же вовсе диаметрально противоположные действия, совершаемые из-за страха осуждения. Бессознательно человек стремится к тому, чтобы скрыть какое-либо действие, он отрицает, не желает признавать и признаваться, в том числе и себе, в истинном содержании своих намерений и причинах изменения этого поведения.

Каждый из нас хоть раз замечал за собой или за другими стремление подражать, повторять чьё-либо поведение, желание быть похожим на кого-то. Впервые это было отмечено З. Фрейдом, который характеризовал это «проявлением таких поведенческих механизмов как подражание и внушение» [5, с. 774]. Также Гюстав Лебон, активно занимавшийся изучением психологии толпы, народов и масс, считал, что «само по себе общество порождает безответственность, ввиду возникающего чувства анонимности у человека, находящегося в толпе» [6, с. 152]. Зачастую именно толпа подталкивает человека к совершению противоправных действий, так как так их легче совершать. Затеряться становится проще, нарушать правовые рамки общества – легче. Однако возможно и положительно влияние массы на индивида (энтузиазм, героизм), когда бессознательное выступает как нерелефлексированное, доведенное до автоматизма, стремление, готовность к самопожертвованию.

Может быть и такое, что в ответ на стрессовую для человека ситуацию он начинает совершать действия регрессивного характера. Ведя себя таким образом, человек бессознательно испытывает стремление вернуться к тому, чтобы обеспечить себе зону комфорта и безопасности. Самостоятельно же человеку очень сложно разобратся в том, как именно бессознательное влияет на поведение.

Таким образом, истоки каждого поведенческого механизма включают в том числе бессознательные процессы. Необходимо выяснять неосознаваемые мотивы поведения, что видится невозможным без изучения взаимосвязи осознаваемых и неосознаваемых психических установок, в то время как факт их существования уже сам по себе является неопровержимым.

Так, человек сопоставляет своё поведение с тем, что и какие действия будут являться и являются правомерными, а какие – противоправными. То есть внешние регуляторы, регулятивы поведения влияют как на уже внутренние существующие у человека регулятивы, пределы, границы его поведения, изменяя, корректируя их, так и создают новые. В то время как уже существующие, устоявшиеся регулятивы способны влиять и влияют на восприятие внешних: на существующие нормы права, сложившийся и изменяющийся порядок. А значит, сам факт неосознания норм права ведет к тому, что человек, нарушает их, тем самым, демонстрирует противоправное поведение.

В большинстве случаев в обыденном правосознании среднестатистического человека отсутствует четкое представление о законодательстве, регулирующем то или иное поведение. Чаще всего – это смутные образцы, подчерпнутые из личного опыта, мнения окружающих, СМИ. Эти представления преломляются в умения – практики, которые опривычиваются и осуществляются автоматически. Именно в них и проявляются бессознательные моменты индивидуального правомерного поведения.

Важна роль бессознательного и в криминологии. Многие мотивы противоправного поведения спрятаны глубоко в подсознании, в то время как внешне всё может казаться понятным. Уделяя должное внимание роли бессознательного можно

выяснить неочевидные, но истинные побуждения, причины выбора конкретной модели поведения. Изучение бессознательного в криминологии необходимо для формирования более правильного представления о подлинных мотивах.

Список источников

1. Юнг, К. Г. Психология бессознательного : монография / К. Г. Юнг. – Москва : Когито-Центр, 2006. – 352 с.
2. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы. Хрестоматия / Авторы-соавтатели Ф. С. Сафуанов, Е. В. Макушкин. – М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2013. – 312 с.
3. Гершуни Г. В. Исследования нейрофизиологических механизмов процесса различения внешних сигналов. М., 1964.
4. Фрейд, З. Толкование сновидений : [пер. с нем.] / Зигмунд Фрейд. – М.: АСТ : Астрель, 2011. – 574 с.
5. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я // З. Фрейд // Я и Оно: соч. – М.: ЭКС-МО-Пресс, 1998. – С.774-776.
6. Лебон, Г. Психология масс / Г. Лебон ; переводчики Э. К. Пименова, А. Фридман. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 264 с.

Информация об авторах

А.А. ШКИНЦОВА — студентка 2 курса.

Information about authors

A.A. SHKINTSOVA — 2st year student.

Научная статья
УДК 340

**ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА
ПО ДЕЛУ ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ**

Екатерина Александровна ЯСЕНОВСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
jasenovskaja2002@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент **Наталья Михайловна ИВАНОВА**, I-natalii@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются существенные положения речи П.А. Александрова и К.И. Кесселя, отражающие изменение общественного правосознания российского общества второй половины XIX в. Рассматриваются обстоятельства покушения Веры Засулич на Санкт-Петербургского градоначальника генерала Ф.Ф. Трепова, анализируется история жизни революционерки, показано зарождение женского терроризма.

Ключевые слова: адвокат, государственный обвинитель, террористический акт, суд присяжных, уголовный процесс

**HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE PROCESS
IN THE CASE OF VERA ZASULICH**

Ekaterina A. YASENOVSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
jasenovskaja2002@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. **N. M. Ivanova**, I-natalii@yandex.ru

Abstract. The article deals with the essential provisions of P.A. Alexandrov and K.I. Kessel, reflecting the change in the public legal consciousness of Russian society in the second half of the 19th century. The circumstances of the assassination attempt of Vera Zasulich on the St. Petersburg mayor, General F.F. Trepova, the biography of a terrorist, the preparation of a terrorist attack is analyzed, the origin of female terrorism is shown.

Keywords: lawyer, public prosecutor, act of terrorism, jury trial, criminal process

Вера Засулич – «праведный» палач, совершивший диверсионно-террористический акт против полномочного представителя государственной власти; милая девушка, прославившаяся кровавым возмездием за пределами нашей необъятной страны. Юная террористка освещала на протяжении многих поколений тернистый путь одиноким революционерам, чьи жизни в любой момент готовы были взойти на жертвенник общественной свободы, «справедливым» светом своего дерзкого поступка. Но как бы парадоксально это не звучало, не многие задумывались над историей жизни Верочки, остается без внимания и роль государственного обвинителя, адвоката в судебном разбирательстве.

Юриспруденция как наука требует провести анализ и выявить причину оправдательного приговора, вынесенного судом присяжных, определить совокупность логических законов, к которым прибегали П.А. Александров и К.И. Кессель в своих речах. Материалом для исследования послужили выступления на суде присяжного поверенного и товарища прокурора в деле Веры Засулич.

В Петербурге, 24 января 1878 года, молодая девушка совершила покушение на жизнь генерал-адъютанта, обер-полицмейстера, петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, внебрачного сына Николая I. Виновница этого громкого дела – Вера Засулич – и не пыталась скрыться с места преступления. Причиной ракового выстрелила в чиновника из револьвера «бульдог» стал приказ высечь студента-революционера Боголюбова, арестованного 6 декабря 1876 года за участие в демонстрации молодежи на площади у Казанского собора в Петербурге. 13 июля 1877 г. градоначальник инспектировал дом предварительного заключения. Войдя во двор, повстречался с группой заключенных, среди которых находился и Боголюбов. Все они были в тюремных одеждах и, поравнявшись с Треповым, сняли головные уборы и поклонились. Трепов, видимо, не обратил на них внимания, поскольку при повторной встрече Боголюбов не стал здороваться, чем вызвал раздражение чиновника, который закричал: «В карцер! Шапку долой!» и сделал движение, намереваясь сбить с головы Боголюбова фуражку. Революционер машинально отшатнулся. Большинство смотревших на это решили, что Трепов ударил Боголюбова. Начались крики, стук в окна. Трепов, потрясая кулаками, что-то кричал [1, с. 148].

Дело в том, что по приказу Трепова Боголюбову было назначено дисциплинарное наказание в виде 25 ударов розгами. Однако, хотя заключенный по приговору суда был лишен всех прав состояния, приговор еще не успел вступить в законную силу [6, с. 36], и, следовательно, указ градоначальника был юридически недействительным. Между тем по городу поползли слухи, что Боголюбову дали не 25 розг, а секли до потери сознания. Это вызывало возмущение общественности, и настроения об отмищении среди части населения молодого возраста [5, с. 196]. Чувствуя нарастающее негодование, участница народного движения двадцатидевятилетняя Вера Засулич решила сыграть роль карательного меча и восстановить справедливость. Нужно отметить, что жизнь заключенного оборвалась 24 января 1878 года, он решил взвалить на себя смертный грех – совершить самоубийство.

Государственная юстиция настояла на том, что при рассмотрении уголовного дела Веры Засулич обвинитель должен воздержаться от какой-либо моральной

оценки действий Трепова. Однако такое условие послужило поводом к неотвратимому промаху: два талантливых юриста – С.А. Андреевский и В.А. Жуковский – отказались выступать в качестве товарища прокурора в этом процессе. Тогда выбор пал на не самую удачную кандидатуру – К.И. Кесселя.

Важно отметить, что деяние Веры Засулич не было квалифицировано как террористический акт, хотя болезненные и интенсивные споры о необходимости расщепления преступления таковым шли на разных уровнях власти, все же в высших эшелонах приняли решение о признании дела чисто уголовным и необходимости его направления в суд присяжных. «Всякий намек на политический характер из дела Засулич устранялся... с настойчивостью, просто странною со стороны министерства, которое еще недавно раздувало политические дела по ничтожнейшим поводам», – вспоминал А.Ф. Кони [3, с. 16].

Очередная неудача ожидала обвинителя в области отвода присяжных: он не воспользовался названным правом, и эту возможность незамедлительно решил использовать защитник Засулич. Петр Александров из явившихся по вызову 29 присяжных отвел не 6, а сразу 11 лиц. Причем адвокат искусно понимал, от чьих фигур необходимо избавиться. Готовясь к процессу, он регулярно присутствовал на разборе различных уголовных дел в окружном суде, где внимательно наблюдал за каждым присяжным заседателем, изучая его характер, манеру поведения, реакцию на доводы защиты и обвинения и на показания свидетелей. Уловив лояльное настроение крупных чиновников и купцов, традиционных сторонников власти, Александров удалил их, но оставил представителей чиновничества средней руки [7]. Читатель может задаться весьма любопытным вопросом: почему же адвокат принял решение оставить средний класс и интеллигенцию в качестве присяжных заседателей? Ответ прост: эти слои общества Трепова ненавидели, его обвиняли в подкупности, в насилии над городским самоуправлением. Словом, в итоге в присяжные заседатели попали те, кто не одобрял верховную власть в силу своего юридического и социального статуса, и кто не питал чувства симпатии к императорскому любимцу.

Ровно в 11 часов утра 31 марта 1878 г. открылось заседание Петербургского окружного суда под председательством А.Ф. Кони. После выяснение деталей дела у Веры Засулич и опроса свидетелей согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и сложившемуся порядку первым взял слово государственный обвинитель Г.И. Кессель. Это выступление можно характеризовать как исчерпывающее формализмом, пронизанное до глубины юридическим стилем повествования, в связи с чем в исторической литературе принято оценивать его как «бесцветное».

Однако если иметь в виду эту «чисто юридическую сторону дела», основанную на действующих в тот момент государственных законах, то прокурор был достаточно убедителен. Обратимся к первоисточнику и приведем конкретные аргументы для защиты вышеуказанной позиции. Например, Кессель ссылается на максиму Канта, чтобы показать, что единственно возможный и законный метод улучшения общественного устройства следует искать в суде, «решающем, что есть право и что не право»: «В практической жизни общие положения, принципы нравственности... выражаются законом, который путем отрицательным, путем определения: чего нельзя делать, указывает границы, за пределами которых начинается область безнравственности» [3, с. 31].

Далее Кессель глубокомысленно рассуждал: «Всякому известно, что человек по свойству своей природы стремится к тому, чтобы устранить для него неприятное: каждый человек, обладающий умственными способностями, взрослый, живущий в обществе, знает, что за преступление законом полагается неприятное для преступника последствие». Увлечшись подобного рода эскападами, прокурор совершил ошибку. [4, с. 40]

Акцентируем внимание на том, что речь адвоката Александрова была построена на противоположных категориях. Она вбирала в себя не столько юридический аспект, сколько пестрила нравственными законами и общественно-политическими идеями, что легко обнаруживается при ознакомлении с содержанием выступления Александрова.

В речи П. А. Александрова отыскиваются попытки эмоционального воздействия на суд присяжных с помощью описания непосильных тягостей, с которыми на протяжении жизни сталкивалась В. Засулич: «Поехала она в одном платье, в легком бурнусе. Был апрель месяц, стало в легком бурнусе невыносимо холодно: жандарм снял свою шинель и одел барышню» [4, с. 44]. По мнению защитника, известия об экзекуции над Боголюбовым и глумлении над достоинством молодого революционера заставили ее вспомнить о перенесенных страданиях и ранили собственное сердце девушки.

Более того, Александров не делает ни одной ссылки на конкретные нормы права. А там, где он все же касается юридического аспекта, то делает это максимально выигрышно для своей подзащитной, и в этом, собственно, проявилось его мастерство как защитника. В ходе процесса Засулич из преступницы превращалась в мученицу за идею, героиню, достойную подражания. Сама она впоследствии, вспоминая о своих ощущениях во время судебного заседания, писала: «С каждой минутой я все сильнее чувствовала, что нахожусь... в состоянии полнейшей неуязвимости... Что бы ни придумали эти господа — я-то буду спокойно посматривать на них из какого-то недостижимого для них далека» [2, с. 63]. По мнению современных исследователей, «фактически в ходе процесса над Засулич русское либеральное общество само нашло достаточно убедительные аргументы того, что Трепов наказан по заслугам, и состоялось первое представление образа террориста-мученика, стремление к новому воспроизведению которого определит впоследствии характер террористической деятельности как «Народной воли», так и ее наследников из партии социалистов-революционеров». О том, как повлияла речь адвоката Александрова, свидетельствует решение суда присяжных.

Оправдательный приговор прозвучал для сановников неожиданно, государственные деятели не могли предположить, что судебный процесс станет триумфом для обвиняемой, а генерал Трепов олицетворит произвол, которому должны сопротивляться граждане. Пресса награждала аплодисментами героизм юной Веры, решение суда общественность рассматривала как наступление небывалых времен законности. Совсем немногие публицисты выражали иной взгляд на поступок хладнокровной террористки, высказывали другие причины ее действий, не признавали справедливым решение суда. Примером такого издания стала влиятельная общественно-политическая газета «Московские ведомости», издававшаяся под редакцией М.Н. Каткова. В публикации во всех отношениях беспристрастно отмечалось, что во время судебного процесса присяжный поверенный ставил своей целью любой ценой ослабить вину Веры Засулич, акцентируя внимание слушателей на добросовестных причинах, которые побудили девушку к покушению на убийство. Сторона защиты стремилась не придавать значения мотивам преступления, а насколько возможно опорочить поступок жертвы преступления, тем самым оправдывая акт обвиняемой.

В наше время можно согласиться с тезисом, изложенным в передовой статье «Московских ведомостей»: «Гражданское общество не может держаться, коль скоро суд, основанный на законе и служащий ему органом, будет оправдывать преступление и возводить его в апофеозу»¹ [8].

Исходя из вышесказанного, автор выражает такое мнение: прения прокурора К.И. Кесселя и присяжного поверенного П.А. Александрова были похожи на по-

¹ Московские ведомости. 1878. 2 апреля. № 85. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/697674> (Дата обращения: 12.02.2022).

единок Атлантов. Во многом на вынесенное решение суда присяжных повлияли и исторические события, и грамотное воздействие на их эмоциональное состояние слушателей.

Да, обвинитель Кессель звезд с неба не хватал, но ведь все существенное сказано было: что Вера Засулич признает, что она лично стреляла в градоначальника; что недопустимо использовать аморальные методы для достижения даже благородных целей; что любой провинившийся человек имеет право на справедливое и публичное разбирательство, а не на самосуд Засулич. Но его не услышали, не захотели услышать. История оживила перед нашими глазами факт оправдательного приговора Засулич, последствия признания судом и либеральной общественности «героини-освободительницы»: по существу, это был важный момент оправдания терроризма как законного метода борьбы, формирования нового политического языка пореформенной России. Дело террористки стало примером для молодых революционеров, мечтающих исполнить свой гражданский долг и продолжить начатый Верой «подвиг».

В речи адвоката П.А. Александрова вся техника покушения: приобретение револьвера, осознанный выбор одежды, хладнокровный выстрел оправдывается метафорой «вдохновенная мысль поэта может не задумываться над выбором слов и рифм для ее воплощения». И заключительный реверанс в сторону Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством. Однако внутренний импульс профессии адвоката предполагает склонить присяжных любыми методами на свою сторону, даже если приходится манипулировать истиной.

Итак, юридический поединок продолжает оставаться актуальной формой установления истины и в 21-ом столетии. Деятельность прокурора и адвоката всегда будет связана с творческим применением правовых норм. Изучив материалы судебного процесса по делу Веры Засулич, можно отметить, что выступление государственного обвинителя в суде должно быть более богато на эмоции, чтобы иметь равную возможность воздействовать на чувственные стороны присяжных заседателей и склонить чашу весов правосудия на свою сторону. Поэтому то, как говорит прокурор не менее важно того, что он говорит. Если мы будем с интересом изучать материалы дел из другой эпохи и внимательно читать речи известных юристов, то в судебном процессе почувствуем себя увереннее, ведь опыт прошлого колоссален и неоценим.

Список источников

1. Глаголь С.С. Процесс первой русской террористки // Голос минувшего. – 1918. – № 7/9. – С. 151-157.
2. Засулич В. И. Воспоминания / Вера Засулич; подгот. к печ. Б. П. Козьмин. – М.: Изд-во политка-торжан, 1931. – 158 с.
3. Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Том 2. Воспоминания о деле Веры Засулич – М.: Юри-дическая литература, 1966. – 122 с.
4. Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regum.ru/allnews/166645.htm> (Дата обращения: 05.02.2022).
5. Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. – М.: Политиздат, 1962. – 705 с.
6. Экшут С.А. Юрий Трифонов: Великая сила недосказанного – М.: «Молодая гвардия», 2014. – 68 с.
7. Эрлихман, В. Вера Засулич и 12 упрямых мужчин. Уроки суда присяжных, оправдавшего тер-рористку, актуальны и сегодня / В. Эрлихман // Родина. – 2016. – № 2. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/01/28/rodina-zasulich.html> (27.01.2022).

Информация об авторах

Е.А. ЯСЕНОВСКАЯ — студентка 2 курса.

Information about authors

E.A. YASENOVSKAYA — 2st year student.

II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 343.98

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫХ ТОКЕНОВ (NFT)

Марина Владимировна КОРОТЧЕНКОВА

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
korotchenkova.marina@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук
Иванова Татьяна НИКОЛАЕВНА, ivanova-tn@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассмотрена сущность невзаимозаменяемого токена. Рассматриваются актуальные вопросы возможного правового регулирования данного феномена. Описана проблема нарушения авторских прав при чеканке NFT.

Ключевые слова: невзаимозаменяемый токен, блокчейн, авторское право, цифровые права, интеллектуальная собственность

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF NON-FUNGIBLE TOKENS (NFT)

Marina V. KOROTCHENKOVA

The Russian presidential academy
of national economy and public administration
korotchenkova.marina@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of The Russian presidential academy of national economy and public administration, Candidate of Science (Law),
T. N. Ivanova, ivanova-tn@ranepa.ru

Abstract. The article considers the essence of a non-fungible token. Topical issues of possible legal regulation of this phenomenon are considered. The problem of copyright infringement when minting NFT is described.

Keywords: non-fungible token, blockchain, copyright, digital rights, intellectual property

Невзаимозаменяемый токен (NFT) относительно новое явление, которое активно набирает популярность в мире с весны 2021 года. Законотворческий процесс не успевает за развитием информационных технологий, поэтому NFT токены пока что не нашли отражения в российском законодательстве.

Из-за ажиотажа вокруг NFT в сети «Интернет» появилось много информации по этой теме, однако часть ее недостоверна. Современные «digital художники» массово создают свои токены. К сожалению, не все из них до конца разобрались с правовым аспектом NFT. Кроме того, существуют спорные вопросы и заблуждения. На наш взгляд, это может создать почву для будущих споров по поводу авторских прав, в том числе и судебных.

Одно из заблуждений состоит в том, что NFT можно признать объектом авторских прав. У.Ю. Блинова, Н.К. Рожкова и Д.Ю. Рожкова говорят о том, что NFT близки

к понятию «произведение искусства» [1, с. 105]. Они убеждены, что NFT является самостоятельным результатом творческого труда автора и подпадает под указание в ГК РФ формы его выражения в виде изображения, звуко- или видеозаписи или в объемно-пространственной форме. Близким к NFT, по их мнению, является авторское право на программы ЭВМ и порожаемые ею аудиовизуальные отображения, и права на аудиовизуальное произведение.

Однако нельзя приравнять невзаимозаменяемый токен к объекту интеллектуальной собственности. NFT является неким уникальным сертификатом, который подтверждает право конкретного человека на произведение. В нем представлена информация о сделках с произведением с указанием времени и сторон. Данная информация является открытой, и любой пользователь может ее проверить. Ввиду этого с помощью невзаимозаменяемого токена можно закрепить свое право на объект интеллектуальной собственности. Поэтому первоначально NFT позиционировалась только как технология, которая будет упрощать защиту авторских прав в digital сфере. Считается, что блокчейн технология является надежной и не поддается взлому, благодаря чему и может быть применима в области защиты авторских прав. Здесь NFT можно сравнить с депонированием. На наш взгляд, создание невзаимозаменяемых токенов сможет заменить депонирование в будущем, так как хранит информацию о моменте создания и авторе.

К какому же объекту гражданских прав с точки зрения российского законодательства относится NFT? Согласно ст.128 ГК РФ выделяют такие объекты, как вещи, иное имущество, в том числе имущественные права, результаты работ и оказание услуг, интеллектуальная собственность, нематериальные блага [2]. Д.С. и И.С. Емельяновы считают, что наиболее подходящей категорией является иное имущество [3, с.74]. Ю. В. Брисов считает, что NFT необходимо рассматривать как право на иное имущество, т.к. он выражает право на объект интеллектуальной собственности. По его мнению, нельзя назвать NFT криптовалютой или цифровой валютой, т.к. он не является средством платежа, что не поддается сомнению [4]. Является ли NFT цифровым правом? Согласно ст. 144.1 ГК РФ цифровыми правами являются лишь те права, которые поименованы в законе в качестве таковых. Согласно ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [5]. Очевидно, что NFT не соответствует данному определению. Согласно ст. 8 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» к утилитарным цифровым правам относится право требовать передачи вещи, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг [6]. Утилитарное цифровое право – это токен, однако взаимозаменяемый. Соответственно NFT не относится к данной категории. Поддерживая позицию Д.С. и И.С. Емельяновых, считаем, что стоит признать NFT новой разновидностью цифровых прав, т.к. невзаимозаменяемый токен отвечает положениям ст. 141.1 ГК РФ [3, с.74].

Следующий вопрос, который необходимо отразить: кому принадлежат исключительные права на произведение - автору или покупателю токена? Передавая NFT, автор не передает какие-либо имущественные или неимущественные права на цифровое произведение. Приобретение NFT не гарантирует приобретение исключительных прав на произведение, так как для этого согласно ст. 1233 ГК РФ требуется дополнительно заключить лицензионный договор или договор об отчуждении исключительных прав на произведение [7]. Как отмечают А.А. Романов и Н.Ю. Сероштанова, после продажи NFT само произведение остается в сети «Интернет». Покупатель же получает право на единоличное владение или перепродажу исходного файла, преобразованного в токен [8, с. 22]. То есть приобретение NFT не означает, что покупатель обладает правом владения самим файлом с цифровым произведением. Интересно сравнение, которое привел юрист А.А. Алексейчук [9]. Он считает, NFT как сувенирная открытка с какой-то картинкой. Такая открытка может представлять интерес для коллекционеров, однако ее покупка не передает права на объект интеллектуальной собственности. Сложность состоит еще и в том, что сам файл хранится на сервере, доступ к которому покупатель получает по ссылке. Служба хостинга может ограничить доступ по ней. Так известен случай, когда австралийский программист Джефф Хантли выложил в свободный доступ изображения, которые были проданы как NFT. Таким образом он хотел показать абсурдность прав собственности на цифровые активы [10].

Главная проблема, на наш взгляд, сейчас состоит в том, что торговые площадки NFT не проверяют у создателей наличие прав на произведение. Художник-комиксист Лиам Шарп столкнулся с ситуацией, когда его работы украли из онлайн-галереи DeviantArt и продали в качестве NFT-коллекции [11]. Кинокомпания Miramax подала в суд на Квентина Тарантино из-за того, что он решил продать в качестве NFT вырезанные сцены фильма «Криминальное чтиво», что нарушает авторское право [12]. Экс-глава Disney Роберт Айгер также обеспокоен нарушением авторских прав в этой сфере [13]. Он сообщил о том, что на платформе OpenSea много NFT с персонажами Disney, которые создали люди, не имеющие на этого прав. Кроме того, А.В. Трушко, С. Мукхерджи и Н.В. Морозов отмечают такую опасность, как отмывание денег с помощью купли-продажи NFT [14]. Цены на NFT устанавливает сам покупатель, поэтому злоумышленники перекупают сами у себя NFT по нужной им цене. Авторы утверждают, что эта сделка может быть проведена самостоятельно или с помощью надежной сторонней учетной записи. Затем этот NFT перепродается, и так сохраняется прибыль.

Таким образом, чтобы минимизировать нарушение авторских прав при чеканке NFT необходимо предусмотреть процесс проверки оригинальности произведений, а также наличия прав у создателя токена, например, подобно процессу проверки изображения на стоках, где иллюстраторов требуют подтвердить свое авторство. В связи с вышеизложенным, считаем необходимым внести изменения в Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и дополнить его новым видом цифровых прав – невзаимным токеном (NFT). Данная мера позволит начать процесс легализации данной сферы в российском законодательстве.

Список источников

1. Блинова У. Ю., Рожкова Н. К., Рожкова Д. Ю. ФЕНОМЕН NFT (NON-FUNGIBLE TOKENS) КАК ОБЪЕКТА БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА // Вестник ГУУ. 2021. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-nft-non-fungible-tokens-kak-obekta-buhgalterskogo-ucheta> (дата обращения: 11.02.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Емельянов, Д. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования / Д. С. Емельянов, И. С. Емельянов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 10(241). – С. 71-76.
4. Как правильно использовать NFT в России и не нарушить закон // Новости дня в России и мире – РБК// URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/60e2f4609a794732c30fc130> (дата обращения: 12.02.2022).
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 31 июля 2020 г.
6. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 2 августа 2019 г.
7. Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (часть I). – Ст. 5496.
8. Романов, А. А. NFT: арт-рынок XXI века / А. А. Романов, Н. Ю. Сероштанова // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2021. – № 4. – С. 20-28.
9. «NFT-токены: регулирование, санкции и Хабиб Нурмагомедов» // Адвокатское бюро «Качкин и Партнеры» // URL:<https://www.kachkin.ru/nft-tokeny-regulirovanie-sankcii-i-habib-nurmagomedov/> (дата обращения: 12.02.2022)
10. Программист выложил тысячи изображений, проданных как NFT, бесплатно // ИТ в Беларуси // URL:<https://dev.by/news/nft-token-copyright> (дата обращения: 12.02.2022).
11. NFT Theft is Still Plaguing DeviantArt, Despite Fraud Detection Tool // Gizmodo | Tech. Science. Culture. // URL:<https://www.gizmodo.com.au/2021/12/deviantart-nft-theft/> (дата обращения: 12.02.2022).
12. NFT-токены подвели под иск // Коммерсантъ: последние новости России и мира // URL:<https://www.kommersant.ru/doc/5079437> (дата обращения 12.02.2022)
13. Экс-глава Disney обеспокоился нарушением авторских прав в секторе NFT // ForkLog: Биткоин, блокчейн, криптовалюта, финтех // URL: <https://forklog.com/eks-glava-disney-obespoiloisya-narusheniem-avtorskih-prav-v-sektore-nft/> (дата обращения: 12.02.2022).
14. Трушко, А. В. NFT как современная угроза ПОД/ФТ / А. В. Трушко, С. Мукхерджи, Н. В. Морозов // Материалы Второго Международного научно-практического форума по экономической безопасности «VII ВСКЭБ» : Материалы форума, Москва, 21–23 апреля 2021 года. – Москва: Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», 2021. – С. 7-13.

Информация об авторах

М.В. Коротченкова – студентка 2 курса.

Information about authors

M.V. Korotchenkova – 2st year student.

Научная статья
УДК 347.9

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Алексей Андреевич КУЛЬПИН¹, Анастасия Вадимовна КИРЕЕВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ alex.kulp@yandex.ru

² n-kireeva2001@mail.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Анастасия Сергеевна ФЕДОРОВА**, anastasiya_fed.work@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается правовая природа мирового соглашения, его роль в гражданском судопроизводстве, а также содержится анализ проблем заключения судебного мирового соглашения. В качестве основных методов исследования использованы: метод абстрагирования и метод обобщения.

Ключевые слова: мировое соглашение, диспозитивность, примирительная процедура, гражданский процесс

SETTLEMENT AGREEMENT AS IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVITY IN CIVIL PROCEEDINGS: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Alexey A. Kulpin¹, Anastasia V. Kireeva²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

¹alex.kulp@yandex.ru

²n-kireeva2001@mail.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **A.S. Fedorova**, anastasiya_fed.work@mail.ru

Abstract. The article reveals the legal nature of the settlement agreement, its role in civil proceedings, and also contains an analysis of the problems of concluding a judicial settlement agreement. As the main research methods used: the method of abstraction and the method of generalization.

Keywords: amicable agreement, optionality, conciliation procedure, civil process

Являясь краеугольным камнем науки процессуального права и правоприменительной практики, институт примирения, в частности мирового соглашения, в Российской Федерации (далее – РФ) за все время существования Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) должного урегулирования так и не получил, и в полном объеме не функционирует.

Актуальность темы данной научной статьи обусловлена усложнением отношений гражданского оборота и, как следствие, ростом количества «пустых» судебных споров. Данные обстоятельства привели к неспособности судебной системы справляться с возрастающей нагрузкой, ставшей главной проблемой отечественного судопроизводства [1, с. 15]. Необходимо отметить, что решения, выносимые судом, не всегда приводят к разрешению конфликта, а порой лишь «порождают предъявление альтернативных исков» [2, с. 28]. При этом возможны ситуации, когда в ходе судебного разбирательства стороны разрешают спор самостоятельно и приходят к взаимовыгодному решению конфликтной ситуации. В этой связи в науке гражданского процессуального права возникла необходимость в создании национальной модели примирительных процедур, которой от части и является мировое соглашение.

Диспозитивность выступает одним из ведущих принципов цивилистического процесса, суть которого заключается в определённой свободе сторон относительно распоряжения принадлежащими им процессуальными правами. Применительно к рассматриваемой теме реализацию данного принципа мы можем наблюдать в предоставлении сторонам возможности после возбуждения дела в суде разрешить спор путем заключения мирового соглашения [3, с. 30].

Безусловно указанный способ урегулирования конфликта для отечественного права нельзя назвать новым ввиду того, что заключить мировое соглашение стороны могли и ранее, разве что именовалось это иначе: «мировая сделка, миролюбное соглашение, мировая запись, любовная сказка» [4, с. 115].

Необходимо отметить, что не претерпел существенных изменений с течением времени и смысл, который несет в себе мировое соглашение. Данный институт по-прежнему призван урегулировать возникший у субъектов права спор на основе взаимных уступок, когда каждая из сторон получает встречное предоставление.

Если обратиться к видам мирового соглашения, то тут доктрина гражданско-процессуальной науки, в зависимости от порядка разрешения спора традиционно выделяет внесудебные и судебные мировые соглашения.

Внесудебное мировое соглашение по своей сути и условиям ничем не отличается от любого другого гражданско-правового договора, особенность лишь в том, что заключается таковой ввиду наличия у сторон материально-правового спора.

В свою очередь мировое соглашение, заключаемое сторонами в судебном порядке, будет отличаться своеобразием и сложной правовой природой, в связи с чем в научном сообществе ведутся многочисленные дискуссии относительно данного института. Рассмотрим это подробнее.

В силу правовой позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 г. № 1-О, мировое соглашение представляет собой соглашение сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок, что является одним из процессуальных средств защиты субъективных прав [5].

По мнению Т.А. Дерюшкиной, мировое соглашение является юридическим фактом процессуального права, которое приравнивается к судебному решению, но имеет иную природу и влечет правовые последствия не только в процессуальной, но и в материальной сфере [6, с. 126].

Полагаем, что приведенные позиции не лишены смысла и с ними можно согласиться. Вместе с тем позволим себе отметить, что в большей степени заслуживает внимание точка зрения, согласно которой правовая природа судебного мирового соглашения является двойственной, сочетающей материально - правовой аспект, посредством определения материальных прав и обязанностей сторон, и процессуальный, так как заключение мирового соглашения возможно исключительно при соблюдении определенных требований процессуального права.

Также, исходя из смысла ст. 153.9 ГПК РФ, содержание мирового соглашения должно полностью соответствовать законодательству, не нарушая права других лиц, и ясно отражать изложенные права и обязанности сторон.

Кроме того, мировое соглашение должно быть заключено добровольно, без принуждения или же давления, являясь результатом свободного волеизъявления сторон конфликта.

При этом действительность рассматриваемого вида мирового соглашения ставится в прямую зависимость от ряда последовательных действий суда, к перечню которых относятся: разъяснение сторонам последствий заключения и принятия судом мирового соглашения; проверка условий его заключения на предмет соблюдения закона; установление заинтересованных лиц, чьи права и законные интересы могут затрагиваться; проверка исполнимости условий мирового соглашения [7, с. 60]. Венцом перечисленных действий суда и главным среди процессуальных последствий, которые порождает заключение мирового соглашения в рамках судебного разбирательства будет выступать – прекращение производства по делу в соответствии со ст. 220 ГПК РФ посредством принятия определения.

Необходимо отметить, что в определении суда о прекращении производства по делу в связи с примирением сторон в обязательном порядке указывается, что повторное обращение в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается.

Переходя к вопросу нераспространённости мировых соглашений в отечественной судебной практике, отметим, что по мнению ряда юристов, одним из факторов, существенно влияющих на низкий процент заключения мировых соглашений, является менталитет российских граждан, в частности: непризнание собственных ошибок, отсутствие желания идти на уступки с контрагентом.

Среди других причин нераспространённости мировых соглашений следует выделить: отсутствие достаточных экономических стимулов к примирению и скорость осуществления гражданского судопроизводства. Кроме того, стороны спора редко оценивают риск проигрыша, длительного ведения дела и не учитывают это при принятии решения об использовании альтернативных способов разрешения возникших конфликтов

Как уже отмечалось ранее, главой 14.1 ГПК РФ предусмотрена возможность заключить мировое соглашение на всех стадиях гражданского судопроизводства. В том числе при исполнении судебного акта. При этом, суд первой инстанции, в соответствии со ст. 153.10 ГПК РФ, при утверждении мирового соглашения выносит определение.

Однако, законодатель не дает четкого разъяснения о правомерности вышестоящих судов выносить свои решения со ссылкой на данную норму. Так, при обращении к ст. 329 и 390.1 ГПК РФ, регулирующим формы судебных актов суда апелляционной и кассационной инстанций, становится ясно, что суды выносят определения, в то время как суд надзорной инстанции в соответствии со ст. 391.13 ГПК РФ – постановление. В этой связи видится, что без внимания законодателя остался вопрос о том, каким образом мировое соглашение должно утверждаться, а судебный акт нижестоящей инстанции отменяться в ходе рассмотрения дела в порядке надзора.

На наш взгляд, такая позиция законодателя, к сожалению, не является ни пробелом в праве, ни правовой коллизией, а лишь свидетельствует о том, что нормотворчество в Российской Федерации по-прежнему требует детальной доработки.

Представляется, что устранение обозначенной проблемы возможно путем внесения изменений в главы 39, 41 и 41.1 ГПК РФ. В частности:

в ст.328, 390 и 390.15 ГПК РФ за судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций закрепить полномочие по отмене судебного акта и прекращения производства по делу в связи с утверждением мирового соглашения;

в ст. 330, 379.7 и 390.14 ГПК РФ ввести «утверждение мирового соглашения», как основание для отмены судебного акта.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт мирового соглашения обладает особой правовой природой. При этом из-за неоконченной модернизации законодательства некоторые проблемы, которые были обозначены в данной работе остаются нерешенными, в связи, с чем имеется необходимость в дальнейшем совершенствовании законодательства.

Список источников

1. Кашанин А. В., Малов Д. В. Мелкие и бесспорные дела в российских судах; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — С. 15.
2. Чудиновская, Н. А. О состоявшейся реформе института примирения в цивилистическом процессе / Н. А. Чудиновская // Российское право: образование, практика, наука. — 2020. — № 6. — С. 27–33.
3. Петаева, М. Н., Хабибуллина, Л. Р. Мировое соглашение в гражданском процессе: понятие, значение / М. Н. Петаева, Л. Р. Хабибуллина // E-Scio. — 2020. — № 1. — С. 29–34.
4. Давыденко, Д. Л. Традиции примирительных процедур в России / Д. Л. Давыденко // Третейский суд. — 2003. — № 1. — С. 113–119.
5. Губина, Е. Н. Мировое соглашение как сделка, определяющая права и обязанности сторон в спорном правоотношении, в гражданском процессе / Е. Н. Губина, Т. А. Дерюшкина // Современные концепции взаимодействия частного и публичного права: юридическая доктрина и правоприменительная практика : сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону, 2011. С. 126–128.
6. Зейналов, Р. И. Мировое соглашение как явление в судебном процессе: стадии и последствия для сторон при его заключении / Р. И. Зейналов // Вестник Поволжского института управления. — 2016. — № 5 (50). — С. 60.

Информация об авторах

А.А. КУЛЬПИН — студент 3 курса;
А.В. КИРЕЕВА — студентка 3 курса.

Information about authors

A.A. KULPIN — 3rd year student;
A.V. KIREEVA — 3rd year student.

Научная статья
УДК 336.717

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ДОГОВОРОВ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Виктория Александровна МАСОЛКИНА

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Саратов, Россия
masolkina98@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук **Владислав Юрьевич МИРОНОВ**, mironovmail@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования договоров банковского счета и потребительского кредита, анализируются возможные причины их появления, а также предлагаются возможные пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: договор, кредитные организации, банковское право, источники права

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CERTAIN AGREEMENTS OF CREDIT ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Victoria A. MASOLKINA

Saratov State Law Academy
masolkina98@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, Saratov State Law Academy, Candidate of Science (Law), **V. Y. Mironov**, mironovmail@yandex.ru

Abstract. The article deals with topical problems of legal regulation of bank account and consumer credit agreements, analyzes the possible reasons for their appearance, and also suggests possible solutions to the identified problems.

Keywords: contract, credit institutions, banking law, sources of law

Согласно общетеоретическим положениям банковского права РФ, банковская система представляет собой совокупность национальных банков и других кредитных учреждений, осуществляющих разнонаправленную компетентную деятельность в рамках единого финансово-кредитного механизма [1, с. 65]. Резкий переход в конце прошлого столетия к рыночной экономике привел к вынужденному отказу от государственной монополии в банковской сфере, а также созданию совершенно новой банковской системы, функционирующей на базе законов рынка.

Как известно, надежная и стабильная банковская система представляет собой необходимый элемент для дальнейшей реализации экономических, социальных и

иных функций государства. Столь серьезный подход к ее построению обуславливает необходимость формирования мощной и развитой банковской системы для дальнейшего направления ее деятельности на обслуживание различных отраслей государства [3, с. 102].

Функционирование любой из сфер деятельности государства основано на нормативной базе, представляющей собой нормативно-правовые акты соответствующего содержания. Так, банковское законодательство РФ вступило на путь своего формирования более двадцати лет назад, однако в последние годы процесс принятия новых нормативных документов осложнен многомесячными попытками согласования вводимых положений с уже существующими в целях их состыковки во избежание возможных противоречий.

Проблема существования огромного массива соответствующих нормативно-правовых актов не раз порождала идею создания единого кодифицированного акта, однако, эта идея не получила должной аргументации [2], а потому на данный момент банковское право представляет собой совокупность множества федеральных законов и иных подзаконных нормативно-правовых актов, осуществляющих правовое регулирование каких-либо узких направлений банковской деятельности.

Российская экономика, подвергающаяся постоянному инновационному развитию, придает особую роль организациям, осуществляющим банковскую деятельность. В настоящее время так называемыми сдерживающими факторами ее совершенствования, а также условиями риска являются такие процессы как отток капитала из страны, санкции, вводимые западными государствами, запрет на кредитование на внешних финансовых рынках, спекулятивные операции на внутреннем валютном рынке, которые способствуют обесцениванию рубля и другие. Помимо этого, из года в год наблюдается увеличение объемов банковского кредитования, а одновременно с этим сокращение банковских вкладов, что неизменно приводит к изменению финансовой устойчивости кредитных организаций, дальнейшей переоценке ценных бумаг, ухудшению качества кредитных портфелей и иных негативных последствий, составляющих содержание банковской деятельности при осуществлении ее субъектами различных банковских операций и сделок [1, с. 67]. Своеобразным барьером от вышеперечисленных негативных последствий является устойчивость отечественного банковского законодательства, его постоянное развитие и совершенствование. В связи с этим, представляется актуальным рассмотреть ряд проблем, существующих во внутреннем законодательстве, возникающих при заключении сделок и совершения операций по ним. В рамках данной статьи проанализируем такие договоры, как договор банковского счета и некоторые аспекты договора потребительского кредитования.

С внедрением несколько десятилетий назад в нашу привычную жизнь глобальной сети «Интернет», большинство привычных нам действий и процессов перешло в «нематериальную» область, в том числе банковские сделки и операции по ним. Денежный поток в нашей стране в большей степени стал характеризоваться безналичным оборотом, а в рамках представленной нами темы – безналичными расчетами. Договоры об организации безналичных расчетов могут быть весьма разнообразными, тем не менее, не смотря на многолетний опыт практики их заключения и использования, многие из них либо вовсе не урегулированы нормами отечественного банковского права, либо не получили должного правового регулирования на уровне федеральных законов.

На данный момент нормативное определение договора банковского счета и возникающие вследствие его заключения обязательства содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации (Далее – ГК РФ)¹, а также в Федеральном

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

законе № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹ и инструкции Центрального Банка РФ².

Если коснуться вопроса определения договора банковского счета на законодательном уровне, можно отметить его некую неопределенность в системе гражданско-правовых договоров. В частности, учеными до сих пор указывается на отсутствие четкого разграничения объекта и предмета рассматриваемого договора [4, с. 134].

Исходя из определения договора банковского счета, в основе предмета данного договора лежат услуги, которые оказываются банком владельцу счета. Принято считать, что спектр подобных услуг весьма широк: с заключением договора банковского счета клиенту может быть предоставлена совокупность предполагаемых действий по договорам поручения, хранения, агентирования и возмездного оказания услуг. Однако, как мы уже упоминали ранее, существующее несовершенство некоторых законодательных конструкций, а также складывающаяся негативная практика хозяйственной деятельности отдельных юридических лиц нередко ставят под сомнение частно-правовые начала в рассматриваемом договоре, что впоследствии приводит к неправильному пониманию сторонами предоставляемых им прав и возлагаемых на них обязанностей.

Одной из наиболее дискуссионных проблем на сегодняшний день является действительная гарантия тайны банковского счета, операций по нему и сведениях о клиенте, законодательно закреплённая в ранее упомянутых нами нормативно-правовых актах. Согласно ГК РФ, в число обязанностей банка входит гарантия тайны сведений о клиенте, его счете и (или) вкладе, а также об операциях по счету³. В этой же статье имеется оговорка, что сведения, составляющие банковскую тайну, могут передаваться в бюро кредитных историй, а также государственным органам и должностным лицам в случаях и порядке, предусмотренных законом. На данный момент, перечень организаций, имеющих доступ к подобным сведениям, является достаточно широким, и, кроме того, постоянно увеличивается [5, с. 30]. На основании вышеизложенного, о предоставляемой государством и отечественным законодательством банковской тайне стоит говорить с долей условности, поскольку при наличии столь широкого круга государственных органов, наделенных правом получения любой информации о состоянии банковских счетов, вряд ли можно надеяться на полную конфиденциальность сведений, составляющих государственную тайну. Подобная незащищенность владельцев банковских счетов неизбежно приводит к их дальнейшему поиску иных способов защиты коммерческих сведений, которые зачастую могут функционировать вне рамок закона.

Предполагается, что несовершенство отдельных законодательных положений не является основанием для изменения сложившихся представлений о гражданско-правовой сущности договора банковского счета, однако при внесении соответствующих коррективов в российское законодательство стоит обратить внимание на проблемные аспекты, существующие в данной сфере, которые мы обозначили выше.

Наряду с ведением безналичных расчетов по банковским счетам, среди широкого перечня направлений деятельности кредитных организаций особое место занимает кредитование физических лиц, чей рынок является наиболее активно развивающимся в РФ. Стоит отметить, что от его объемов в значительной степени зависит оборот различной потребительской продукции, поэтому какие-либо огра-

¹ Федеральный закон от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 30.12.2021) // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

² Инструкция Банка России от 30 мая 2014 года № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.06.2014 № 32813) (ред. от 02.02.2021) // Интернет-ресурс «СПС КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164723/ (дата обращения 02.02.2022).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

ничения потребительского кредитования могут прямо привести к дестабилизации производства и продажи в целой области, таких, например, как производство и продажа легковых автомобилей, бытовой техники, гаджетов и др.

В настоящее время проблемным аспектом при осуществлении указанного вида банковских сделок является «незащищенность» уязвимой стороны кредитного договора – т.е. физических лиц. Несмотря на действие Закона РФ «О защите прав потребителей»¹ и Федерального закона «О потребительском кредите (займе)»², контрагенты кредитного договора располагают значительно большими возможностями по юридическому сопровождению сделок, чем физическое лицо. На практике указанное различие в правовой осведомленности при осуществлении подобных сделок приводит к активному использованию кредитными организациями размытых и неточных положений законодательства в свою пользу, а также к расширению толкования норм до необходимых им пределов, в результате чего кредитор оказывается в выигрышном положении в любых возникающих спорных ситуациях.

Причина вышеназванной проблемы – указанная ранее разрозненность и огромный массив противоречащих друг другу нормативно-правовых актов, осуществляющих правовое регулирование в области банковской деятельности, в частности, заключения банковских сделок и совершения соответствующих операций, в которых, зачастую, физические лица не способны верно ориентироваться.

В заключение данной статьи, следует в очередной раз оговориться о том, что современное банковское законодательство РФ содержит в себе огромный массив нормативных документов, который из-за своего масштаба приводит к возникновению множества неточностей и противоречий при осуществлении правового регулирования различных областей банковской деятельности. В данной статье нами были рассмотрены проблемы, возникающие при заключении договоров банковского счета и потребительского кредитования, которые могут быть решены путем развития банковского законодательства и принятия новых нормативно-правовых актов, которые имели бы направленность на совершенствование правовой базы в интересах эффективной деятельности различных финансовых институтов в систематизированном виде, доступным для понимания как сотрудникам кредитных организаций и их должностным лицам, так и широкому кругу населения в РФ.

Список источников

1. Агаев Г.А., Алиева Э.Б. Проблемы правового регулирования банковской деятельности в Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. № 1. С. 65-73.
2. Банковский кодекс: даилинет? [Интернет-ресурс] URL: https://www.ng.ru/economics/2000-12-08/4_bank.html (дата обращения 02.02.2022).
3. Курбатов А.Я. Банковское право России: учеб. для магистров. – М.: Юрайт, 2013. – 571 с.
4. Плиев Э.В., Цораев З.О. Проблемы договора банковского счета в современных условиях // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2014. С. 134-137.
5. Серегин В. Обсуждаем новый проект Гражданского кодекса РФ // Самоуправление. 2011. № 1. С. 30–31.

Информация об авторах

В.А. МАСОЛКИНА — студентка 2 курса

Information about authors

V.A. MASOLKINA — 2st year student.

¹ Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 11.06.2021) // Российская газета. 07.04.1992.

² Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2021) // Российская газета. 23.12.2013. № 289.

Научная статья
УДК 347.441.42

СООТНОШЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО И ПУБЛИЧНОГО ДОГОВОРОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Юлия Михайловна НИЛОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
st075676@student.spbu.ru

Научный руководитель доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук **Аза Константиновна ГУБАЕВА**, tvaza@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования данной статьи является соотношение потребительского и публичного договоров, для чего осуществляется их разграничение с учётом особенностей правовой природы. Отдельное внимание уделяется терминологической омонимии наименований наиболее уязвимой стороны указанных договоров (в обоих случаях она именуется потребителем) и предлагается альтернативное наименование и вариант легальной дефиниции уязвимой стороны публичного договора с целью устранения наличествующего несовершенства юридической техники.

Ключевые слова: публичный договор, потребительский договор, потребитель, защита прав потребителей, Гражданский Кодекс Российской Федерации, физические лица, юридические лица

THE RATIO OF CONSUMER AND PUBLIC CONTRACTS IN RUSSIAN CIVIL LAW

Julia M. NILOVA

St. Petersburg State University
st075676@student.spbu.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Civil Law, St. Petersburg State University, Candidate of Science (Law), **A. K. Gubaeva**, tvaza@mail.ru

Abstract. The subject of the study of this article is the ratio of consumer and public contracts, for which their differentiation is carried out considering the peculiarities of their legal nature. Special attention is paid to the terminological homonymy of the names of the most vulnerable party to these contracts (in both cases it is called “the consumer”) and an alternative name and a draft legal definition of the vulnerable party to a public contract are proposed in order to eliminate the existing imperfections of legal technique.

Keywords: public contract, consumer contract, consumer, consumer rights protection, Civil Code of the Russian Federation, individuals, legal entities

Каким образом в отечественном гражданском праве соотносятся публичный и потребительский договоры? Как сосуществуют понятия потребителя как стороны публичного договора и потребителя в смысле Закона «О защите прав потребителей» - наличествует ли между данными созвучными понятиями априорная взаимосвязь или же мы имеем дело исключительно с особенностью юридической техники? Для того, чтобы ответить на вышеперечисленные вопросы, необходимо обратить внимание на природу каждого из рассматриваемых договоров, установить соотношение логических объёмов понятий потребителя в соответствии со ст. 426 ГК РФ и в соответствии с Законом от 07.02.1992 № 2300-1, в чём и заключаются главные задачи настоящей статьи.

Согласно легальной дефиниции, содержащейся в ст. 426 Гражданского Кодекса, публичным является такой договор, который заключается лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливает его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг в отношении каждого, кто к нему обратится. Под таким лицом следует понимать, в первую очередь, коммерческую организацию, цель существования которой за-

ключается в получении прибыли, а также индивидуального предпринимателя, но не стоит оставлять без внимания и те случаи, когда некоммерческие организации занимаются предпринимательской деятельностью в соответствии с положениями учредительных документов – по своей сути такие ситуации ничем не отличаются от прямо названных в законе, что также нашло отражение в разъяснениях Пленума ВС РФ, данных в п. 16 Постановления от 25.12.2018 № 49¹. Иное противоречило бы самому существу публичного договора, например, некоммерческие организации, оказывающих платные медицинские услуги, обладали бы возможностью оказывать предпочтение отдельным потребителям таких услуг в отличие от коммерческих организаций, предоставляющих идентичные услуги и изначально не свободных в выборе контрагентов по соответствующим договорам [1].

Немаловажно, что ст.427 ГК РФ содержит в себе прямое указание на невозможность отказа от заключения договора осуществляющим предпринимательскую деятельность лицом по общему правилу – исключения составляют лишь случаи, перечисленные в п. 4 ст. 786 ГК РФ, – таким образом, существо данного договора предполагает довольно жёсткое регулирование действий обязанной к заключению договора стороны, не имеющей возможности влиять на собственное вступление в соответствующие правоотношения, т.е. исключительное по масштабу ограничение свободы договора. Подобная строгость обусловлена, прежде всего, телеологически – несмотря на то, что использованная законодателем в п. 1 ст. 426 ГК РФ формулировка «...в отношении каждого, кто обратится²» представляется максимально размытой, привилегированная сторона публичного договора, инициирующая его заключение, уже в следующем пункте вышеназванной статьи именуется потребителем – а значит, мыслится более слабой с точки зрения экономического оборота, противопоставляется субъекту, осуществляющему предпринимательскую деятельность и по умолчанию обеспечивается большей защитой на уровне закона и наделяется дополнительными гарантиями. Однако даже в парадигме публичного договора субъектный состав не всегда может включать в себя юридические лица – так, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский указывают на отсутствие в ГК общего запрета на вступление юридических лиц в соответствующие правоотношения и в то же время обращают внимание на то, что для отдельных видов публичных договоров такая возможность ограничивается прямым указанием в специальных нормах, например, по договору бытового подряда потребителем может быть только гражданин [2].

Исходя из дефиниции, содержащейся в преамбуле Закона «О защите прав потребителей», под потребителем надлежит понимать именно гражданина, имеющего намерение заказать или приобрести либо заказывающего, приобретающего или использующего товары, работы, услуги исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. То есть, сфера действия данного Закона охватывает только такие правоотношения, в которых присутствует вышеуказанный надлежащий субъект,

¹ О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 03.08.21).

² Прим.: Согласно разъяснениям Конституционного Суда, данным в Постановлении от 03.02.1998 № 5-П, под «каждым» следует понимать как физическое, так и юридическое лицо, однако невозможно отрицать факт крайней абстрактности формулировки п.1 ст. 426 ГК РФ – в дальнейшем не оговаривается возможность применения критерия потребительской цели для юридических лиц, который содержится, например, в ст.2 Федерального закона «О газоснабжении»: «потребитель газа - лицо, приобретающее газ для собственных бытовых нужд, а также собственных производственных или иных хозяйственных нужд», т.е. если юридическое лицо приобретает газ для последующей перепродажи, то потребителем оно являться не будет. Подобная абстрактность приводит к неопределённости содержания статуса потребителя по публичному договору.

а юридическое лицо, в свою очередь, таковым субъектом являться не будет. Необходимо заметить, что ВС РФ дал отдельные разъяснения по применению Закона от 07.02.1992 № 2300-1 – его гарантии распространяются именно на физических лиц, а факт заключения публичного договора не расширяет сферу, в которой действуют эти гарантии.

Несмотря на кажущуюся очевидность промежуточных выводов употребление термина «потребитель» применительно к одной из сторон публичного договора и всё равно создаёт необходимость в окончательном уяснении соотношения логических объёмов понятий, обозначаемых данным термином в рассматриваемых нами случаях.

Для этого необходимо ответить на следующие вопросы:

всякий ли потребительский договор является одновременно и публичным?

всякий ли публичный договор предполагает наличие потребительских отношений?

В случае с физическими лицами, приобретающими товары или услуги без намерения впоследствии осуществлять посредством оных предпринимательскую деятельность, ситуация представляется вполне очевидной¹ – такие субъекты подпадают под сферу действия и положений законодательства о защите прав потребителей, и ст.426 ГК РФ, – т.е. потребитель по публичному договору и по Закону от 07.02.1992 № 2300-1 совпадают в одном лице, что исключает затруднения с определением применимых норм. В то же время необходимо помнить, что и из этого общего правила есть исключения: так, например, в силу особенностей своей природы являются потребительскими и вместе с тем не являются публичными договор добровольного имущественного страхования² и кредитный договор³. На основании приведённых примеров однозначно можно утверждать, что не каждый потребительский договор относится к публичным.

Далее необходимо установить, применима ли ст. 426 ГК РФ исключительно к потребительским отношениям. Ответ на этот вопрос также будет отрицательным⁴ – при представлении привилегированной стороны публичного договора субъектами, отличными от граждан, соответствующим критериям Закона «О защите прав потребителей», гарантии, содержащиеся в данном Законе, применению не подлежат, так как возникающие правоотношения не охватываются сферой его действия.

Из всего вышесказанного следует, что потребитель по соответствующему Закону и потребитель по ст. 426 ГК РФ в большинстве случаев связаны между собой, но точно не являются взаимозаменяемыми понятиями и не соотносятся как часть и целое – их логические объёмы пересекаются, когда речь идёт о гражданах, приобретающих что-либо для личного и иного не связанного с получением прибыли использования, у осуществляющих предпринимательскую деятельность субъектов. Именно таких граждан можно назвать эталонными потребителями – на них распространяются гарантии, предназначенные как для наиболее уязвимой стороны

¹ Напр., в случае заключения ими договора розничной купли-продажи, оказания медицинских, го- стиничных услуг, услуг связи.

² См. п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» и п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан». О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 05.08.21).

³ П.1, Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 05.08.21).

⁴ П.1, О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 08.08.21).

публичного договора, так и для наиболее уязвимой стороны потребительских отношений. В остальных же случаях подобной синхронизации не наблюдается, а значит, корреляция между потребительским и публичным договором существует не всегда, следовательно, говорить о каком-либо противоречии между потребителем по ст. 426 ГК и легальным определением, данным в Законе «О защите прав потребителей», не приходится, так как прямая связь между ними отсутствует, есть лишь косвенная при наличии надлежащего субъекта.

В то же время мы установили, что ст. 426 ГК и Закон № 2300-1 и предоставляемые в соответствии с их положениями статусы могут быть взаимосвязанными, если субъект – гражданин, руководствующийся потребительской целью.

В целях устранения омонимии потребителя по публичному договору и по соответствующему Закону стоит внести коррективы в формулировку ст. 426 ГК РФ. Сторону, обязанную заключить договор, можно не наделять отдельной дефиницией, так как Пленум ВС РФ в п. 16 Постановления № 49 дал более чем исчерпывающие разъяснения на этот счёт, преобразования необходимы именно в отношении уязвимой и защищаемой законодателем стороны. Как вариант, её можно называть не просто «потребитель», а «потребитель по публичному договору» / «публичный потребитель» и определить как физическое или юридическое лицо, обладающее правом заключения публичного договора с обязанным субъектом, отдельно оговорить, что на юридическое лицо это определение распространяется, если специальным законом не предусмотрено, что потребителем по конкретному виду публичных договоров может быть исключительно физическое лицо.

Список источников

1. Р.Ю. Закиров Публичный договор и договор присоединения в проекте ГК РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа : <https://center-bereg.ru/b1749.html> (дата обращения 03.08.21).
2. М.И. Брагинский, В.В. Витрянский Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. [Электронный ресурс]. «Статут», 2000. – С.77. Режим доступа: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KNIGI/DOGOVOR_KN_2.htm (дата обращения 05.08.21).

Информация об авторах

Ю.М. НИЛОВА – студентка 3 курса.

Information about authors

J.M. NILOVA – 3rd year student.

Научная статья
УДК 347

ЛИЧНЫЙ ФОНД: ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Софья Леонидовна ОНУЧИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
onuchinas@icloud.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Ксения Александровна ТАРАСЕВИЧ**, 89219505168lgu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы создания личного фонда в качестве новой организационно-правовой формы юридического лица и внесения соответствующих норм в Гражданский Кодекс Российской Федерации. Автор анализирует зарубежный опыт функционирования личных фондов, а также поднимает проблемные вопросы, связанные с перспективами развития рассматриваемой организации в России.

Ключевые слова: личный фонд, юридическое лицо, наследственный фонд, траст, доверительное управление

PERSONAL FUND: PROSPECTS FOR INTRODUCTION TO THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sofia L. ONUCHUNA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
onuchinas@icloud.com

Scientific adviser – Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **K. A. Tarasevich**, 89219505168lg@gmail.com

Abstract. The article deals with the issues of creating a personal fund as a new organizational and legal form of a legal entity and introducing relevant norms into the Civil Code of the Russian Federation. The author analyzes foreign experience in the functioning of personal funds, and also raises problematic issues related to the prospects for the development of the organization in question in Russia.

Keywords: personal fund, legal entity, inheritance fund, trust, trust management

В июле 2021 года законодатель анонсировал введение новой организационно-правовой формы юридического лица в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в Федеральном законе от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. В соответствии с ним меняется структура главы 4 ГК РФ, а именно изменения вносятся в подпараграф 1 параграфа 7 данной главы, касающийся фондов. Подпараграф теперь меняет свое название на «общественно полезные фонды», кроме того, упраздняются статьи 123.20-1 – 3. Однако это не означает, что наследственные фонды «уходят» – но об этом позже.

В первую очередь обозначим дефиницию рассматриваемого института. Согласно ФЗ № 287, личным фондом будет признаваться учрежденная на определенный срок либо бессрочно гражданином или после его смерти нотариусом унитарная некоммерческая организация, осуществляющая управление переданным ей этим гражданином имуществом или унаследованным от этого гражданина имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления. Уже на основе данного определения можно дать характеристику. Во-первых, личный фонд – это некоммерческая организация, т.е. она не имеет извлечение прибыли в качестве основной цели и не распределяет полученную прибыль между участниками. Во-вторых – это унитарная форма организации – учредитель личного фонда не становится его участником и не приобретает прав членства. В-третьих, отмечается, что можно создать юридическое лицо как на определенный срок, так и бессрочно. И, наконец, что касается субъекта-учредителя, то это только гражданин, причем он может учредить личный фонд как при жизни самостоятельно, так и предусмотреть его создание после смерти посредством оформления завещания (наследственный фонд). В последнем случае создавать непосредственно фонд будет уже нотариус, что, впрочем, не делает его учредителем.

¹ Федеральный закон от 01.07.2021 N 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» / [Электронный ресурс] : Доступ СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388907/ (дата обращения 12.02.2022).

Остановимся подробнее на фигуре учредителя личного фонда. Как уже было сказано, фонд учреждается гражданином на основании либо своего решения об учреждении фонда, либо на основе завещания. Важно то, что оба документа должны быть нотариально удостоверены. Особенности правового статуса учредителя заключается в его так называемой «сильной» позиции со стороны закона, что выражается в отсутствии возможности замены учредителя даже после его смерти. По общему правилу не допускается соучредительство при создании личного фонда, также личный фонд не может быть ликвидирован после смерти учредителя по решению его органов. Представляется, что посредством данной позиции законодателя, кредиторам предоставляются дополнительные гарантии их прав. В этой связи П.В. Крашенинников отметил: «С учетом открытости данных ЕГРЮЛ, из которого в любой момент можно получить сведения о государственной регистрации личного фонда, это позволит защитить интересы кредиторов учредителя»¹.

Возникает логичный вопрос: в чем назначение личного фонда, какова цель его создания? Безусловно, истоки нововведения берут свое начало из законодательства зарубежных стран, в которых уже давно функционируют смежные институты – трасты и фонды. Однако, личный фонд в России имеет свою специфику, адаптированную к экономической ситуации и правовому регулированию.

Бесспорно, введение норм о личном фонде имеет большие перспективы развития в отечественной практике. Данная организационно-правовая форма юридического лица заполняет пробелы в правовом регулировании относительно наследственного фонда, который не стал распространенной конструкцией ввиду следующих факторов: во-первых, учредитель не мог «протестировать» функционирование органов управления своего фонда, полноту учредительных документов, в то время как личный фонд позволяет это сделать. Кроме того, итоговые документы в наследственном фонде будут применяться уже после его смерти, что не дает гарантию функционирования фонда в соответствии с волей создателя, в то время как при создании личного фонда учредитель лично формирует документы, применяет их на практике и после смерти может быть уверен в их соответствии своим целям. Учитывая то, что личный фонд действительно ориентирован на сохранение капитала без включения в наследственную массу, в этом заинтересованы граждане, не желающие после своей смерти споров относительно своего имущества. Действительно, далеко не все вопросы можно решить путем применения имеющихся правовых институтов – завещания, использования завещательных возложений и отказов (легатов) [1, с. 92]. Стоит подумать о том, что наследники в силу отсутствия профессиональных навыков не смогут эффективно управлять капиталом. Кроме того, до сих пор остается неустановленной минимальная сумма капитала для создания наследственного фонда, что также относится к пробелам в законодательстве, что нельзя сказать о личном фонде – стоимость имущества, передаваемого лично фонду в собственность, должна быть не менее 100 млн. руб.

Более того, существует тот же траст – институт доверительной собственности, который предоставляет аналогичные функции личного фонда в иностранных государствах и, конечно, он использовался и отечественными предпринимателями. Известно, что в нашем государстве предпринимались попытки введения траста, например, ранее действовал Указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)», однако он по понятным причинам не прижился: все-таки траст – это изобретение англосаксонской правовой системы с гибкой прецедентной системой, что нельзя сказать о «нормативности» романо-германской.

¹ Законопроект о личных фондах внесен в Государственную Думу / Информация с интернет-портала Государственной Думы / [Электронный ресурс] URL: <http://duma.gov.ru/news/51490/> (дата обращения 12.02.2022).

Говоря о зарубежном опыте, также нельзя не упомянуть схожесть с доверительным управлением имуществом – например, в Германии данная конструкция заменяет привычный английский траст, однако в российском праве это два абсолютно разных по своей природе института: договор доверительного управления имуществом целиком и полностью охватывается обязательственным правом, к тому же доверительный управляющий имеет сравнительно меньшее количество полномочий, так как не является собственником имущества, передаваемого в управление, личный же фонд – это организационно-правовая форма юридического лица.

Несомненным положительным фактором введения личных фондов в России будет то, что финансы будут оставаться в нашем государстве: личный фонд может стать хорошей антиофшорной мерой, так как активы не будут переводиться за рубеж, где не представляется возможности их отслеживания. Эту же цель обуславливает предусмотренная законом минимальная стоимость активов при создании личного фонда – как уже отмечалось, стоимость имущества, передаваемого личному фонду, должна быть не менее 100 млн. руб. что сравнительно меньше, чем за рубежом – примерная сумма составляет 3 млн. долларов США¹.

Помимо эффективного управления имуществом и деятельностью фонда после смерти, учредитель безусловно преследует цель распоряжения имуществом по своему усмотрению. Для этого предусмотрена фигура выгодоприобретателя. Им может быть любой субъект гражданского права, за исключением самого учредителя и коммерческих юридических лиц. Однако учредитель все же может быть выгодоприобретателем, если это прямо установлено в уставе. Безусловно, это уже вызвало научную дискуссию: целесообразна ли диспозитивность в данном случае? Ведь учредитель так или иначе действует в своих интересах, да и нормы предполагают, что учредитель создает личный фонд «на будущее» – так, он не имеет права собственности на переданное имущество фонду. Так или иначе, основное назначение фигуры выгодоприобретателя личного фонда в том, что он имеет право на получение имущества в соответствии с условиями управления личным фондом (возможно, цель создания фонда и будет заключаться в обеспечении выгодоприобретателей определенным имуществом), а также иные права, предусмотренные ГК РФ [2, с. 71].

Осложняется применение новой организационно-правовой формы прежде всего отсутствием судебной практики, да и в целом та же статистика по количеству «использования» давно существующих наследственных фондов неумолима: так, по данным Федеральной нотариальной палаты², со времени создания наследственных фондов было составлено 800 завещаний, в то время как, например, ООО ежегодно регистрируют около 7 тысяч³. Ожидается, что введение личных фондов исправит данное положение.

Помимо практических сложностей, по нашему мнению, имеются и недоработки на законодательном уровне. Например, представляется необходимым внесение изменений в Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», так как изменения предполагают перерегистрацию после смерти учредителя личного фонда в общественно полезный фонд, что должно отражаться в ЕГРЮЛ; кроме того, существует необходимость во внесении дополнительных в «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 касающиеся нотариального удостоверения решения о создании личного фонда, устава и других учредительных документов.

¹ Восемьсот граждан РФ решили создать свои наследственные фонды / Российская газета - Федеральный выпуск № 213 (8564) / [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2021/09/17/vosemsot-grazhdan-gf-reshili>. (дата обращения 14.02.2022).

² Там же.

³ Статистика по государственной регистрации ЮЛ и ИП в целом по Российской Федерации / Информация с сайта ФНС России / [Электронный ресурс] URL: https://www.nalog.gov.ru/rn78/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 19.02.2022).

Нельзя не затронуть и налоговое законодательство, так как деятельность юридического лица так или иначе связана с уплатой налогов. Планируется внесение изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) в связи с необходимостью создания механизма налоговой отчетности для такой специфичной организационно-правовой формы. Однако, в том случае, если не будут внесены изменения в НК РФ в части налогообложения, то доход выгодоприобретателей личного фонда и самого фонда подпадет под общие правила НК РФ [2, с. 73].

Подводя итог, нам хотелось бы отметить, что введение личных фондов в ГК РФ – большой шаг для Российской Федерации: законодатель, опираясь на положительный зарубежный опыт, попытался воссоздать аналогичную возможность в России. У граждан не только появилась новая форма реализации права наследования, но еще и она действительно дополнена возможностью при жизни решить вопросы, связанные с имуществом, которое нуждается в эффективном управлении, в том числе – после смерти учредителя, но с условиями, установленными и опробованными самим учредителем при жизни. По нашему мнению, личные фонды должны стать распространенной формой организации деятельности инвесторов, предпринимателей, в том числе иностранных, что, несомненно, окажет положительный эффект в рамках гражданского оборота и экономики страны в целом.

Список источников

1. Солдатова В.И. Новеллы гражданского законодательства о фондах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. №11 (87).
2. Демкина, А.В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России / А.В. Демкина // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 12 (243).

Информация об авторах.

С.Л. ОНУЧИНА – студентка 3 курса

Information about authors

S.L. ONUCHINA – 3st year student.

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Научная статья
УДК 343

MEANS REA В НЕОКОНЧЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ УГОЛОВНОГО ПРАВА США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Виктория Николаевна ВАСИЛЬЧЕНКО

Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», Санкт-Петербург, Россия
v.u.9692022127@gmail.com

Научный руководитель главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук **Александр Яковлевич КОДИНЦЕВ**, balsak1@yandex.ru

Аннотация. В статье предметом исследования является правовая теория means rea в институтах покушения, сговора и подстрекательства уголовного права США и Великобритании. Цель статьи заключается в выявлении общих черт (с учетом общности происхождения института вины) и особенностей means rea, возникших в силу разделения судеб американского и английского права. Использован метод сравнительного анализа отдельных институтов уголовного права. Сравнение проводилось на микроуровне (институт), было синхронным (основывалось на анализе современного права), внешним (сравнивается право двух стран). Сравнение нормативное. Результаты проведенного исследования выражены в заключении.

Ключевые слова: means rea, виновная мысль, институт покушения, институт подстрекательства, институт сговора, уголовное право США, уголовное право Великобритании

MEANS REA IN UNFINISHED CRIMES US AND UK CRIMINAL LAW

Victoria N. VASILCHENKO

St. Petersburg Institute of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
v.u.9692022127@gmail.com

Scientific adviser — Chief Researcher of the St. Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Science (Law), **A. Y. Kodintsev**, balsak1@yandex.ru

Abstract. In the article, the subject of the study is the legal theory of means rea in the institutions of assassination, conspiracy and incitement of criminal law in the United States and Great Britain. The purpose of the article is to identify common features (considering the common origin of the institution of guilt) and the features of means rea that arose due to the separation of the destinies of American and English law. The method of comparative analysis of individual institutions of criminal law is used. The comparison was carried out at the micro level (institute), was synchronous (based on the analysis of modern law), external (the law of the two countries is compared). The comparison is normative. The results of the study are expressed in the conclusion.

Keywords: means rea, guilty thought, institute of assassination, institute of incitement, institute of collusion, US criminal law, UK criminal law

С развитием уголовного права зарубежных государств возрастает интерес к субъективной составляющей неоконченных преступлений. Неоконченное преступление является важной проблемой уголовного права. Уголовное законодательство

всегда стремилось определить область преступных деяний, применить наказание к лицу, действительно виновному в совершении преступления исходя из его преступного умысла. «Виновный умысел» или *means rea* в уголовном праве является существенным элементом в преступном деянии, поскольку мысли виновного фактически определяют его действия, есть ли у него злой умысел или нет.

К проблеме *means rea* в впервые обратился Генри де Брактон [19, Vol. 2], который сформулировал принцип *crimen non contrahitur, nisi nocendi voluntas intercedat* (действие не делает виновным, если не виновна мысль). Позже к *means rea* обращается Эдуард Коук [20, P. 6], именуя ее как *regula* английского права, а также Майкл Далтон [21, P. 360], Мэттью Хэйлом [25, P. 14] и др. В настоящий момент в российской юридической науке отсутствует достаточно полное исследование проблемы «*means rea*» в уголовном праве США и Великобритании. В своих работах данную теорию права затронули П.И. Гришаев [2, с. 1-143], Г.А. Есаков [3, с. 1-551], И.Д. Козочкин [6, с. 135], Б.С. Никифоров [9, с. 33-46; 10, с. 112-289], Н.Н. Полянский [11, с. 84], Ф.М. Решетников [12, с. 6-44], Н.А. Шульженко [16, с. 55] и др. Тем не менее, данная субъективная составляющая преступления требует дальнейших исследований.

В период раннего средневековья англосаксонское уголовное право стремилось предотвратить кровную месть в общине. В связи с этим англосаксонские правоведы начинают обращаться к субъективной стороне преступного деяния: какое намерение имеет деятель, решающий причинить вред? С этого момента можно считать отправную точку изучения *means rea*. Интересно высказывание о субъективной стороне преступления Оливера Уэнделла Холмса: «даже собака различает, случайно ли споткнулись об нее или пнули ногой» [26, P. 3]. Свою концепцию о *means rea* он выразил в книге «Общее право», опубликованной в 1881 г., в которой упоминалось, что субъективная ответственность за действия человека происходит из его намеренности и личной виновности. Американский правовед Джером Холл отмечает, что англосаксонское право проявляло полное безразличие к тому, было ли правонарушение намеренно, по небрежности или случайно [24, P. 143]. Уголовное право Англии часто обращалось к теории *means rea*.

Рассмотрим правовую теорию *means rea* в институтах покушения, сговора и подстрекательства уголовного права Великобритании и США.

Великобритания. Как и любая другая правовая теория «*means rea*» имеет свои истоки. Впервые она упоминается в источниках права Великобритании. Начиная с Августина Аврелия [31, гл. 5], «Институтов права Англии» Эдуарда Коука [20, P.405]; лорда Кеньэна [23, P.509-514] и заканчивая Фредериком У. Мэйтландом [30, P.1]. Латинское выражение «*means rea*» определено в решении Палаты лордов: «лицо не может быть осуждено за преступление, если *means* не была *rea* (если намерение не было виновным)» [22, P.479]. Перевод дефиниции «*means rea*» весьма неоднозначен. Существуют разные варианты перевода: «виновная воля» [5, с.39], «виновный разум» [10, с.132], «запрещенное умонастроение» [8, с.57], «виновное сознание» [15, с.77], «виновная мысль» и т.д. Более корректным следует считать перевод «*means rea*» как «виновная мысль». Не следует отождествлять термин «*means rea*» с привычным для сегодняшней отечественной юридической науки термином «вина», т.к. имеется разное содержание определяемых понятий и термин «вина» в Уголовных кодексах разных стран имеют точную характеристику. «*Means rea*» прежде всего определяется как психический элемент совершения лицом того или иного преступления [32, P.10]. Иногда данный настрой ума деятеля деликта называется намерением и определяет этическую «упречность» - негативную оценку социумом совершенного правонарушения. Для основания такой оценки может выступать событие выбора гражданином общественно неприемлемого поведения. В теории, кроме этической упречности, также подчеркивается, что категория мо-

ральной упречности дает ответы на вопросы, на которые строго психологическое понимание субъективной составляющей преступного деяния ответов дать не может [3, с.352]. Следовательно, понимание *means rea* исключительно как психическое состояния [7, с.80] вызывает сомнения и требует более тщательного изучения.

Идея «*means rea*» выражается в латинском выражении *actus non facit reum nisi mens sit rea* (действие не делает виновным, если не виновна мысль). Данная максима уголовного права показывает субъективную (психическую) составляющую деяния, что является необходимой частью преступления вместе с *actus reus* (преступным деянием). Поэтому в англо-американском праве следует учитывать в совокупности взаимосвязь *means rea* и *actus reus*: «объективная сторона преступления (*actus reus*) сочетается с некой виновной волей (*means rea*)...» [1, с. 860].

Специфичность современного уголовного права Англии заключается в разрешении проблемы субъективной части преступления. Признается необходимость определения для уголовной ответственности «*means rea*» (виновной мысли) в качестве намерения (*intent*), неосторожности (*recklessness*) и небрежности (*negligence*). Небрежность признается грубой в случае отклонения поведения обвиняемого по сравнению с поведением разумного человека, который бы предвидел наступление тех или иных от отрицательных последствий [4, с. 134]. Следует отметить, что небрежность выступает в качестве самостоятельной формой вины, тем самым отделяясь от неосторожности (*negligens*). В США небрежность и неосторожность имеют разную степень виновности.

Проанализируем *means rea* в институтах покушения, сговора и подстрекательства по уголовному праву Великобритании.

Институт покушения. Английское уголовное право считало, что успешное осуществление покушения фактически сливается с оконченным преступлением. Ввиду этого, лицо будет обвинено в покушении, даже при непосредственном совершении правонарушения [27, Р.412]. Статья 1 Закона о преступном покушении гласит: лицо считается виновным, в случае если оно с намерением совершает действие, которое является более чем просто приговорительным к совершению правонарушения. Так, в одном деле Апелляционный суд оправдал обвиняемого, который незаконно проник в школьный туалет с ножом, веревкой и скотчем в виду отсутствия у него действий, которые бы действительно говорили о покушении [17, Р.11.3(b)]. В другом деле полиция заранее арестовала подозреваемого, готовящегося к ограблению. Получается, что законодатель регулирует не в полной мере институт покушения, т.к. две крайности чреваты отрицательными последствиями [29, Р. 9]. Также отсутствует определенная классификация действий, позволяющая считать данные действия большими, чем просто приготовление к покушению, ведь большим чем просто покушение на человека, можно посчитать, в конечном счете, его убийство.

Сговор. Об институте сговора упоминается в ч.1 Закона об уголовном праве 1977 г. и в ч.1 Закона об уголовно наказуемом покушении 1981 г. В соответствии с данными актами, уголовно наказуемым признается сговор, в котором его участники достигли определённого соглашения. Согласно этим законодательным актам, учитывая количественный состав (два и более лица), подлежат уголовной ответственности за сговор как за оконченное преступление [13, с.175]. Известно дело Уитчерч (1890 г.), когда суд признал в сговоре женщину с другими лицами с намерением сделать аборт, хотя они на момент соглашения и после не были беременными.

Подстрекательство. Характеристика подстрекательства содержится в статутном Законе о серьезных преступлениях 2007 г. Суть теории подстрекательства заключается в склонении лица к совершению правонарушения, при этом виновное лицо скрывается за спиной другого лица, непосредственно совершаемого правонарушения. В случае если же подстрекатель лично совершает преступление, то стоит рас-

смагивать данное правонарушение как форму соучастия, что также наказывается в соответствии с Законом [4, С. 214-226]. Уголовная ответственность последовала в деле Хиггинса в решении Суда Королевской скамьи (1801 г.), в котором подстрекателя обвинили в подстрекательстве в краже.

Таким образом, *means rea* в институтах покушения, сговора и подстрекательства в общем праве Англии имеет свои особенности, выражающиеся в воле законодателя.

США. Уголовное право США, как известно, являлось продолжением уголовно-правовой системы Англии. С 1775 года американская система развивалась самостоятельно. И вскоре в этой системе стали усиливаться нормативные компоненты (статуты). Изначально в уголовном праве США (как и в Англии), преступление включает в себе *means rea* (психику) и *actus reus* (объективную сторону).

Примерный уголовный кодекс США (М.Р.С.) повлиял на теорию права, в том числе на *means rea* и на кодификацию уголовного права штатов [28, Р. 2025]. Только небольшое число штатов последовало основам УК США, а большинство штатов осталось в рамках общего права [18, Р. 341]. В американском праве два века медленно развивается конвергенция общего и статутного права. Положения о вине закреплены в § 2.02 (1) Примерного уголовного кодекса, в котором говорится о виновности лица в правонарушении, если оно действовало с целью, осознанно, неосторожно или небрежно. Нормы о *means rea* традиционно находятся в общей части М.Р.С., вместе с другими терминами права.

В уголовном праве США существует понятие «строгой ответственности» (*strict liability*), которое заключается в необязательном определении *means rea*. Строгая ответственность предполагает презумпцию вины (например, применяется в российском гражданском праве). Развитие этого института в США было связано с появлением нового законодательства (антимонопольного, налогового) и увеличением в судах дел о правонарушениях против общественного благосостояния [3, с. 223-225].

В уголовном праве США институтам покушения, сговора и подстрекательства уделено много внимания. Они отражены в ст. 5.04 Примерного уголовного кодекса и в уголовных кодексах большинства штатов. Согласно ст. 5.05 Примерного уголовного кодекса США подстрекательство, сговор и покушение наказываются как оконченное преступление. При этом основное преступление (оконченное) поглощает неоконченное преступление. Рассмотрим применение *means rea* в этих институтах.

Покушение (*attempt*). В большинстве юрисдикций покушение закреплено в Общей части уголовных кодексов, в некоторых (Нью-Йорк, Огайо в Особой). К субъективной стороне покушения предъявляются более высокие требования по сравнению с оконченным преступлением. Например, в ст. 9-1а УК штата Иллинойс, для признания лица виновным в покушении на тяжкое убийство необходимо установить умысел на его совершение. В кодексах ряда штатов (Пенсильвания, Джорджия) включается требование «существенного шага». То есть институт покушения в отдельных штатах предполагает необходимость доказывать виновность лица в совершении преступления, в других вместе с виной необходимо кроме виновности необходимо определить характер виновного действия. Предусмотрено освобождение от ответственности за отказ от доведения преступления до конца [14, с. 193].

Сговор (*conspiracy*). Свод законов США в 18-м разделе, а также гл. 19 содержит понятие «сговор». Об институте сговора упоминается в ст. 5.03 (п. 1) Примерного уголовного кодекса. Существенным моментом в определении наказания является наличие «явного действия», влияющего на уголовную ответственность. Правда оно

не учитывается в половине УК штатов, а также не распространяется на отдельные преступления. Выходит, что ответственность лица за сговор наступает за соглашение, даже если не было предпринято лицом определенных действий. Данное явление узаконено в УК ряда штатов (Нью-Мексико, Орегона, Флориды) и др.

Подстрекательство (*solicitation*). Большинство штатов к уголовно наказуемому подстрекательству относят нарушение общественного порядка, воспрепятствование отправлению правосудия и т.д. По 653 УК штата Калифорния подстрекательство распространяется на взяточничество, ограбление, похищение человека и др. Предусмотрено покушение на подстрекательство в Примерном уголовном кодексе и в кодексах отдельных штатов.

Изучив правовую теорию *means rea* и сопутствующий ей элемент *actus reus* в уголовном праве Великобритании и США, стоит отметить тот факт, что, несмотря на преобладающую схожесть правовых систем, все же присутствуют некоторые различия. Данные различия обусловлены веяниями общего (прецедентного) и статутного права, формой государственного устройства государств, национальными и культурными особенностями США и Великобритании и др.

1. В институте покушения уголовное право США позволяет привлекать к уголовной ответственности за приготовление к преступлению, а иногда и с момента выявления преступного умысла. Также есть законодательное закрепление примерного «существенного шага», что позволяет государственным органам предотвращать преступные посягательства. В Англии же на практике наблюдается совершение оконченного преступления, в силу того, что государственные органы не могут вмешаться в нужный потерпевшему момент времени. Отсутствует определенная классификация существенного шага.

2. В институте сговора в некоторых штатах США в виду наличия основания, предусматривается возможность освобождения от наказания. С другой стороны, уголовное наказание можно получить за «любое действие», причиняющее вред обществу. В Англии при установлении *means rea* обвиняемого, его непосредственного соглашения с другими лицами и др., лицо подлежит уголовной ответственности. Также законодательно предусмотрены случаи, не считающиеся сговором.

3. В институте подстрекательства в силу федеративного устройства США наблюдается разная степень уголовной наказуемости в штатах, в уголовном законодательстве предусматривается покушение на подстрекательство, а также при наличии основания освобождение от уголовной ответственности. В Англии что примечательно, независимо, от того какими средствами подстрекательство реализуется, суд в итоге признает его оконченным преступлением. Стоит отметить, что данные три института неоконченных преступлений между собой переплетаются. Так, подстрекательство может перерасти в сговор, сговор в покушение или в других вариациях.

В целом можно сказать, что в институтах покушения, сговора и подстрекательства США своеобразно рецепировало базовую сущность *means rea* Великобритании, и уже после совершенствовало свое уголовное законодательство. Общее заключается в сохранении идеи *means rea* общего права.

Список источников

1. Бернам У. Правовая система США. – М.: Нов. юстиция, 2006. – 1216 с.
2. Гришаев П.И. Уголовно-правовые теории и уголовное законодательство буржуазных государств. М.: ВЮЗИ, 1959. – 143 с.
3. Есаков Г.А. *Mens Rea* в уголовном праве Соединенных Штатов Америки: историко-правовое исследование. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 551 с.
4. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран : учебное пособие. М., 2010. – 336 с.

5. Кенни К. основы уголовного права/ Пер. с англ. В.И. Каминской; Под ред. и с вступ. ст. Б.С. Никифорова. М.: Издательство иностр. лит., 1949. – 599 с.
6. Козочкин И.Д. уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. - Спб.: Изд-во «Юридический центр пресс», 2007. – 476 с.
7. Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). – М.: Зерцало, 1998. – 208 с.
8. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права М.: Международные. Отношения, 2002. – 376 с.
9. Никифоров А.С. Уголовное право современной Англии (обзор английской литературы по уголовному праву) // Советское государство и право М. 1954. № 6. С.33-46
10. Никифоров Б.С. Учение о виновности в английском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / Институт права АН СССР. М., 1945. – 732 с.
11. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1969. – 399 с.
12. Решетников Ф.М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. III: Современные буржуазные уголовно-правовые теории. М.: Унив. дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1967. 99 [1]. – 198 с.
13. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2003. – 576 с.
14. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть/ под ред. И.Д. Козочкина. М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова 2001. – 576 с.
15. Чигринцев О.М. Учение о вине по уголовному праву Англии// Известия высших учебных заведений. Правоведение. Л, 1979. №6. С.24-38.
16. Шульженко Н.А. Ответственность за предварительную преступную деятельность по англо-американскому уголовному праву: Дисс... канд. юрид. наук. - м., 1982. – 187 с.
17. Ashworth A. Principles of Criminal Law/ A. Ashworth, J. Horder. 7 th. Ed. Oxford University Press. 2013. P. 11.3(b).
18. Batey R. Judicial Expolitation of Mens Rea Confusion, at Common Law and under the Model Penal Code// Georgia State University Law Review. Atlanta (Ga.). 2001. Vol. 18. N 2. P. 341.
19. Bracton Henry de. On the Laws and Customs of England / edit. by G.E. Woodbine; Translated, with revisions and notes, by Samuel E. Thorne; Published in association with The Selden Society. 1968. Vol. 2.
20. Coke E. The first part of the institutes of the Laws of England: Or, A Commentary Upon Littleton. Not the Name of the Author Only, but of the Law itself. 19 th. ed., corr., by Charles Butler. Volume II. L: Printed for J. W.T. Clarke, 1832 Sect. 405.
21. Dalton M. The Country Justice: Containing the Practice of the Justices of the Peace out of Their Sessions. L.: Printed by William Rawlins and Samuel Roycroft, Assigns of Richard and Edward Atkyns and are to be Sold by Samuel Kenye, 1690.
22. Director of Public Prosecutions v. Beard, (1920) A.C. 479, 504 (per Lord Birkenhead, L.G.).
23. Fowler v. Padget, 7 T.R. 509, 514,101 Eng. Rep. 1103, 1106 (K.B. 1798) (per Lord Kenyon, C. J.).
24. Hall J. General Principles of Criminal Law. Indianapolis, 1960. P. 143.
25. Hale M. Historia Placitorum Coronae: The History of the Pleas of the Crown / Now First Pub. 1736. Vol. I.
26. Holmes, Jr. O.W. The Common Law\ With a New Introduction by Sheldon M.Novick New York :Dover Publications, Inc.,1991. P. 2-4.
27. Jefferson M. Criminal Law/ M. Jefferson. 11 th ed. Pearson, 2013. P. 412.
28. LaFave W.R., 5cort, Jr., A.W. Op. cit P. 3-6; Bassiouni M.C. Op cit. P. 20-25.
29. Morissette v. United States, 342 U.S. 246, 252 п. 9 (1952), Garnett v. State, 332 Md. 571,604 (1993) (Bell, J., diss. op.).
30. Pollock F., Maitland F.W. The History of English Law Before the Time of Edward I. 2 th. ed. Volume I. Cambridge: At the University Press, 1898. P.1.
31. «Reum linguam non fact, nisi mens rea», Sermones, Sermo 180. 2 «De verbis apostolic iacobi (5, 12): «Ante omnia nolite iurare», etc.» («Язык не делает виновным, если не виновна мысль», «Проповеди»). Проповедь 180, 2 «О словах апостола Иакова (глава 5, стих 12): «Прежде всего, не клянитесь»).
32. Williams G.L. The Mental Element in Crime/ The Hebrew University of Jerusalem; Lionel Cohen Lectures Jerusalem: At the Magnes Press, The Hebrew University, 1965. P. 10.

Информация об авторах

В.Н. ВАСИЛЬЧЕНКО – студент.

Information about authors

V.N. VASILCHENKO – student.

Научная статья
УДК 343.34

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ «МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ»
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ**

Кристина Петровна КОЧЕТКОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
kristina.kochetckova12@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**, roman888rus@rambler.ru

Аннотация. Современные реалии все чаще показывают картину, в которой человек злоупотребляет своими конституционными правами и превращает мирные разрешенные пикеты в представляющие общественную опасность, запрещенные уголовным законом массовые беспорядки. Актуальность данного явления в 2021 году стала поводом для подробного изучения преступления, предусмотренного статей 212 УК РФ. В настоящей статье автор отмечает множество недочетов законодательства по данному вопросу. Например, насилие, погромы и применение оружия в контексте данной статьи вызывают конкуренцию при определении признаков. По мнению автора, в статью 212 УК РФ необходимо внести изменения, согласно которым в диспозицию будут включены термины: «руководитель массовых беспорядков»; «финансирование» как объективная сторона преступления.

Ключевые слова: массовые беспорядки, статья 212 УК РФ, уголовное право, насилие, поджог

**PROBLEMS OF DETERMINING THE SIGNS
OF THE CRIME «MASS RIOTS» WHEN QUALIFYING AN ACT**

Kristina P. KOCHETKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
kristina.kochetckova12@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), **R. M. Kravchenko**, roman888rus@rambler.ru

Abstract. Modern realities increasingly show a picture in which a person abuses his constitutional rights and turns peaceful permitted pickets into mass riots that pose a public danger, prohibited by criminal law. The relevance of this phenomenon in 2021 became the reason for a detailed study of the crime provided for in Articles 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. In this article, the author notes many shortcomings of the legislation on this issue. For example, violence, pogroms and the use of weapons in the context of this article cause competition in determining signs. According to the author, it is necessary to amend Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation, according to which the following terms will be included in the disposition: «the leader of mass riots»; «financing» as an objective side of the crime.

Keywords: mass riots, Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal law, violence, arson

Статья 31 Конституции Российской Федерации гарантирует населению страны право на мирные собрания и публичные манифестации. Целью мирных пикетирований, шествий и митингов является обсуждение проблемных вопросов, которые затрагивают интересы большинства населения. Это тихая демонстрация поддержки или, напротив, несогласия политики властей, законное стремление выразить свою позицию по тому или иному вопросу. Однако, реалии современного мира все чаще демонстрируют картину, в которой человек злоупотребляет своим конститу-

ционным правом и превращает мирные разрешенные пикетирования в представляющие общественную опасность, запрещенные уголовным законом массовые беспорядки.

В связи с тем, что деяние, предусмотренное статьей 212 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) имеет сложную структуру и состав, возникает множество проблем определения признаков состава преступления. Для выявления проблем определения признаков массовых беспорядков и их решения, следует рассмотреть тонкости анализируемого состава.

Диспозиция статьи 212 УК РФ включает в себя такое деяние как «насилие». Общепринятое определение трактуется на законодательном уровне в пункте 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)¹. Опасное для жизни или здоровья насилие – когда произошло причинение тяжкого или среднего вреда здоровью потерпевшего, или причинение легкого вреда, вызвавшее короткое временное расстройство здоровья или незначительную утрату общей трудоспособности. Исходя из точного определения видно, что причинение насилия в контексте преступления «Массовые беспорядки» составляет конкуренцию при квалификации с погромами или с применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, которые наряду с первым составляют объективную сторону преступления ст. 212 УК РФ. Мы считаем, что необходимо конкретизировать определение понятия «насилие» в контексте массовых беспорядков, чтобы разграничить схожие по смыслу деяния.

Кроме того, вышеупомянутый нами термин «погромы» в российском законодательстве вовсе не определен. Данное понятие берет свое начало еще в середине XIX века. Толковый юридический словарь трактует термин «погром» как массовое спонтанное насильственное действие, направленное против религиозных, национальных или расовых меньшинств, как правило, инспирированное экстремистскими организациями или полицией реакционного правительства². Анализируя значение данного понятия, предлагаем исключить термин «погромы» из диспозиции ст. 212 УК РФ, поскольку он включает в себя и насилие, и уничтожение имущества, и поджоги, которые уже закреплены законодателем в этой же статье.

Следующей проблемой можно выделить слияние нескольких отдельных признаков состава преступления в тождественные. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. №45 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» толкует применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия как умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия³. В данном понятие законодатель акцентирует внимание

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. №29 (с изменениями и дополнениями). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.01.2022).

² Толковый юридический словарь. [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17107> (дата обращения: 02.02.2022).

³ О судебной практике по уголовным делам хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. №45 г. Москва. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2022).

именно на «применении оружия для причинения насилия или вреда здоровью человека». Следовательно, применение оружия подразумевается, как примененное в отношении человека. Аналогичная ситуация прослеживается при применении оружия, взрывных устройств, взрывчатых и отравляющих – все данные деяния направлены на потерпевшего гражданина. Фактически законодатель включил в диспозицию ст. 212 УК РФ несколько схожих признаков: одно и то же деяние подпадает под насилие, погромы и сопротивление с применением оружия, что порождает проблемы в определении квалифицируемых признаков.

Далее статья 212 УК РФ упоминает «иные вещества и предметы, представляющих опасность для окружающих». Официально закреплено, что под иными веществами и предметами, представляющих опасность для окружающих понимаются как специально созданные, так и приспособленные либо найденные предметы бытового или хозяйственного назначения, которые при использовании могут причинить значительный вред или гибель человека, или уничтожение имущества [1, с. 50]. Данными предметами могут выступать бензопила, бензин, цепи, бутылки с водой и др. Например, в Беларуси в 2020 году в ходе политических массовых беспорядков «протестующие» использовали камни, тротуарную плитку, фейерверки, боевые рогатки, надувные шарики со стеклом внутри для атаки и сопротивления с сотрудниками полиции¹. В Москве в январе 2021 года толпа активно использовала баллончики с краской; в Украине в 2014 году активно использовали технику: бульдозеры, автомобили и др. Стоит отметить, что законодатель намерено оставляет открытым перечень приспособленных для насилия предметов. Поэтому применение преступниками в будущем вышеперечисленных и иных подобных предметов, подвергающие население тяжелым увечьям, подпадает под объективную сторону ст. 212 УК РФ.

Согласно ст. 167 УК РФ под «поджогами» понимаются целенаправленные действия виновного, направленные на возникновение очага пожара, его разгорание и последующее уничтожение чужого имущества в результате вызванного поджогом пожара². Если участники массовых беспорядков умышленно подожгли, например, автомобиль или иную собственность, в результате чего она полностью или в значительной мере утратила свои первоначальные функции, то данное деяние будет рассматриваться как квалифицирующий признак ст. 212 УК РФ.

Кроме того, в ч. 1 ст. 212 УК РФ мы сталкиваемся с соучастием особого рода в преступлении против общественной безопасности: «организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, ..., а равно подготовка лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них». Названные в первой части лица с учетом положения Общей части являются организаторами преступления (согласно ч.3 ст. 33 УК РФ организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими), а по ч.1 ст. 212 УК РФ они являются исполнителями преступления, что противоречит Общей части уголовного права.

Говоря о «ролях» в преступлении «массовые беспорядки», мы видим, что в объективной стороне ст. 212 УК РФ нет такого деяния как «руководство». К примеру, если лицо само не организовывало преступление, а присоединилось к массовым беспорядкам как активный участник, как инструктор и координатор участников или определенной группы людей? Фактически он является руководителем: не причиняет насилие, не использует оружие и иные предметы для сопротивления властям, заранее не организовывал беспорядки, лишь в моменте руководит толпой. Следовательно, исходя из того, что термин «руководитель» не прописан

¹ Протесты в Белоруссии (2020–2021). Электронный ресурс. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Протесты_в_Белоруссии_\(2020–2021\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Протесты_в_Белоруссии_(2020–2021)) (дата обращения: 04.02.2022).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022).

в статье 212 УК РФ, данное лицо не будет нести уголовной ответственности как организатор. Данное деяние подпадает только под ч.3 ст. 212 УК РФ как участник массовых беспорядков. Однако, санкции ч.1 и ч.3 значительно отличаются и применение к «руководителю толпы» меньшего наказания будет противоречить принципу справедливости.

Мы предлагаем ввести в ч. 1 ст. 212 УК РФ ответственность лиц за руководство массовых беспорядков, поскольку они выполняют значимую роль в координации действий участников, что прямо сопряжено с определением «организатор».

Кроме того, законодатель не включил в объективную сторону такое деяние, как «финансирование» обучения и организации массовых беспорядков. В определении от 4 августа 2008 г. по делу № 45-008-50 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ, описывая действия обвиняемых, отмечает, что Ф. «организовал совершение массовых беспорядков и финансировал подготовку совершения преступлений»¹. Тем самым, Верховный суд подразумевает финансирование как объективную сторону состава преступления по ст. 212 УК РФ. Мы считаем, однозначно необходимо установление ответственности за финансирование в ч.1 ст. 212 УК РФ.

Таким образом, проводя анализ статьи «Массовые беспорядки» мы наталкиваемся на массу проблем. Термин «насилие» включает в себя и иные деяния, предусмотренные рассматриваемой статьей: погромы, применение оружия, что вызывает конкуренцию при определении признаков. Кроме того, определение понятия «погромы» отсутствует в научной и учебной литературе, что также придает сложности для квалификации. Мы предлагаем исключить термин «погромы» из диспозиции статьи 212 УК РФ. Это позволит избежать конкуренции с объективными признаками – насилие и поджоги. К тому же, мы предлагаем ввести в диспозицию статьи 212 УК РФ термин «руководитель», что даст право законодателю в надлежащей мере привлекать человека, который изначально не являлся организатором, а вступил в процесс руководства толпы в момент массовых беспорядков. Также, мы предлагаем официально закрепить «финансирование» как объективную сторону массовых беспорядков, поскольку примечание к ст. 212 УК РФ упоминает финансирование лишь прохождения обучения в целях организации массовых беспорядков либо участия в них, а в целом финансирование как объективная сторона законодателем не используется, что значительно сужает круг уголовно-наказуемых деяний.

На наш взгляд, исправление вышеперечисленных коллизий и недочетов поможет хотя бы минимально решить проблемы определения признаков состава преступления массовых беспорядков при квалификации преступления.

Список источников

1. Преступления против общественной безопасности: учебное пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.]; под ред. А. Н. Попова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 50.

Информация об авторах

К.П. КОЧЕТКОВА – студентка 4 курса.

Information about authors

K.P. KOSHETKOVA – 4st year student.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 августа 2008 г. № 45-008-50. Судебная практика. [Электронный ресурс]: URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 06.02.2022).

Научная статья
УДК 343.423

УГОЛОВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ИЛИ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ

Дарья Максимовна КУБЛЯКОВА¹, Дарья Викторовна ТУЕВА²,
^{1,2} Оренбургский институт (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия
¹ dasha_ucheba@mail.ru
² tueva.dasha2013@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук **Татьяна Анатольевна ХМЕЛЕВСКАЯ**, oTAKHmelevskaya@msal.ru

Аннотация. В научной статье рассматриваются основания признания религиозной организации незаконной или нежелательной в соответствии с российским законодательством и проблемы статей Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение такого конституционного права, как свобода совести и вероисповедания. Отдельно уделено внимание Всемирному институту саентологических предприятий – нежелательной религиозной организации.

Ключевые слова: религиозная организация, свобода вероисповедания, нежелательная религиозная организация, экстремистская деятельность

CRIMINAL CONSEQUENCES OF RECOGNIZING A RELIGIOUS ORGANIZATION AS ILLEGAL OR UNDESIRABLE

Daria M. KUBLYAKOVA¹, Daria V. TUEVA²
^{1,2} Orenburg Institute (branch) «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)»
¹ dasha_ucheba@mail.ru
² tueva.dasha2013@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor Department of Criminal Law and Criminology of the Orenburg Institute (branch) «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Candidate of Science (Law), **T. A. Chmelevskaya**, oTAKHmelevskaya@msal.ru

Abstract. The scientific article examines the grounds for recognizing religious organization as illegal or undesirable in accordance with Russian legislation and the problems of articles of the Criminal Code of the Russian Federation providing for criminal liability for violation of such constitutional rights as freedom of conscience and religion. Special attention is paid to the World Institute of Scientology Enterprises – an undesirable religious organization.

Keywords: religious organization, freedom of religion, undesirable religious organization, illegal religious organization, extremist activity

В соответствии со ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021 № 68-ФЗ) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее – Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях») в Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, совершать богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, осуществлять обучение религии и религиозное воспитание, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии

с ними, в том числе создавая религиозные объединения¹. Но, несмотря на закрепление данного положения в национальном законодательстве, в повседневной жизни мы встречаемся с нарушением конституционного права. Это обусловило закрепить уголовную ответственность в ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)².

Рассмотрим непосредственно объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, чтобы выяснить в чем заключается нарушение права. Боровиков В.Б. отмечает, что объективная сторона преступления характеризуется общественно опасным деянием, препятствующим деятельности религиозных организаций или совершению религиозных обрядов. Это может выражаться в незаконном закрытии церкви, мечети и т.д. [1, с. 251].

Для того, чтобы выяснить значение «незаконное» необходимо повторно обратиться к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях». Согласно нему, право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено только федеральным законом³. Но чаще всего на практике мы можем встретить признание религиозной организации незаконной, так как ее действия направлены на осуществление экстремистской деятельности. Например, по такому основанию была запрещена деятельность «Свидетелей Иеговы». Здесь необходимо говорить о квалификации преступления уже по ст. 282.2 УК РФ⁴. Объективная сторона преступления состоит в действиях по организации деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого имеется вступившее в законную силу решение суда о его ликвидации или о запрете его деятельности за экстремистскую направленность. Под организацией деятельности следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации.

При этом организацию можно признать нежелательной в соответствии со ст. 3.1 Федерального закона Российской Федерации от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»⁵. Данное решение было принято в отношении Всемирного института саентологических предприятий распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации о включении в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации от 01.10.2021 № 1126-р и решением Генеральной прокуратуры Российской Федерации о признании деятельности организации нежелательной от 24.09.2021⁶. Данные государственные органы сослались на то, что организация представляет угрозу безопасности Российской Федерации.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021 № 68-ФЗ) «О свободе совести и о религиозных объединениях» / СЗ РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022 № 3-ФЗ) / СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021 № 68-ФЗ) «О свободе совести и о религиозных объединениях» / СЗ РФ. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022 № 3-ФЗ) / СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 28.06.2021 № 230-ФЗ) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» / СЗ РФ. 31.12.2012. № 53. Ст. 7597.

⁶ Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации / Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru>. (дата обращения: 22.02.2022).

Если в дальнейшем будет установлено, что данная организация продолжает свою деятельность, то тогда необходимо будет говорить о привлечении участников к уголовной ответственности по ст. 284.1 УК РФ¹. В данной статье выявлена проблема, которая заключается в отказе законодателя от дифференциации ответственности для организаторов и участников нежелательной организации. Верно отмечает Иванчин А.В., что законодатель должен стремиться к «изоморфизму» [2, с. 17].

Таким образом, мы приходим к выводу, что Федеральные законы Российской Федерации, предусматривающие признание религиозной организации незаконной или нежелательной, являются бланкетными и закрепляют ответственность за несоблюдение тех или иных положений в соответствующих статьях Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список источников

1. Боровиков В.Б. Уголовное право. Общая и особенная части // М.: Юрайт, 2015.
2. Иванов Н.Г. Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // Российская юстиция. – 2017. – № 1.

Информация об авторах

Д.М. КУБЛЯКОВА – студентка;
Д.В. ТУЕВА – студентка.

Information about authors

D.M. KUBLYAKOVA – student;
D.V. TUEVA – student.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022 № 3-ФЗ) / СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Научная статья
УДК 343.98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ УДАЛЕННОГО КОНТРОЛЯ КОМПЬЮТЕРА С ТЕХНОЛОГИЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ ЧАСТНОЙ СЕТИ (VIRTUAL PRIVATE NETWORK) В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОКРЫТИЯ СЛЕДОВ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Георгий Давидович БАДЗГАРАДЗЕ
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
badzgaradze98@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Владимировна ЕЛАГИНА**, yelagina@bk.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены некоторые способы сокрытия следов преступлений, совершаемых в киберпространстве. Автор анализирует некоторые вопросы работы Virtual Private Network, указывает на возможные способы установления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления в киберпространстве. Автором указывается на возможность и технические последствия использования программного обеспечения для удаленного контроля компьютера в контексте совершаемых преступлений, в том числе совместно с использованием виртуальной частной сети. Исследование показало, что противодействие мошенничеству, совершенному с использованием информационных технологий, как одно из преступлений в цифровом пространстве, требует принятия мер на национальном уровне в виде принятия нового Федерального Закона, а на международном уровне – в виде создания международной организации кибербезопасности.

Ключевые слова: кибербезопасность, преступления, совершенные с использованием информационных технологий, VPN

THE USE OF SOFTWARE FOR REMOTE CONTROL OF A COMPUTER WITH VIRTUAL PRIVATE NETWORK TECHNOLOGY TO PROVIDE CONCEALING THE TRACES OF FRAUD COMMITTED WITH THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Georgiy D. BADZGARADZE
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
badzgaradze98@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor, **E. V. Elagina**, yelagina@bk.ru

Abstract. This article discusses some ways to hide the traces of crimes committed in cyberspace. The author analyzes some aspects of the work of the Virtual Private Network, indicates possible ways to identify persons who prepare, commit or have committed crimes in cyberspace and using the Virtual Private Network. The author points out the possibility and technical consequences of using software for remote control

of a computer in the context of committed crimes. The study showed that countering fraud committed using information technology, as one of the crimes in the digital space, requires measures to be taken at the national level in the form of the adoption of a new federal law, and at the international level - in the form of the creation of an international cybersecurity organization.

Keywords: cybersecurity, crimes committed with the use of information technologies, VPN

Цифровизация и информатизация на современном этапе развития общества касаются всех сфер и уже являются неотъемлемым условием его функционирования. Данные процессы в основном несут в себе благоприятные последствия для большинства населения. Однако, использование достижений науки и техники недобросовестными субъектами часто становится средством совершения преступлений в цифровой среде, что несет угрозу кибербезопасности как части национальной безопасности государства.

Количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, в том числе мошенничества, совершенного с использованием информационных технологий, постоянно возрастает, о чем свидетельствует официальная статистика¹. Значительное количество среди них составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. При этом, способы сокрытия следов мошенничества, совершенного с использованием информационных технологий, усложняются, что препятствует противодействию преступности в киберпространстве, препятствует их раскрытию и расследованию. С определенной долей условности об этом свидетельствует и с каждым годом сокращающаяся доля раскрываемых мошенничеств, совершенных с использованием информационных технологий².

В условиях современной геополитической обстановки, предкризисного экономического состояния мирового общества, можно с уверенностью говорить, что число мошенничества в киберпространстве возрастет, в том числе со стороны иностранных граждан в отношении граждан Российской Федерации. Для максимального предотвращения возможного ущерба в этой сфере Президентом Российской Федерации был подписан Указ «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации», одним из положений которого устанавливается необходимость принять меры Правительству РФ, направленные на «обеспечение консолидации и стимулирования закупок критически важных отечественных разработок в области информационных технологий, проводимых для обеспечения государственных и муниципальных нужд»³. Отметим, что «нужды» всегда детерминированы необходимостью реализации соответствующих функций.

В свою очередь, как справедливо отмечают Н.И. Матузов и А.В. Малько, основополагающей функцией государства является охрана прав и свобод человека и гражданина, обеспечение правопорядка, из чего следует, что направление деятельности современного Российского государства должно быть связано с «укреплением законности и правопорядка, с усилением борьбы с коррупцией, взяточничеством, беспределом криминала», то есть на борьбу с преступностью [1, с. 30].

Борьба с преступностью в цифровой среде на современном этапе не является эффективной в связи с наличием у преступного элемента широкого спектра средств противодействия правоохранительным органам. Среди средств противодействия установлению совершающих мошенничества лиц, преступниками широко исполь-

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года // М.: Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2021. – 67 с.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года // М.: Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2020. – 66 с.

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 марта 2022 года №83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // Российская газета. – 2022. – 3 марта.

зуется Virtual Private Network (далее VPN) – технология, позволяющая обеспечить одно или несколько сетевых соединений поверх другой сети¹.

Необходимо отметить, что VPN прежде всего формировалась как средство обеспечение защиты цифровой информации государственных органов и крупных организаций. Используя методы криптографического шифрования, VPN позволяет пользователю обеспечить сохранность своих данных. Когда пользователь не использует VPN, взаимодействие между его устройством и ресурсом в сети Интернет осуществляется напрямую. Позволим себе кратко изложить механизм этого взаимодействия: техническое устройство пользователя направляет запрос ресурсу, при этом устройство пользователя, позволяющее осуществить выход в сеть Интернет, имеет IP-адрес, необходимый для реализации возможности отправлять и получать цифровые запросы; ресурс, которому устройство направляет запрос, также имеет IP-адрес, как правило зашифрованный для удобства пользователя в доменное имя (<https://yandex.ru/>; <https://www.google.ru/> и т.д.). IP-адреса необходимы для подключения к серверу, на котором располагаются ресурсы и с определенной долей условности представляют собой адреса местонахождения в сети интернет устройства или ресурса.

Однако, в связи с наличием множества скриптов и большого объема информации, хранящейся на устройстве пользователя, которая может быть отправлена в виде запроса на ресурс, возникает угроза утечки этой информации. На предотвращение подобных утечек и направлена основная функция VPN.

Говоря наиболее простым языком, работу VPN можно представить следующим образом. В вышеуказанную систему взаимодействия устройства пользователя и ресурса включается еще один дополнительный сервер. Устройство пользователя отправляет запрос вначале на дополнительный сервер (как правило расположенный в иностранном государстве), а уже дополнительный сервер отправляет запрос на первоначальный ресурс. Таким образом в ресурс, доступ к которому пользователь хотел получить, поступает информация не об IP пользователя, а об IP дополнительного сервера, что значительно усложняет возможность получения цифровой информации о пользователе.

В связи со способностью VPN усиливать конфиденциальность и анонимность пользователя, данные сервисы стали широко использоваться криминальными субъектами в целях совершения преступлений в цифровой среде. Однако, как указывал еще в 1687 году английский физик Исаак Ньютон «действию всегда есть равное и противоположенное противодействие» [2]. Противодействие совершению цифровых преступлений с использованием VPN стали осуществлять государства и частные организации кибербезопасности, а одним из средств стало создание подконтрольных государственным органам серверов, собирающих информацию о пользователях, осуществляющих соединения через них.

Данные действия позволяют государствам и частным организациям кибербезопасности в случае обнаружения признаков киберпреступления установить первоначальный IP-адрес, с которого преступником отправлялись запросы ресурсам, в которых им осуществлялись преступные действия.

С сожалением приходится признать, что указанные выше действия, не повлекли существенного сокращения числа совершаемых в киберпространстве преступлений. Более того, средства и методы сокрытия следов преступлений стали еще шире. При этом важно отметить, что простота использования средств сокрытия следов преступления в киберпространстве (в частности мошенничества, совершенного с использованием информационных технологий) несоизмерима со сложной системой действий, направленных на дешифровку и поиск информации о преступнике в сети Интернет в условиях огромного объема обмена цифровыми данными пользователей сети с VPN.

¹ What is VPN? – Virtual Private Network // [Электронный ресурс] Cisco Systems Inc. // URL: <https://www.cisco.com/c/en/us/products/security/vpn-endpoint-security-clients/what-is-vpn.html#-related-topics> (дата обращения: 09.03.2022)

Так, в рамках данной публикации рассмотрим один из множества способов сокрытия следов преступления посредством использования программного обеспечения для удаленного контроля компьютера (такие как AnyDesk, TeamViewer и другие). Данное программное обеспечение (при условии его установки на двух взаимодействующих устройствах и доступа в Интернет) позволяет пользователю получить удаленный доступ и осуществить дистанционное управление с одного устройства другим. В таком случае IP-адрес и иные цифровые данные с управляющего устройства будут направляться на управляемое устройство (или IP-адрес и иные цифровые данные с управляющего устройства будут направляться на сервер программного обеспечения для удаленного контроля компьютера, а с него на управляемое устройство). Затем с управляемого устройства будет осуществляться запрос на те или иные сервисы сети Интернет.

Достоверное установление местоположения преступника уже в таком случае представляет для правоохранительных органов определенные трудности. Тем не менее они могут быть еще более усложнены в случае использования VPN на одном или на обоих устройствах. Причем использование VPN сразу на управляемом и управляющем устройствах позволяет преступнику включить в вышеупомянутую систему сети уже не один дополнительный сервер, а два. Тем самым сигнал, отправленный с управляющего устройства, будет зашифровываться двумя серверами, что еще более усложняет возможность выявления соответствующими структурами и организациями преступников, осуществляющих свои действия в киберпространстве.

Масштабы преступлений, совершаемые в киберпространстве, требуют серьезных мер реагирования как на уровне отдельных государств, так и на международном. Считаем, что одним из существенных действий, направленных на противодействие совершению преступлений в киберпространстве, может служить разработка и принятие, например, Федерального Закона «О кибербезопасности Российской Федерации», подписание и ратификация Будапештской конвенции по киберпреступлениям, внесении в нее изменений, отвечающих современным вызовам международной кибербезопасности, а также создание, подписание и ратификации новой конвенции о кибербезопасности в том числе между странами СНГ¹.

Стоит также отметить и необходимость в создании систем программного обеспечения, которые были бы направлены на обеспечение кибербезопасности Российской Федерации, а также на расследование и раскрытие подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлений в киберпространстве. Необходимым является и консолидация международного сообщества в целях противодействия киберпреступлениям. Для этого считаем возможным создание международной организации, которая разрабатывала бы рекомендации для стран-участниц по приведению национального законодательства и некоторых систем кибербезопасности в соответствие с последними стандартами противодействия киберпреступности.

Список источников

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник // М.: Юристъ. – 2004. – 245 с.
2. Ньютона законы механики // Физическая энциклопедия: [в 5 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров // М.: Большая российская энциклопедия. – 1992. – Т.3. – 672 с.

Информация об авторах

Г.Д. БАДЗГАРАДЗЕ — аспирант.

Information about authors

G.D. BADZGARADZE — post-graduate student.

¹ Convention of Cybercrime // [Электронный ресурс] Совет Европы // URL: <https://rm.coe.int/1680081580> (дата обращения: 10.02.2022)

Научная статья
УДК 343.1

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Вероника Витальевна РОХИНА¹, Артём Дмитриевич ЛУКИН²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ rokhver@mail.ru

² artem_lukin_02@bk.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Борисовна СЕРОВА**, serowa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема уголовно-процессуального статуса несовершеннолетних. В России взят курс на формирование дружественного к ребенку правосудия. Однако практическая реализация не всегда совпадает с тем, что прописано в теоретических документах.

Ключевые слова: уголовный процесс, несовершеннолетние, потерпевший, обвиняемый

ON SOME ASPECTS OF THE PROCEDURAL STATUS OF MINORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Veronika V. ROKHINA¹, Artem D. LUKIN²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

¹ rokhver@mail.ru

² artem_lukin_02@bk.ru

Scientific adviser — Head of the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), **Docent E. B. Serova**, serowa@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of the criminal procedural status of minors. Russia has set a course for the formation of child-friendly justice. However, the practical implementation does not always coincide with that is prescribed in theoretical documents.

Keywords: criminal proceedings, minors, victim, accused

Согласно части 4 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России¹. Кроме того, государство возложило на себя обязанности по созданию условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, а также воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Буквальное толкование данных норм позволяет прийти к выводу о том, что государство возложило на себя обязанность по обеспечению каждому ребенку условий «для его самоопределения и самореализации, формирования ответственного отношения к своей жизни на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения»². Итак, государство и общество максимально заинтересованы в том, чтобы не

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. и доп. на 01 июля 2020 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, С. Б. Нанба, А. Е. Помазанский; под ред. Т. Я. Хабриевой; обращение к читателям В. В. Путина. — Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2021. — 312 с.

допустить распространения отклоняющегося от общепринятых норм поведения в молодежной среде ввиду отсутствия должного родительского внимания или попадания ребенка под влияние криминогенных факторов.

Вместе с тем, если делинквентной направленности поведения несовершеннолетнего избежать не удалось или именно несовершеннолетний стал потерпевшим по уголовному делу, то необходимо защитить эту самую уязвимую, легко поддающуюся влиянию и психологическому давлению категорию участников уголовного судопроизводства. Безусловно, особенности процессуального статуса лиц, не достигших возраста 18-ти лет, подчиняются общим принципам, основам самого уголовного процесса, но в силу психосоматики несовершеннолетних, требуется более мягкое, даже чуткое отношение к ним, что должно находить отражение в действующем отраслевом законодательстве и не допустить деструктивного влияния на социализацию личности. Обратимся к детальному изучению данной проблемы.

Традиции классического европейского воспитания, характеризующиеся в первую очередь уважением к формирующейся личности ребенка, плавно перетекают и на особое отношение к нему в правовой сфере. Так, моделью ювенальной юстиции является создание специальных судов по делам несовершеннолетних во многих зарубежных странах: Германии, Франции, Швейцарии, США, Канаде и других. Например, в США ювенальная юстиция (кроме создания специальных судов, специализирующихся по преступлениям несовершеннолетних) имеет следующие особенности: отмена тюремного заключения для несовершеннолетних; детальное изучение личности несовершеннолетнего и обращение с ним, как с нуждающимся в защите; содержание несовершеннолетних в специальных исправительных школах [1, С. 69]. Французский Ордонанс № 45-174 от 2 февраля 1945 года о несовершеннолетних правонарушителях учредил презумпцию неответственности лиц, не достигших возраста 18 лет (лишь только в исключительных случаях здесь меры воспитательного характера заменяются общими видами наказания)¹.

В структуре же судебной системы Российской Федерации не предусмотрено специальных судов, которые бы рассматривали преступления, совершенные несовершеннолетними. Однако, «западный путь» защиты прав и свобод несовершеннолетних путем создания специальных судов, специализирующихся по делам несовершеннолетних, с учетом имеющихся разногласий в доктрине по данному вопросу нельзя признать единственно верным. Российское уголовное судопроизводство с учетом специфики нашей судебной системы не только не отстает от европейского и американского судопроизводства, но по некоторым аспектам и превосходит их. Так, в пункте 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» подчеркивается использование ювенальных технологий в рамках уголовно-процессуального законодательства². Более того, 1 декабря 2014 года Президиум Совета судей Российской Федерации принял Постановление³, в котором отразил поэтапные меры по формированию дружественного к ребенку правосудия: а) принятие мер по обеспечению доступа детей к международному правосудию для защиты их прав и интересов; про-

¹ Официальный сайт французской правовой информации : сайт. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006069158/> (дата обращения: 19.02.2022).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Президиума Совета Судей Российской Федерации от 1 декабря 2014 г. № 427 «О формировании дружественного к ребенку правосудия в системе правосудия Российской Федерации». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ведение исследований в целях выработки эффективной политики в отношении детей, совершивших правонарушения, планирования ее реализации и оценки достигнутых результатов; разработка методов воздействия в отношении несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом, не связанных с применением наказания; создание сети психолого-педагогических учреждений для работы с детьми, находящимися в конфликте с законом, и их социальным окружением; развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия; организация школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков.

Хотя и глава 50 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) отражает тонкости производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, но необходимо признать, что этого определенно не хватает для полноценности гарантий и защиты психического здоровья и прав таких лиц. Так, статьей 73 УПК РФ предусмотрен перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, но в силу специфики предмета доказывания конкретно по уголовным делам несовершеннолетних вместе с указанным перечнем должны устанавливаться и другие, значимые для разрешения дела судом и вынесения справедливого и обоснованного решения, моменты¹. К таким частью 1 статьи 421 УПК РФ отнесены возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения, условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности и влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

При этом никакой конкретики по поводу содержания дополнительных для установления обстоятельств УПК РФ не дает. Каждое преступление уникально по-своему, потому что жизненные ситуации несовершеннолетних не копируют друг друга, хоть и могут быть очень похожи. На практике это может порождать как неполноценное установление обстоятельств из статьи 421 УПК РФ, так и вообще их игнорирование. Пензенский областной суд 10.06.2015 года подготовил «Справку по результатам изучения практики рассмотрения судами в 2013-2014 гг. дел в отношении несовершеннолетних», в которой указал на следующий пример: городским судом Пензенской области было рассмотрено уголовное дело в отношении несовершеннолетнего У., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ². Суд указал, что следователь в нарушение требований ч. 3 ст. 425 УПК РФ провел допрос несовершеннолетнего подозреваемого У., не достигшего шестнадцати лет, в отсутствие педагога. При таких обстоятельствах, суд счел необходимым довести выявленные факты до сведения начальника СО при ОМВД России по ... району в целях принятия мер к недопущению отмеченных недостатков и нарушений закона. Поскольку суд обязан установить условия жизни и воспитания несовершеннолетнего (п. 2 ч. 1 ст. 421 УПК РФ), то представители учебно-воспитательных учреждений или общественных организаций по месту жительства, учебы или работы несовершеннолетнего, также подлежат извещению и вызову в судебное заседание.

В научной и учебной литературе высказывается мнение, что условия жизни несовершеннолетнего, условия воспитания требуют внимания в части состава семьи, отношений между родителями (родителем) и ребенком, соблюдения всех имущественных и личных неимущественных прав ребенка как условий его воспитания,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 30 декабря 2021 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Справка по результатам изучения практики рассмотрения судами в 2013-2014 гг. уголовных дел в отношении несовершеннолетних. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

контроля и учета в образовательном учреждении, отсутствия негативного девиантного воздействия, в том числе злоупотребление спиртным, наркотическими веществами и тому подобное. Особое внимание следует уделять также таким причинам отклоняющегося поведения, как импульсивность, несдержанность, ранимость, конформизм и другие [2, С. 217]. Кроме того, учеными-процессуалистами предлагается конкретизация характеристики иных особенностей личности, к которым необходимо отнести социально-психологические свойства личности, состоящие из потребностей, интересов, увлечений, способностей, особенностей темперамента и характера, мировоззрения, общественной позиции и взаимоотношений с кругом общения несовершеннолетнего [3, С. 96]. Полагаем, что необходимость внесения поправок в действующую статью 421 УПК РФ путем дополнения ее примечанием будет служить более качественному обеспечению интересов правосудия и защите несовершеннолетних. Содержание примечания видится нам в следующей редакции: «Под условиями жизни и воспитания несовершеннолетнего понимаются отношения между родителями (родителем) и ребенком; соблюдение всех имущественных и личных неимущественных прав ребенка как условий его воспитания; контроль и учет в образовательном учреждении; отсутствие негативного девиантного воздействия, в том числе злоупотребление спиртным, наркотическими веществами и иными психотропными; а также наличие импульсивности, несдержанности, ранимости и конформизма как черт характера.

Обратимся к еще одной проблеме, связанной с уголовно-процессуальными действиями в отношении несовершеннолетних. Согласно статье 191 УПК РФ при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно¹. Анализ уголовных дел, проведенный исследователями, показал, что участие педагога или психолога при проведении следственных действий имеет положительный эффект, поскольку не всегда родители могут поддержать ребенка в условиях психотравмирующей ситуации [4, С. 44]. Представляется, что именно психолог, обладающий специальными знаниями в сфере детской психологии, в состоянии наладить контакт ребенка со следователем, чтобы узнать правдивые показания. Участие же педагога, не обладающего специальными компетенциями, подобной цели может и не достичь. В связи с этим целесообразно на законодательном уровне рассмотреть обязательное участие в таких категориях дел именно психолога, а в исключительных случаях педагога, обладающего необходимыми компетенциями в сфере детской психологии.

Независимо от стороны, которую занимает несовершеннолетний, будь это уголовное дело, совершенное им, или в отношении него, обязательным является участие квалифицированного защитника и представителя. На защитника, как на процессуальную фигуру, возлагаются обязанности не только по защите законных прав и интересов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, но и по реализации воспитательного воздействия и нейтрализации всех возможных отрицательных психологических отклонений. В таком случае, защитник, желательно именно участие адвоката, должен специализироваться на таких категориях дел. Кроме того, серьезные требования предъявляются и к судьям, рассматривающим дело. Согласно ранее упомянутому пункту 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголов-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 30 декабря 2021 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ной ответственности и наказания несовершеннолетних», судьи должны быть профессионально компетентны не только в вопросах юриспруденции, но и в вопросах психологии, социологии, педагогики, криминологии и виктимологии¹.

По общему правилу, слушание уголовных дел проводится в открытом судебном заседании. Касательно несовершеннолетних, пункт 2 части 2 статьи 241 нормативно дает небольшое послабление: закрытое судебное заседание имеет место быть при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершенными лицами, не достигшими шестнадцатилетия. В таком случае, как поступать с лицами, достигшими возраста шестнадцати лет, но не переступившими порог совершеннолетия? В любом случае, несовершеннолетний вероятнее будет стесняться, испытывать неудобство, если в зале элементарно будут присутствовать слушатели, что может затормозить уголовное судопроизводство. Закрытое судебное разбирательство в случае рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних с позиции недопущения дальнейшей криминализации личности несовершеннолетнего видится довольно логичным.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать несколько выводов относительно корректировки действующего уголовно-процессуального статуса несовершеннолетнего. Во-первых, в статью 421 УПК РФ необходимо внести изменения путем дополнения ее примечанием в следующей редакции: «Под условиями жизни и воспитания несовершеннолетнего понимаются отношения между родителями (родителем) и ребенком; соблюдение всех имущественных и личных неимущественных прав ребенка как условий его воспитания; контроль и учет в образовательном учреждении; отсутствие негативного девиантного воздействия, в том числе злоупотребление спиртными, наркотическими веществами и иными психотропными; а также наличие импульсивности, несдержанности, ранимости и конформизма как черт характера. В часть 1 статьи 191 УПК РФ внести изменения, предусматривающие участие в следственных действиях именно психолога, а лишь в исключительных случаях педагога, обладающего необходимыми компетенциями в сфере детской психологии. В пункт 2 части 2 статьи 241 УПК РФ внести изменения, позволяющие проводить закрытые заседания, в которых рассматриваются уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста восемнадцати лет.

Список источников

1. Тармаева В. И. О первых ювенальных судах в США // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2017. — №4 (29). — С. 69-70.
2. Мальцева О. А. Психолого-педагогический аспект совершения преступлений несовершеннолетними // Инновационная экономика: перспективы совершенствования и развития. — №1 (43). — 2020. — С. 216-221.
3. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция : Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учебное пособие. — 2-е изд., испр., доп. — Москва : Дело. 2001. — 272 с.
4. Зорин А. И. Статус несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном процессе // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — 2018. — С. 42-47.

Информация об авторах

В.В. РОХИНА — студентка 3 курса;
А.Д. ЛУКИН — студент 3 курса.

Information about authors

V.V. ROKHINA — 3st year student;
A.D. LUKIN — 3st year student.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 343.123.1

НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Константин Дмитриевич ЛУСТАЧ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
lustach10@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Татьяна Геннадьевна НИКОЛАЕВА**, niko.t@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с правовым регулированием производства органами дознания неотложных следственных действий. Автор анализирует понятие и признаки неотложных следственных действий на основе позиций учёных и практики прокурорского надзора, обращает внимание на проблемы правового регулирования.

Ключевые слова: органы дознания, неотложные следственные действия

URGENT INVESTIGATION ACTIONS: CONCEPT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Konstantin D. LUSTACH

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
lustach10@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), **T. G. Nikolaeva**, niko.t@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the legal regulation of the production by the bodies of inquiry of urgent investigative actions. The author analyzes the concept and signs of urgent investigative actions based on the positions of scientists and the practice of prosecutorial supervision, draws attention to the problems of legal regulation.

Keywords: bodies of inquiry, urgent investigative actions

При обнаружении органом расследования преступления, уголовное дело о котором данному органу не подследственно, передача соответствующих материалов по подследственности в соответствии с требованиями п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ подчас требует определённых временных затрат и может повлечь негативные для органов расследования последствия в виде утраты следов преступления, что может существенно затруднить, а иногда и вовсе исключить дальнейшее раскрытие преступления.

Органы дознания, осуществляя на первоначальном этапе расследования уголовных дел оперативное сопровождение, имеют больше возможностей раскрыть преступление, установить место нахождения подозреваемых, задержать и пресечь таким образом их возможное противодействие органам предварительного расследования в дальнейшем [1, с. 98-99].

В этой связи ч. 1 ст. 157 УПК РФ предоставляет органу дознания при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, право возбудить уголовное дело и произвести неотложные следственные действия.

Согласно п. 19 ст. 5 УПК РФ неотложные следственные действия — это действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Ст. 157 УПК РФ именуется «Производство неотложных следственных действий», при этом не регламентирует порядок их производства и не содержит их перечня, в связи с чем понятие неотложных следственных действий давно является предметом научной дискуссии.

По мнению Вдовцева П.В., целью производства неотложных следственных действий выступает обеспечение дальнейшего качественного расследования по уголовному делу, подследственному другому органу расследования [2, с. 16].

Стельмах В.Ю. указывает, что неотложные следственные действия — это процессуальная деятельность органа дознания, заключающаяся в том, что при выявлении признаков преступления, по которому обязательно производство предварительного следствия, и при невозможности незамедлительного возбуждения дела тем следственным органом, который правомочен производить по нему расследование, орган дознания возбуждает уголовное дело, производит следственные действия, направленные на фиксацию следов преступления, после чего передает уголовное дело следователю [3, с. 15].

Николаева Т.Г. определяет неотложные следственные и иные процессуальные действия как действия дознавателя (следователя) по возбуждённому уголовному делу, ему не подследственному, проводимые с целью обнаружения и фиксации следов преступления, иных доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, а также для установления и задержания лица, подозреваемого в совершении преступления [4, с. 213].

В научной литературе имеется множество других формулировок неотложных следственных действий, при этом одни авторы предлагают определения с криминалистических, другие — с уголовно-процессуальных позиций.

По мнению Кузьменко Н.К., неотложные следственные действия характеризуются уголовно-процессуальными признаками первостепенности, самостоятельности, регулятивности, процессуальной ограниченности, процессуального исключения и целенаправленности [5, с. 6].

Ряд учёных выделяет криминалистические признаки неотложных следственных действий, такие, как безотлагательность (незамедлительность) производства, незаменимость, неповторимость (однократность), обязательность и особый круг субъектов производства [6, с. 16].

Полагаем, что нет нужды включать все предлагаемые доктриной признаки неотложных следственных действий в их легальное определение. К тому же, ряд перечисленных выше признаков, в частности, регулятивность, характеризуют неотложные действия как правовой институт, а не как саму процессуальную деятельность участников процесса, а закреплять признаки правового института в нормах этого самого института представляется абсурдным.

Как отмечал Васильев А.М., «в юриспруденции, как и в любой науке, задача дефиниции как логической операции над понятиями заключается в том, чтобы раскрыть содержание этих понятий путём указания на основные, существенные признаки изучаемого предмета» [7, с. 86].

Применительно к понятию неотложных следственных действий таким основным, существенным признаком является неотложность (незамедлительность, безотлагательность). Данный признак означает, что следственные действия направлены на экстренный, оперативный сбор информации, закрепление следов

преступления непосредственно после его совершения [8, с. 238] и потому должны проводиться немедленно, чтобы предотвратить исчезновение или уничтожение следов преступления [4, с. 199]. Признак неотложности подразумевает следующее. Во-первых, у лица, ведущего уголовный процесс, есть обязанность (а не право) производить неотложные следственные действия, которая продиктована характерным для досудебного производства принципом публичности уголовного процесса [9, с. 13]. Во-вторых, неотложные следственные действия должны быть произведены ранее всех остальных, не требующих оперативного реагирования. В этом отношении обязательность, самостоятельность, процессуальная ограниченность и первостепенность неотложных следственных действий, являются не самостоятельными их признаками, а следствиями главного признака – неотложности.

Этот признак нашёл своё закрепление в п. 19 ст. 5 УПК РФ, в котором есть указание на незамедлительное закрепление, изъятие и исследование доказательств как на цель неотложных следственных действий, посему данная легальная дефиниция представляется нам вполне корректной.

Также важно отметить, что неотложность следственных действий носит ситуативный характер. Иными словами, система следственных действий, которые в конкретной ситуации будут иметь характер неотложных, определяется с учётом состава преступления, обстановки, способа совершения преступления и других обстоятельств.

Прокурорская практика свидетельствует о том, что должностные лица органов дознания не всегда верно определяют, какие следственные действия в конкретном деле будут носить характер неотложных.

Например, начальником органа дознания Архангельской таможни по результатам проверки сообщения о преступлении принято решение о возбуждении уголовного дела № 203160018 в отношении Фирсовой Г.А. в связи с наличием в её действиях состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 173.2 УК РФ.

Изучение прокурором постановления о возбуждении уголовного дела, представленных материалов проверки указало на то, что постановление вынесено с нарушением требований ч. 1 ст. 140, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 157 УПК РФ.

Принятие указанного процессуального решения должно быть объективно обусловлено необходимостью безотлагательно, как указано в п. 19 ст. 5 УПК РФ, обнаружить и зафиксировать следы преступления, незамедлительно закрепить, изъять и исследовать доказательства.

В приведённом постановлении необходимость возбуждения уголовного дела обосновывалась тем, что неотложными следственными действиями, направленными на закрепление следов преступления, якобы являются: допрос подозреваемой, производство обыска по месту регистрации ООО «Ресурсы Норда», производство выемок в налоговых органах, получение выписки по банковскому счёту ООО «Ресурсы Норда», допросы в качестве свидетелей ряда лиц, в том числе должностных лиц налоговых органов и кредитной организации, установление иных лиц, причастных к совершению преступления.

Из материалов проверки сообщения о преступлении следовало, что подозреваемая и свидетель проживают в городе, на который не распространяется компетенция органа дознания, ООО «Ресурсы Норда», в котором необходимо производить обыск, и налоговые органы, в которых необходимо проводить выемки, расположены в г. Москва. Ряд свидетелей проживают за пределами Архангельского транспортного региона.

Таким образом, допросы подозреваемой, свидетелей, проведение выемки, производство обыска, получение выписки по банковскому счёту, не потеряют своего значения и по прошествии определенного времени, что в свою очередь значит, что данные действия не могут быть признаны неотложными, вследствие чего орган дознания Архангельской таможни не вправе их производить по делам, по которым обязательно предварительное следствие.

Постановление о возбуждении уголовного дела транспортным прокурором отменено, материал доследственной проверки направлен по подследственности органом дознания в следственный орган по месту совершения преступления для проведения проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ.

В приведённом примере надзирающий прокурор установил, что следственные действия, произведённые органом дознания, не отвечают признаку безотлагательности, и указал данное обстоятельство в акте прокурорского реагирования, не ограничившись формальной ссылкой на нарушенные нормы уголовно-процессуального права. Представляется, что такая практика является правильной.

Перейдём к вопросу о компетенции органов дознания по производству неотложных следственных действий.

Частью 2 ст. 157 УПК РФ установлен перечень органов дознания, наделённых полномочиями по производству неотложных следственных действий, и их компетенция. Уголовно-процессуальный закон закрепляет различия в компетенции органов дознания по производству неотложных следственных действий, которая определяется по предметному (квалификация преступления), территориальному (учреждение уголовно-исполнительной системы), субъектному (преступления, совершённые военнослужащими) и альтернативному («кто выявил, тот и расследует») признакам.

Складывается впечатление, что органы дознания, указанные в ст. 40 УПК РФ, но не указанные в ст. 157 УПК РФ, не могут производить неотложные следственные действия. Анализируя редакцию указанной нормы применительно к компетенции органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, Коваленко А.С. отмечает: «органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы, как органы дознания, полномочные производить неотложные следственные действия по уголовным делам, подследственным следователям, в приводимом ею перечне не указываются, что следует считать пусть и не существенным, но все-таки упущением законодателя, который в рассматриваемом смысле ограничился указанием лишь на то, что их (неотложные следственные действия) вправе осуществлять иные должностные лица, которым предоставлены полномочия органов дознания в соответствии со статьей 40 настоящего Кодекса (п. 6 ч. 2)» [10, с. 195]. Вместе с тем, п. 6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ под иными должностными лицами следует понимать лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ: капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководителей геолого-разведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации. Однако практика, чтобы найти выход из положения, стала расширительно толковать п. 6 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, понимая под иными лицами все иные, не указанные выше органы дознания, что свидетельствует о несовершенстве уголовно-процессуального закона.

Таким образом, можно сделать вывод, что закреплённое в УПК РФ определение неотложных следственных действий содержит основные признаки определяемого понятия и является корректным. Вместе с тем, формулировки ряда норм, составляющих институт неотложных следственных действий, представляются не вполне удачными и потому нуждаются в совершенствовании.

Список источников

1. Балакшин В.С., Григорьев А.И. Неотложные следственные действия: понятие и перспективы правового регулирования // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. С. 98-104.
2. Вдовцев В.П. Неотложные следственные действия в российском уголовном процессе: вопросы теории, практики и законодательного регулирования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Павел Викторович Вдовцев; Уральская государственная юридическая академия. Екатеринбург, 2011. 28 с.
3. Стельмах В.Ю. Неотложные следственные действия: процессуальные проблемы назначения и производства // Академический юридический журнал. 2012. № 1. С. 14-23.
4. Николаева Т.Г. Правовое регулирование деятельности органов дознания (теоретические основы и правоприменительная практика): монография / под общ. ред. Сальникова В.П. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. 256 с.
5. Кузьменко Н.К. Систематизация неотложных следственных действий при раскрытии и расследовании преступлении: учебное пособие. Киев: НИ и РНО Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского, 1981. 96 с.
6. Куклин В.И. Неотложные следственные действия. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1967. 141 с.
7. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. Москва: Юридическая литература, 1976. С. 264 с.
8. Федюкина А.Ю. О понятии и системе неотложных следственных действий в современном уголовном процессе // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 236-239.
9. Козлова А.Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Анастасия Николаевна Козлова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2007. 33 с.
10. Коваленко А.С. Особенности производства органами государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы (как органами дознания) неотложных следственных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 194-197.

Информация об авторах

К.Д. ЛУСТАЧ — магистрант 2 курса.

Information about authors

K.D. LUSTACH — 2st year master student.

Научная статья
УДК 343.98

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ И ОЦЕНКИ ПРОКУРОРОМ ПРОТОКОЛОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Анастасия Максимовна МАТВЕЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
nanyata@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Наталья Алексеевна ДАНИЛОВА**, bobtey1@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыто содержание изучения и оценки прокурором протоколов следственных действий как неотъемлемой составляющей исследовательской деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса. Автором сформулированы основные направления изучения прокурором протоколов следственных действий, а также основополагающие критерии их оценки. На примере протокола осмотра места происшествия указаны типичные ошибки следователей, допускаемые при составлении протоколов следственных действий. Сформулирован вывод о необходимости применения в работе прокурора с протоколами следственных действий комплексного подхода, включающего в себя нормативный и содержательный аспекты.

Ключевые слова: прокурор, исследовательская деятельность, протокол следственного действия, осмотр места происшествия, досудебное производство

**SOME FEATURES OF THE PROSECUTOR'S RESEARCH
AND ASSESSMENT OF THE INVESTIGATIVE REPORTS**

Anastasia M. MATVEEVA

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

nanyata@mail.ru

Scientific adviser – Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor, **N. A. Danilova**, bobteyl@mail.ru

Abstract. The article discloses the content of the prosecutor's research and assessment of the investigative reports as an integral part of the prosecutor's research activities at the stages of pre-trial proceedings in a criminal case. The author formulates the main directions of the prosecutor's research of the investigative reports, as well as the fundamental criteria for their assessment. On the example of the scene inspection report, the author describes typical investigators' mistakes, which are made when drawing up the investigative reports. A conclusion is made about the need to apply an integrated approach in the prosecutor's work with the investigative reports, including the normative and substantive aspects.

Keywords: prosecutor; research activities; investigative report; inspection of the scene; pre-trial proceedings

Важнейшими направлениями деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства являются изучение и оценка как материалов проверки сообщения о преступлении, так и материалов уголовного дела. Ученые сходятся во мнении, что указанная деятельность обладает комплексным характером и включает в себя нормативный и содержательный аспекты [1, с. 28; 2, с. 17]. При этом, по мнению Н.А. Даниловой, О.Н. Коршуновой и Т.Г. Николаевой, «тот факт, что деятельность следователя и дознавателя носит преимущественно поисково-познавательный характер, а деятельность прокурора – преимущественно оценочный, не означает, что в деятельности следователя (дознателя) отсутствует оценочная, а в деятельности прокурора – поисково-познавательная составляющая» [3, с. 86].

Таким образом, сущность изучения материалов проверки сообщения о преступлении и материалов уголовного дела заключается в уяснении содержания деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию конкретного преступления, осуществляемой на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования; в последующей оценке этой деятельности, её промежуточных и конечных результатов с позиций соблюдения требований уголовно-процессуального закона, Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; в установлении надлежащей квалификации инкриминируемого деяния, а также всех юридически значимых для уголовного дела обстоятельств [4, с. 45].

Одним из этапов работы прокурора с указанными материалами является изучение и оценка протоколов следственных действий, производство которых осуществлялось в ходе проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования. Отметим, что именно сведения, нашедшие отражение в протоколах следственных действий, составляют основу, своего рода каркас доказательственной базы по уголовному делу, отражают промежуточные результаты предварительного расследования. При этом целесообразность производства тех или иных следственных действий и их последовательность зависит в том числе от вида (разновидности) расследуемого преступления. Так, например, трудно представить себе расследование мошенничества в сфере кредитования, в ходе которого не были бы изъяты различные документы (связанные с предварительной проверкой заемщика банком, решением вопроса о возможности его кредитования, отражающие факт предоставления кредита и его погашения, а также бухгалтерской и иной документации заемщика). Учитывая доказательственное значение указанных документов, безотлага-

тельность следственных действий (осмотра места происшествия, обыска, выемки), в ходе производства которых эти документы должны быть изъяты, неоспорима.

Изучение протоколов следственных действий осуществляется по двум основным направлениям: с точки зрения соблюдения норм уголовно-процессуального закона как при составлении конкретного протокола, так и при производстве отраженного в протоколе следственного действия, а также с позиций полноты производства этого следственного действия.

Исходя из этого, оценивая протокол следственного действия, прокурору надлежит руководствоваться общими критериями. Таковыми выступают, во-первых, соблюдение установленных уголовно-процессуальным законом требований при составлении протокола, которые сформулированы в ст. 166 УПК РФ и конкретизированы в иных статьях данного кодекса. Оценивать соблюдение норм уголовно-процессуального закона при составлении протокола следственного действия прокурору надлежит начиная с проверки заполнения реквизитов этого процессуального документа: места и даты производства следственного действия, времени его начала и окончания с точности до минуты; указания должности, фамилии и инициалов лица, составившего протокол; указания фамилии, имени, отчества каждого из лиц, участвовавших в следственном действии; наличие подписей всех участников и др.

Следующим критерием оценки прокурором протокола следственного действия является соответствие наименования следственного действия фактически произведенным действиям. Так, прокурор должен незамедлительно реагировать, если в ходе расследования кредитного мошенничества производился обыск в помещении физического лица или организации-заемщика на предмет нахождения финансово-хозяйственной документации, а согласно протоколу следственного действия проводилась выемка.

Если для проведения следственного действия необходимо получение разрешения суда, прокурору надлежит проверить наличие такого разрешения.

Еще одним критерием оценки прокурором протокола следственного действия является соблюдение норм уголовно-процессуального закона при производстве следственного действия. Например, проверяя процедуру проведения обыска необходимо установить следующие обстоятельства:

предъявлялась ли следователем постановление о производстве обыска или судебное решение, разрешающее его производство, до начала следственного действия;

предлагалось ли следователем до начала обыска добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела;

предъявлялись ли понятым и другим лицам, присутствующим при обыске, изъятые предметы, документы и ценности, были ли они упакованы и опечатаны на месте обыска;

все ли изъятые в ходе обыска предметы, документы и ценности перечислены в протоколе с точным указанием их количества, меры, веса, индивидуальных признаков и по возможности стоимости;

иные необходимые обстоятельства в соответствии со ст. 182 УПК РФ.

Помимо этого, при изучении протокола следственного действия прокурором проверяется соблюдение прав и свобод его участников (понятого потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, законных представителей несовершеннолетних участников, защитника, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика) [5, с. 321]. Права данных лиц закреплены в различных статьях УПК РФ: ст. 42, 45, 46, 47, 49, 57-60 и др.

Наконец, критерием оценки прокурором протоколов следственных действий является допустимость применения технических средств, а также всесторонность и полнота отраженных в протоколе результатов следственного действия.

Безусловно, одних лишь общих критериев при оценке протоколов следственных действий недостаточно, поскольку каждое из следственных действий обладает спецификой. В качестве примера рассмотрим протокол осмотра места происшествия, являющийся важнейшим доказательством, так как признание его недопустимым с высокой степенью вероятности может повлечь признание недопустимыми иных взаимосвязанных с ним доказательств (например, заключения эксперта, отражающего результаты исследования объектов, изъятых на месте происшествия).

Протокол осмотра места происшествия должен соответствовать ст. 165, 166, 177, 180 УПК РФ, а также отвечать требованиям полноты и непротиворечивости. Осуществляя изучение и оценку этого процессуального документа, прокурор должен обратить внимание на следующие обстоятельства:

соответствие описания в протоколе обстановки места происшествия, обнаруженных предметов, документов, следов и мест их обнаружения приложениям к протоколу (фототаблицам, планам, схемам, материалам видеозаписи);

указание в протоколе количества, вида, индивидуальных признаков и особенностей изымаемых предметов и документов;

указание на факт привлечения специалиста при необходимости (например, в случае изъятия носителей компьютерной информации) [4, с. 36].

Типичные ошибки, допускаемые следователями (дознателями) при составлении протокола осмотра места происшествия, могут быть техническими, уголовно-процессуальными и криминалистическими. Технической ошибкой является, например, неверное указание места производства осмотра, указание в протоколе осмотра места происшествия и в протоколе иного следственного действия одной и той же даты и времени производства, отсутствие подписей участников следственного действия. Уголовно-процессуальными ошибками являются отражение факта участия понятых при их фактическом отсутствии, производство осмотра обнаруженных предметов не на месте производства осмотра места происшествия (за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 177 УПК РФ), несоответствие содержания протокола места происшествия результатам использования средств дополнительной фиксации (фотоснимкам, планам, схемам, видеозаписи).

Прокурор не должен упускать и криминалистические ошибки, относящиеся не к законности, а к полноте и эффективности производства осмотра места происшествия. Такими ошибками могут быть: поверхностное проведение осмотра места происшествия, влекущее утерю потенциальных доказательств, производство осмотра без привлечения специалиста соответствующего профиля.

Кроме того, протокол осмотра места происшествия не должен включать в себя выводы, суждения и предположения следователя относительно времени, места, способа совершения преступления, действий участников преступлений и иных обстоятельств.

Таким образом, исследование и оценка протоколов следственных действий являются важными элементами исследовательской деятельности прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, предполагают проверку соответствующего протокола с точки зрения нормативного и содержательного аспектов с учетом особенностей вида произведенного следственного действия и вида (разновидности) расследуемого преступления.

Список источников

1. Данилова Н.А., Васильева А.С. К вопросу о необходимости комплексного подхода к изучению прокурором материалов проверки сообщения о преступлении // Криминалист. 2020. № 1(30). С. 28-32.

2. Исаенко В.Н. Криминалистические аспекты деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве // Криминалист. 2011. № 2 (9). С. 17-21.

3. Данилова, Н.А., Коршунова, О.Н., Николаева, Т.Г. Криминалистика и уголовный процесс в прокурорской деятельности: междисциплинарный подход к научным исследованиям // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 3 (47). С. 86-87.

4. Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве: учебное пособие / М.А. Григорьева, Н.А. Данилова, В.С. Шадрин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 108 с.

5. Старцев А.Е., Хижняк Д.С. Участники следственных действий // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 320-325.

Информация об авторах

А.М. МАТВЕЕВА — магистрант 2 курса.

Information about authors

A.M. MATVEEVA — 2st year master student.

Научная статья
УДК 343.1

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ЭЛЕКТРОННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО»
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Анастасия Юрьевна ОТЧЕНАШ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
nastya.otchenash@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Владимировна ЕЛАГИНА**, yelagina@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема отсутствия в уголовно-процессуальном законодательстве России понятия «электронное доказательство». Проводится анализ смежных понятий и их соотношение с «электронными доказательствами». Предлагается закрепление определений понятий «электронное доказательство», «электронные носители информации» и «цифровая информация».

Ключевые слова: электронное доказательство, электронный носитель информации, цифровая информация, цифровые технологии, доказывание

**ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF «ELECTRONIC EVIDENCE»
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Anastasia Y. OTCHENASH

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
nastya.otchenash@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor, **E. V. Elagina**, yelagina@bk.ru

Abstract. The article deals with the problem of the absence of the concept of «electronic evidence» in the criminal procedure legislation of Russia. The analysis of related concepts and their correlation with «electronic evidence» is carried out. It is proposed to consolidate the definitions of the concepts of «electronic evidence», «electronic data carrier» and «digital information».

Keywords: electronic evidence, electronic data carrier, digital information, digital technologies, proof

21 век – век информационных технологий и инноваций. На наших глазах создается новая цифровая реальность. Киберпространство становится средой совершен-

ния преступлений. Важную роль в доказывании по уголовным делам о киберпреступлениях играют «электронные доказательства».

Понятие «электронное доказательство» – исключительно доктринальное. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) регламентирует особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. «Электронные доказательства» являются предметом исследования немалого количества ученых, однако на сегодняшний день остается неразрешенным вопрос: необходимо ли дополнить ст. 5 УПК РФ понятием «электронное доказательство» и что стоит под ним подразумевать? Стоит ли рассматривать «электронные доказательства» лишь через призму внешнего выражения информации в электронном виде и поставить знак «равно» между ними и электронными носителями информации?

Для определения понятия «электронные доказательства» необходимо обратиться к смежным институтам. В ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дается определение понятия «электронный документ»: «это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»².

В 2012 году в УПК РФ введено понятие «электронные носители информации» (ч. 4 ст. 81, ч. ч. 1 и 4 ст. 81.1, ст. 164.1 УПК РФ), содержание которого до настоящего времени так и остается открытым вопросом. Межгосударственный стандарт ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения», введенный в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22.11.2013 № 1628-ст, дает следующее определение электронному носителю: «это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники»³. На наш взгляд, данное определение носит технический характер, не отражает процессуальную значимость электронного носителя информации и нуждается в уточнении.

Ряд ученых-процессуалистов, принимая во внимание зарубежный опыт и заимствуя иностранное процессуальное понятие «digital evidence», предлагает введение в УПК РФ аналогичного понятия «цифровые доказательства». Возможно, более грамотным будет называть доказательства не электронными, а цифровыми?

А. Ю. Черданцев приравнивает цифровые доказательства к электронным [1, с. 59]. Н. В. Олиндер отстаивает позицию о том, что понятие «электронные доказательства» является некорректным, поскольку информация, содержащаяся в таких доказательствах представлена в цифровой форме, следовательно, речь идет о доказательствах, содержащих цифровую информацию [2, с. 107]. С. В. Калитин считает неверным смешение понятий «электронное» и «цифровое» применительно к доказательству. По его мнению, это две составляющие единого целого. Электронная часть доказательств связана только с электронными приборами или сокращённо электроникой

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 03.02.2022).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 03.02.2022).

³ Межгосударственный стандарт ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения», введенный в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22.11.2013 N 1628-ст. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 03.02.2022).

- техникой, использующей для работы электроны, а именно электричество. Цифровая составляющая - это информация, запрограммированная машинным кодом, построенным на двоичной или иной системе счисления [3, с. 3587-3588].

Мы не можем не согласиться с позицией С.В. Калитина о том, что информация, лежащая в основе «электронного доказательства», по природе своей является цифровой, а не электронной. Принимая во внимание то, что цифровая информация, имеющая доказательственное значение, содержится на электронных носителях, изъятие или копирование с которых осуществляется при проведении следственных действий, мы склонны именовать данный вид доказательств электронными.

Подводя итог, дополнение УПК РФ любым из вышеуказанных понятий будет недостаточным, потому как «электронное доказательство» не ограничивается электронным носителем, цифровой информацией или электронным документом. «Электронное доказательство» - это единое целое, состоящее из формы (электронный носитель) и содержания (цифровая информация).

Электронный носитель информации сам по себе не имеет доказательственного значения. На нем обязательно должна присутствовать цифровая информация. Соответственно, признание электронного носителя информации вещественным доказательством, по нашему мнению, не требуется, потому как отдельно от цифровой информации электронный носитель доказательством по уголовному делу не является. Кроме того, как мы знаем, возможно копирование цифровой информации с изымаемого электронного носителя на другие носители (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ), при этом при замене носителя цифровая информация, имеющая доказательственное значение, изменениям не подвергается, что подтверждает нашу позицию.

В то же время цифровая информация имеет доказательственное значение и при отсутствии носителя. Яркий пример тому – облачный сервис (iCloud, Google Drive, Яндекс.Диск и другие). Возможна ситуация, при которой пользователь компьютера, телефона или планшета загрузил в облачное хранилище информацию, имеющую доказательственное значение по уголовному делу, а затем удалил ее из оперативной памяти устройства. В таком случае изъятие девайса будет бессмысленным. Доступ к облачному хранилищу обеспечивается путем авторизации в iCloud, Google Account или Яндекс ID. Сделать это можно с любого устройства, гаджет владельца цифровой информации для этого не требуется, нужны лишь данные аккаунта (логин и пароль).

Таким образом, нам представляется целесообразным дополнение УПК РФ понятием «электронного доказательства» с изложением его в такой редакции, которая учитывает две составляющие рассматриваемого вида доказательств – электронный носитель цифровой информации и саму цифровую информацию, имеющую доказательственное значение.

Также мы предлагаем закрепить понятия электронного носителя информации и цифровой информации. Понятие компьютерной информации, изложенное в примечании 1 к ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, не является универсальным для материального и процессуального права. При толковании его как содержания «электронного доказательства» в уголовном судопроизводстве оно должно быть скорректировано с целью обеспечения единообразия при оценке на предмет достоверности и допустимости данного вида доказательств. Мы полагаем, что в УПК РФ должно быть закреплено понятие именно цифровой, а не компьютерной информации по той причине, что цифровая информация может храниться не только на компьютерах, но и на иных носителях (флеш-накопителях, оптических носителях и так далее).

Список источников

1. Черданцев А.Ю. Понятие цифровых доказательств, современное состояние и их роль в доказательственном процессе // Юридическая наука и практика. 2019. № 4. С. 55-60.
2. Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 3. С. 107-110.
3. Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. Т.20. С. 3587-3590.

Информация об авторах

А.Ю. ОТЧЕНАШ – магистрантка 1 курса.

Information about authors

A.Y. OTCHENASH – post-graduate student.

Научная статья
УДК 343.13

**К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБВИНИТЕЛЕМ
ПРЕПЯТСТВИЙ ДЛЯ ВЫНЕСЕНИЯ ОБОСНОВАННОГО ВЕРДИКТА
ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ**

Тимо Константинович СИЛЬВЕНОЙНЕН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
timo_s@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Борисовна СЕРОВА**, serowa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на объективность вердикта коллегии присяжных заседателей, анализируются приемы и способы, применяя которые государственный обвинитель может обеспечить объективность вердикта присяжных заседателей.

Ключевые слова: вердикт, государственный обвинитель, присяжные заседатели, уголовное судопроизводство

**TO THE QUESTION OF OVERCOMING THE OBSTACLES BY THE PROSECUTOR TO
RELEASE A REASONABLE VERDICT BY JURIES**

Timo K. SILVENOINEN

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
timo_s@mail.ru

Scientific adviser – Head of the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), **Docent E. B. Serova**, serowa@yandex.ru

Abstract. The article discusses the factors affecting the objectivity of the jury's verdict, analyzes the techniques and methods by which the prosecutor can ensure the objectivity of the verdict of the jurors.

Keywords: verdict, public prosecutor, jurors, criminal proceedings

При производстве по делу, рассматриваемому судом с участием присяжных заседателей, государственный обвинитель может столкнуться с обстоятельствами, препятствующими вынесению объективного вердикта коллегией присяжных заседателей.

Из содержания положений ч. 1 ст. 330 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» следует, что объективным может признаваться вердикт только той коллегии присяжных заседателей, которая была сформирована в соответствии со всеми требованиями закона; коллегии, каждый член которой исполнил свою обязанность честно, беспристрастно, оценив в совокупности все представленные по делу доказательства, а также ответив на поставленные перед коллегией вопросы, руководствуясь при этом своим внутренним убеждением и совестью [1, с. 34-39].

Достижение объективности вердикта коллегии присяжных заседателей зависит от множества факторов, к которым относятся деятельность председательствующего судьи, процесс восприятия и оценки исследуемых событий присяжными заседателями, а также деятельность сторон. К последней группе факторов относятся действия сторон на следующих этапах рассмотрения дела: 1) формирование коллегии присяжных заседателей; 2) непосредственное участие сторон в процессе рассмотрения дела; 3) постановке вопросов коллегии присяжных заседателей; а также 4) выступление в прениях перед удалением присяжных в совещательную комнату.

Вместе с этим закрепленный в законе порядок рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей, начиная от формирования списков кандидатов в присяжные заседатели органами власти субъекта Российской Федерации или органами местного самоуправления, заканчивая выступлениями сторон в прениях, допускает возможность влияния ряда обстоятельств на объективность вердикта коллегии присяжных заседателей, с которыми может столкнуться государственный обвинитель. Одним из подобных обстоятельств выступает намеренное сокрытие кандидатом в присяжные заседатели сведений, влияющих на беспристрастность вердикта.

Для начала следует определить, сокрытие каких именно сведений кандидатом в присяжные заседатели влечет за собой нарушение требований к вердикту коллегии присяжных заседателей. Доктрина отечественного уголовного процесса, а вместе с ней и правоприменительная практика придерживаются позиции, что содержание информации, утаенной кандидатом в присяжные заседатели, не имеет значения, так как скрывая какие-либо сведения, такое лицо лишает право лица на судебную защиту, препятствует достижению целей уголовного судопроизводства путем заявления отвода такому кандидату [2, с. 30-36].

Подобное нарушение требований уголовно-процессуального закона влечет за собой необратимые последствия, выражающиеся в удалении момента отправления правосудия по конкретному делу, которое может быть выражено как решением председательствующего о роспуске коллегии присяжных заседателей и началом рассмотрения дела со стадии предварительного слушания, так и более значительной по последствиям отменой вынесенного на основании необъективного вердикта коллегии присяжных заседателей судом апелляционной инстанции, направившим дело на новое рассмотрение. К примеру, государственный обвинитель обратился с апелляционным представлением на решение Верховного Суда Республики Карелия на основании того, что присяжный заседатель № 9 скрыл от участников судебного разбирательства факт привлечения его к уголовной ответственности по уголовному делу, которое расследовал тот же следователь, что и уголовное дело, при рассмотрении которого присяжный заседатель № 9 входил в коллегию

присяжных заседателей¹. На основании апелляционного представления и исследованных судом материалов дела было установлено, что указанные сведения стали известны участникам судебного разбирательства только после вынесения решения по данному делу. Аналогичная ситуация имело место при сокрытии присяжным заседателем факта наличия судимости у ее супруга, о чем стало известно после вынесения председательствующим судьей решения на основании вердикта коллегии присяжных заседателей².

Приведенные примеры свидетельствуют о несовершенстве системы формирования списков кандидатов в присяжные заседатели, не позволяющей сторонам и председательствующему получить столь значимые сведения еще на этапе формирования коллегии присяжных заседателей, а также порождают определенные сомнения в деятельности участников процесса по предупреждению подобных нарушений.

На обоснованность вердикта присяжных заседателей также влияет информация, имеющая отношение к рассматриваемому делу, которая способна сформировать у присяжных заседателей предубеждение в отношении какой-либо из сторон: публикации в СМИ, в том числе в сети «Интернет». Судебная практика свидетельствует о приверженности судов презумпции отсутствия влияния публикаций в СМИ на вердикт присяжных заседателей, а превентивные меры со стороны судьи сводятся к постановке вопросов перед коллегией присяжных заседателей относительно восприятия опубликованных в СМИ сведений и формировании на их основе своего мнения о виновности подсудимого³.

Информация, которая не должна быть оглашена в присутствии присяжных заседателей так же может быть доведена до сведения присяжных заседателей путем нарушения порядка судебного разбирательства стороной защиты. Так, адвокат М. неоднократно нарушил порядок судебного разбирательства посредством разглашения сведений, доведение которых до присяжных заседателей недопустимо, игнорировал замечания председательствующего, в результате чего последним в адвокатскую палату субъекта Российской Федерации было направлено частное постановление, доводящее до сведения президента палаты указанных сведений⁴.

В литературе отмечается сложность разрешения указанной проблемы ввиду отсутствия в законе надлежащих средств, препятствующих распространению сведений о рассматриваемом деле в СМИ, имеющих свое применения в практике зарубежных стран; критикуются положения российского уголовно-процессуального законодательства, которое в качестве нейтрализации воздействия СМИ на присяжных заседателей предлагает использовать только предостережения со стороны председательствующего, а в исключительных случаях – изоляция присяжных заседателей [3, с. 182-187].

Действительно, на сегодняшний день основные меры воздействия на присяжных заседателей, применяемые в целях противодействия вынесению необоснованного вердикта, выражаются в воззваниях к долгу, ответственности коллегии присяжных заседателей, моральной ответственности каждого из них при принятии решения, что выражается в приведении присяжных к присяге, просьбам поступать разумно и не принимать решение на основании доведенных до их сведе-

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 мая 2017 г. № 75-АПУ17-1СП // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 января 2019 г. № 13-АПУ18-4СП // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 6 июня 2013 г., дело № 74-АПУ13-10сп // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 21 ноября 2018 г. по делу № 10-19473/2018. URL: <https://www.mosgorsud.ru>.

⁴ Апелляционное определение ВС РФ от 26 декабря 2017 г. № 59-АПУ17-12СП // СПС «КонсультантПлюс».

ния фактах, не подлежащих оглашению в присутствии коллегии. Таким образом законодатель презюмирует «обнуление» факта доведения до сведения присяжных заседателей информации, способной вызывать у них предубеждение в отношении какой-либо стороны или председательствующего, фактически игнорирует его после применения указанных мер, так как доказать обратное после их (мер воздействия) реализации судом и, возможно, сторонами с точки зрения законодательства не представляется возможным. Подобное обстоятельство свидетельствует об оставлении законодателем без внимания особенностей психологии восприятия присяжными заседателями всей доведенной до их сведения информации в совокупности, невозможности в большинстве случаев отделить «то, что должно было быть услышано» от «того, что следует считать неслышанным после слов судьи» при вынесении решения.

Приведенные обстоятельства обуславливают необходимость применения государственным обвинителем мер по обеспечению объективности вердикта присяжных заседателей на всех этапах рассмотрения дела. Наиболее оптимальным способом достижения указанной цели является разработка и формирование тактики представления доказательств государственным обвинителем, основанной на виде совершенного преступления, личностных особенностях подсудимого, потерпевшего, а также с учетом характеристик присяжных заседателей: пола, возраста, уровня образования и т.д. Указанная тактика должна быть применена прокурором с учетом особенностей восприятия присяжными представляемых перед ними сведений, а также с учетом познавательной доступности уголовного судопроизводства, залогами которой выступают установленный УПК РФ порядок судебного разбирательства (структура процесса, его деление на смысловые части), возможностью государственного обвинителя обращать внимание присяжных заседателей и председательствующего на нарушение закона иными участниками процесса, а также возможностью присяжных заседателей фиксировать значимую для них информацию (делать записи) и задавать вопросы [4, с. 209-213].

При выстраивании тактики поддержания государственного обвинения в суде присяжных заседателей прокурору необходимо уделить представлению доказательств, так как именно эта часть судебного следствия оказывает наибольшее влияние на присяжных. Всестороннее исследование доказательств, создающее предпосылки для вынесения объективного вердикта, должно сопровождаться их непосредственным усилением их значимости, которое должно выражаться в следующем: 1) понятность для присяжных заседателей; 2) создание условий, при которых воспринимаемые доказательства не могут быть искажены присяжными и 3) закрепление их в памяти присяжных заседателей, что в итоге должно неминуемо привести к использованию полученных сведений при формировании мнения о виновности подсудимого [5, с. 87-93].

Выстраивание тактики поддержания государственного обвинения во многом зависит от правового регулирования, так как именно закон в широком смысле слова определяет возможности по применению разнообразных тактических приемов. Следует отметить, что действующая редакция УПК РФ ограничивает возможности государственного обвинителя в применении тактических приемов, направленных на достижение объективности вердикта коллегии присяжных заседателей.

Так, по мнению С.А. Насонова к способам устранения нежелательных субъективных качеств присяжных (личные взгляды, жизненный опыт и иные), которые могут оказать влияние на их беспристрастность, являются процедура отбора кандидатов в присяжные заседатели, приведение коллегии к присяге и дальнейшие обращения председательствующего судьи [6, с. 2841-2846]. В этой связи в литературе существует позиция, согласно которой необходимо изложить ч. 8 ст. 328

УПК РФ в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» [7, с. 162-164]. Указанная позиция мотивирована тем, что внесение изменений вызвало сокращение полномочий сторон по формулированию вопросов кандидатам в присяжные заседатели без учета законодателем значимости процедуры формирования коллегии присяжных заседателей, возможные отступления от принципа процессуальной экономии, имеющие негативное значение.

Кроме того, целесообразным видится совершенствование механизма формирования списков кандидатов в присяжные заседатели таким образом, чтобы в них указывались сведения о наличии судимости у лица, включенного в такой список.

Изложенное позволяет говорить о том, что с учетом действующего законодательства основным способом противодействия факторам, влияющим на объективность вердикта присяжных заседателей, со стороны государственного обвинителя выступает выстраивание индивидуальной тактики поддержания обвинения по конкретному делу, обязательным элементом которой должны выступать гарантии познавательной доступности представляемых доказательств для присяжных заседателей, в совокупности с использованием установленных средств обращения внимания участников процесса на допускаемые при рассмотрении дела нарушения закона.

Список источников

1. Курченко В.Н., Владыкина Т.А. Об обоснованности и целесообразности предъявления к вердикту присяжных заседателей требования мотивированности // Российский судья. 2018. № 6. С. 34 – 39.
2. Стрелкова Ю.В. Процессуальные нарушения в суде присяжных: российский и конвенционный подход // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 30 – 36.
3. Стрелкова Ю.В. Истинность вердикта присяжных заседателей: механизм объективизации // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 16 – 17 марта 2018 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб.: Петрополис, 2018. С. 182 – 187.
4. Насонов С.А. Права и обязанности присяжных заседателей в судебном разбирательстве по уголовному делу: история и современность // Юридическая наука и практика: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. Рязань, 2013. С. 209 – 213.
5. Моисеева Т. В. Всесторонность и полнота исследования обстоятельств уголовного дела как условия объективности присяжных заседателей // Журнал российского права. 2010. № 12 (168). С. 87 – 93.
6. Насонов, С.А. Формирование коллегии присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и Судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2841 – 2846.
7. Стрелкова Ю.В. Вердикт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и правоприменительная практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Стрелкова Юлия Владимировна. – Москва, 2018. – 229 с.

Информация об авторах

Т.К. СИЛЬВЕНОЙНЕН – студент 1 курса магистратуры.

Information about authors

T.K. SILVENOINEN – 1st year master student.

Научная статья
УДК 343.1

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО
НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Дарья Васильевна СКЛЯРЕНКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
Sklyarenko.dasha@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Владимировна ЕЛАГИНА**, yelagina@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в ходе участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования. Особое внимание уделено несовершенству существующего понятийного аппарата, высказывается обоснованное мнение о внесении изменений в УПК РФ.

Ключевые слова: несовершеннолетний; законный представитель; предварительное расследование; обвиняемый; подозреваемый

**CURRENT ISSUES OF THE PARTICIPATION OF THE LEGAL REPRESENTATIVE
OF A MINOR SUSPECT, ACCUSED AT THE PRE-TRIAL STAGES
OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

Darya V. SKLYARENKO

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Sklyarenko.dasha@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor, **E. V. Elagina**, yelagina@bk.ru

Abstract. The article discusses the problems that arise during the participation of the legal representative of a minor suspect, accused at the stage of preliminary investigation. Special attention is paid to the imperfection of the existing conceptual apparatus, a reasoned opinion is expressed on amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: minor, legal representative, preliminary investigation, accused, suspect

Негативные проявления девиантного поведения подростков требуют тщательной работы государственного аппарата, направленной на снижение и предупреждение преступности несовершеннолетних. Подчеркнем, что производство в отношении несовершеннолетних выделено в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) в отдельную главу: в силу наличия нравственно-психологических особенностей, обусловленных уровнем физического развития несовершеннолетних, возникает необходимость в обеспечении данной категории лиц дополнительными процессуальными гарантиями, одной из которых является обязательное участие в уголовном деле законного представителя несовершеннолетнего, совершившего преступление (ст. 48 УПК РФ). Тем не менее, несмотря на достаточно продолжительное существование рассматриваемого института, некоторые его положения провоцируют возникновение ряда процессуальных проблем и требуют дальнейшей доработки.

Представляется необходимым подвергнуть критике сформированный законодателем закрытый перечень лиц, имеющих возможность выступать в качестве за-

конного представителя несовершеннолетнего: в п. 12 ст. 5 УПК РФ законодатель фиксирует лишь родителей, усыновителей, опекунов или попечителей несовершеннолетнего. Подобная ограниченность в итоге приводит к упрощенному и во многом формальному подходу: на практике широко распространено привлечение в качестве законного представителя несовершеннолетнего органа опеки и попечительства в тех случаях, когда ребенок воспитывался другими близкими родственниками, или когда законный представитель по личным причинам уклоняется от защиты и представления интересов подозреваемого, обвиняемого¹ (п. 11 Постановления Пленума «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»). На наш взгляд, сложившийся подход не отвечает целям правосудия в отношении несовершеннолетних, обозначенных в разделе 5 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские Правила)², а именно – направленность на первоочередное обеспечение благополучия несовершеннолетних. Считаем, что неразумно отрицать назревшую необходимость изменения уголовно-процессуального закона, и позволим себе предложить следующую редакцию п. 12 ст. 5 УПК РФ: «законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства, а также иные лица, фактически осуществляющие воспитание несовершеннолетнего». Указанная корректировка предоставит следователю гораздо больше возможностей в отношении допуска законного представителя несовершеннолетнего с учетом специфики совершенного преступления, а также обеспечит реальное соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых.

Отметим, что результат анализа положений ч. 4 ст. 426 УПК РФ свидетельствует о неполноценности и фрагментарности уголовно-процессуального законодательства в части механизма отстранения законного представителя несовершеннолетнего и его последующей замены в случае, «..когда имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого». Законодатель не приводит даже примерный перечень подобных действий, не рассматривает бездействие законного представителя как основание для его отстранения, оставляя принятие такого решения полностью на усмотрение правоприменителя. Согласно ч. 4 ст. 426 УПК РФ, решение об отстранении законного представителя несовершеннолетнего принимает следователь (дознатель), а в случае отстранения на стадии судебного разбирательства – суд. В сложившейся ситуации интересной представляется позиция О.Л. Кузьминой, которая заключается в решении данной проблемы путем законодательного закрепления всех возможных обстоятельств, свидетельствующих о причинении ущерба интересам несовершеннолетнего, среди которых она выделяет: «недееспособность законного представителя; совершение им действий, могущих повлечь неблагоприятные последствия для ребенка (например, злоупотребление своими правами, невыполнение своих обязанностей, разглашение данных следствия, оказание психологического давления на ребенка с целью изменения своих показаний и т.п.); совершение законным представителем преступления в отношении представляемого либо им

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 года №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС КонсультантПлюс Дата обращения: 24.02.2022.

² Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), принятые резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985. [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739166> Дата обращения: 24.04.2022.

же в отношении законного представителя» [1, 116] На сегодняшний день результатом подобной правовой неопределенности является различное толкование таких обстоятельств в правоприменительной практике, что, в свою очередь, не создает условия для охраны прав и защиты законных интересов несовершеннолетнего.

Подводя итог вышесказанному, позволим себе мнение, что на сегодняшний день процессуальное положение законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого видится весьма схематичным и нуждается в последующем переосмыслении и уточнении. Затронув лишь некоторые из множества существующих в рассматриваемом правовом институте проблем, мы наблюдаем не только недостаточность существующего в уголовно-процессуальном законе понятийного аппарата, но и пробелы в механизме отстранения законного представителя несовершеннолетнего и его последующей замены, что обуславливает актуальность рассматриваемого вопроса и необходимость его дальнейшего теоретического осмысления.

Список источников

1. Кузьмина О.Л. Производство расследования по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Монография / О.Л. Кузьмина. Калининград: УОП Калининградского ЮИ МВД России, 2008.

Информация об авторах

Д.В. СКЛЯРЕНКО — студентка 2 курса магистратуры.

Information about authors

D.V. SKLYARENKO — 2st year master student.

Научная статья
УДК 347.98

К ВОПРОСУ О ПОДСУДНОСТИ ДЕЛ СУДУ ПРИСЯЖНЫХ

Дмитрий Федорович ТИМОФЕЕВ

Томский государственный университет, Томск, Россия

DT.TDF2001@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук **Вероника Владимировна ЯСЕЛЬСКАЯ**, yaselskaya@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме определения компетенции суда присяжных в России, которая связана с процессами функционирования суда в таком составе и переменами реальной действительности, требующие корректировки компетенции суда с участием присяжных заседателей. Анализируется уголовно-процессуальное законодательство РФ в части определения подсудности уголовных дел суду в составе судьи и коллегии присяжных заседателей. В результате такого анализа отмечается необходимость в ближайшие несколько лет наблюдать за результатами реформы суда присяжных 2016-2018 годов, и впоследствии принимать решение о расширении или сокращении компетенции суда в таком составе.

Ключевые слова: суд присяжных, подсудность, реформа суда присяжных

ON THE JURY'S JURISDICTION

Dmitrii F. TIMOFEEV

Tomsk State University

DT.TDF2001@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of criminal procedure, prosecutor's supervision and law enforcement of Law Institute of Tomsk State University, Candidate of Science (Law), V. V. Yaselskaya, yaselskaya@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the problem of determining the jurisdiction of jury trial in Russia, which is associated with the processes of functioning of trial by jury and changes in reality that require the adjustment of the jurisdiction of trial by jury. The author analyses the criminal procedural legislation of the Russian Federation regarding determination of jurisdiction of criminal cases to the court composed of the judge and jury. As a result of this analysis it is necessary to observe the results of the jury trial reform of 2016-2018 in the next few years and subsequently decide whether to expand or reduce the jurisdiction of the court with such composition.

Keywords: jury trial, jurisdiction, reform of trial by jury

С момента возрождения суда присяжных в современной России уже на протяжении последних 3-х десятилетий идет процесс реформирования данного института. Компетенция суда присяжных постоянно меняется, то в сторону расширения, то сужения. Так, в период с 1993 по 2004 годы суд присяжных мог рассматривать дела о преступлениях, закрепленных в 45 статьях УК РФ, что на тот момент времени составляло 17 % от общего числа статей Особенной части УК РФ. В течение следующих нескольких лет законодатель встал на путь сужения круга дел, подсудных суду присяжных, что в первую очередь было основано на результатах судебной практики.

Так, серьезное сужение компетенции суда присяжных произошло в 2008 году. Результатом данного сужения стало исключение законодателем из подсудности суда присяжных дел о преступлениях террористической направленности, преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства¹. Причины принятия такого решения были раскрыты в позиции Конституционного Суда РФ, пришедшего к выводу о том, что внесенные поправки в УПК РФ, изъявшие из подсудности суда присяжных дела о преступлениях террористической деятельности, были основаны на том, что данная деятельность «направлена на создание реальной угрозы для жизни и здоровья как населения, так и участников уголовного судопроизводства и может оказывать серьезное негативное психологическое воздействие и отрицательно влиять в том числе на способность входящих в состав суда лиц к принятию адекватных решений»². Иными словами, Конституционный Суд РФ обосновал данные изменения необходимостью сохранения объективности и эмоциональной независимости присяжных заседателей при вынесении вердикта. Схожее решение в отношении эмоционального состояния присяжных принял и Верховный Суд РФ, который посчитал необходимым ограничить присяжных заседателей от просмотра фото- и видеофрагментов, демонстрирующих труп человека без наличия в них доказательственной информации [1].

В период с 2009 по 2012 год происходило постепенное расширение компетенции суда с участием присяжных заседателей за счет внесения дополнений в часть 1 статьи 31 УПК РФ, а именно закрепление 9 статей УК РФ к подсудности судов областного уровня.

В 2013 году законодатель вновь приступил к сужению подсудности дел суда с участием присяжных заседателей. Во-первых, законодатель изъял 20 составов преступлений из подсудности судов областного уровня и одновременно передал их на рассмотрение районным (городским) судам [2]. Во-вторых, компетенция суда присяжных ограничилась только делами, указанными в пункте 1 части 3 статьи 31 УПК РФ, тем самым к подсудности суда присяжных заседателей не были отнесены уголовные дела в отношении специальных лиц, а также были исключены дела, содержащие сведения, составляющие государственную тайну³. Представляется,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.01.2009) [Электронный ресурс]: Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/5430512/paragraph/7425196:14> (дата обращения: 12.01.2022).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 № 8-П [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99733/ (дата обращения 18.01.2022).

³ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.01.2013) [Электронный ресурс]:

что расширение круга лиц, знающих информацию, носящую характер государственной тайны, как минимум на 12 человек не является обдуманной мерой защиты таких сведений. Кроме того, в судебной практике нельзя исключать ситуации, которые потребуют пересмотра дела новым составом суда с участием присяжных заседателей. Именно поэтому, исключение из подсудности суда присяжных таких уголовных дел является обоснованным и необходимым.

Еще одним изменением в подсудности судов присяжных в 2013 году стало изъятие из компетенции суда присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Такое решение основывалось на том, что рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних потерпевших должно проводиться с наличием у присяжных заседателей специальных знаний о психологических особенностях таких лиц, что в действительности очень сложно обеспечить. Кроме того, это ограничило несовершеннолетних потерпевших от публичного рассмотрения дел об их половой неприкосновенности, от дополнительных психологических страданий и неоднократного повторения информации о насильственных действиях в отношении несовершеннолетнего [3].

Таким образом, за период с 2008 года по 2013 год компетенция суда присяжных была сужена в два раза - до 22 статей УК РФ, что составляло в 2013 году только 7,6% от общего числа статей Особенной части УК РФ. Такая ситуация не могла не отразиться на судебной статистике: если в 2006 году судом присяжных было рассмотрено 707 уголовных дел, то ввиду сужения компетенции суда присяжных после 2008 года количество дел в год стало варьироваться от 530 до 610. А сужение компетенции в 2013 году привело к рассмотрению в последующие 4 года по 250-330 уголовных дел¹.

Низкий процент работы судов в составе профессионального судьи и коллегии присяжных заседателей, постоянное сокращение компетенции таких судов, вызывали многие вопросы о целесообразности продолжения функционирования суда присяжных в таком виде. Именно поэтому в 2014-2016-е годы органы государственной власти задумались о реформировании суда присяжных. Данный процесс начался со слов Президента РФ о необходимости повышения независимости и объективности судебного процесса, в том числе за счет «укрепления роли института присяжных заседателей, расширения числа составов преступлений, которые они могут рассматривать»². Данное предложение уже в июне 2016 года было реализовано в виде принятия федерального закона, который предусматривал участие присяжных заседателей не только на уровне областных судов, но и на уровне районных (городских) судов.

Необходимо отметить, что проведенная реформа по расширению функционирования суда присяжных 2016-2018 годов показала следующие результаты. За 2019 год районными (городскими) судами с участием присяжных заседателей в Кемеровской и Томской областях было рассмотрено по 4 уголовных дела, в Новосибирской – 9. Всего же за этот год судами общей юрисдикции по первой инстанции с участием присяжных заседателей было рассмотрено 773 уголовных дела³.

Однако вопрос о расширении сферы применения суда присяжных в России не закончился на реформаторской деятельности 2016-2018 годов. Так, в 2020 году Председатель Верховного Суда РФ предложил увеличить количество составов пре-

Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/58049331/paragraph/424457477:4> (дата обращения: 20.01.2022).

¹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]: Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 25.01.2022).

² Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]: Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения 25.01.2022).

³ Данные судебной статистики Управления судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]: Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.01.2022).

ступлений, подсудных суду с участием присяжных заседателей за счет распространения этого производства на все особо тяжкие преступления и преступления в сфере предпринимательской деятельности, в материалах дела которых отсутствуют сведения, составляющие государственную тайну¹. Анализируя предложение Председателя Верховного Суда РФ, можно говорить о том, что к подсудности судов с участием присяжных заседателей будет отнесено около 70 составов преступлений.

Данная инициатива привела к формированию двух точек зрения в юридическом сообществе. Члены адвокатских образований сочли данное предложение своевременным и необходимым и подчеркнули достаточность знаний присяжных заседателей для разрешения сложных многоэпизодных уголовных дел, в том числе в сфере предпринимательства². Дорошков В. В. считает, что предложение о расширении подсудности дел судам присяжных является поспешным [4].

Представляется, что вторая точка зрения объективна в силу того, что реализация данной инициативы приведет к увеличению сроков рассмотрения уголовных дел за счет проведения процедуры формирования коллегии присяжных заседателей, повышению нагрузки на судей и возрастанию бюджетных затрат.

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о том, что на сегодняшний день предложение о дополнительном расширении компетенции суда присяжных представляется преждевременным, поскольку применение института суда присяжных на практике имеет очень низкий уровень реализации. Для начала необходимо проанализировать результаты работы судов присяжных после реформы 2016–2018 годов за полноценные 3 года их функционирования, то есть исключить 2020 год, в период которого коронавирусные ограничения препятствовали увеличению количества дел, рассматриваемых судом присяжных. В случае повышения количества рассматриваемых дел в составе профессионального судьи и коллегии присяжных заседателей следует переходить к реализации нового предложения о расширении компетенции. Если же результаты будут оставаться примерно на том же уровне, то «остро» встанет вопрос о целесообразности существования данного института, который имеет проблемные вопросы в процедуре формирования коллегии присяжных заседателей, эмоциональной составляющей присяжных и требует больших финансовых затрат.

Список источников

1. Пичугин В.Г. Проблема психологического влияния на присяжных заседателей [Электронный ресурс]: CYBERLENINKA. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-psihologicheskogo-vliyaniya-na-prisyazhnyh-zasedateley> (дата обращения: 18.01.2022).
2. Ясельская В.В., Грищенко А.В. Реализация права граждан на участие в отправлении правосудия: возможные пути реформирования в уголовном процессе [Электронный ресурс]: Elibrary.ru. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46375099> (дата обращения: 18.01.2022).
3. Гурская С.Н. Подсудность уголовных дел суду с участием присяжных заседателей по УПК РФ: ретроспективный анализ [Электронный ресурс]: НЭБ Elibrary. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22786501>. (дата обращения: 22.01.2022).
4. Дорошков В.В. «Эпоха непрофессионалов» вместо «эры милосердия» [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс: справ. правовая система – Версия Проф. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки ТГУ. (дата обращения: 01.02.2022).

Информация об авторах

Д.Ф. ТИМОФЕЕВ — студент 3 курса.

Information about authors

D.F. TIMOFEEV — 3d year student.

¹ В России могут распространить суд присяжных на все категории особо тяжких дел [Электронный ресурс]: ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7732991> (дата обращения: 28.01.2022).

² Своевременно и необходимо [Электронный ресурс]: ФПА РФ. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/svoevremenno-i-neobkhodimo/> (дата обращения: 30.01.2022).

V. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Научная статья
УДК 347.963

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Никита Евгеньевич БОГДАНОВ¹, Сергей Витальевич ЛЕМЕХОВ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ nik.bogdanow@icloud.com

² lemekhov.serzh@gmail.com

Научный руководитель старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук **Михаил Николаевич КУСТОВ**, kystov@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы защиты прокурором трудовых прав граждан в сфере охраны труда. Авторы анализируют действующие положения законодательства, в том числе Трудового Кодекса РФ, а также материалы правоприменительной практики и доктринальные позиции исследователей. На основании изучения приведенных выше источников авторы выявляют проблемные моменты и возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: прокурорский надзор, защиты трудовых прав прокуроров, охрана труда

CERTAIN ISSUES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE ENFORCEMENT OF CITIZENS' LABOR RIGHTS

Nikita E. BOGDANOV¹, Sergey V. LEMEKHOV²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

¹ nik.bogdanow@icloud.com

² lemekhov.serzh@gmail.com

Scientific adviser — Senior lecturer at the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, **M.N. Kustov**, kystov@rambler.ru

Abstract. The article deals with topical issues of protection by the prosecutor of the labor rights of citizens in the field of labor protection. The author analyzes the current provisions of legislation, including the Labor Code of the Russian Federation, as well as materials of law enforcement practice and doctrinal positions of researchers. Based on the study of the above sources, the author identifies problematic issues and possible ways to resolve them.

Keywords: prosecutor's supervision, protection of labor rights of prosecutors, labor protection

В связи с положениями приказа Генерального прокурора РФ №196 от 15.03.2019, по фактам нарушений трудовых прав граждан, прокурорам необходимо безотлагательно применять необходимые для восстановления законности, прав граждан и привлечения виновных должностных лиц к установленной ответственности меры прокурорского реагирования¹.

¹ Приказ Генерального Прокурора РФ №196 от 15.03.2019 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» // Официальный портал Генеральной Прокуратуры Российской Федерации URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/normative-act?item=4766025> (дата обращения: 12.02.2022).

За 2020 год на территории РФ зафиксировано 32 194 страховых случаев, из них: несчастных случаев с легким исходом – 24 142; с тяжелым – 3 251; со смертельным – 1 277 случаев¹. Анализ приведенных статистических сведений позволяет сделать вывод, что абсолютное большинство несчастных случаев относится к категории «несчастный случай с легким исходом».

Согласно п. 7.2 приказа Генерального прокурора РФ №195 от 07.12.2007 при проверках исполнения работодателями трудового законодательства необходимо анализировать выполнение ими обязанностей по созданию работникам безопасных условий труда; принимать меры к повышению ответственности руководителей предприятий за несоблюдение трудовых прав граждан².

В 2020 г. прокурорами выявлено около 70000 нарушений законодательства об охране труда. По выявленным нарушениям принесено около 2700 протестов, направлено около 5500 исков, внесено 15000 представлений, по инициативе прокуроров к дисциплинарной и административной ответственности привлечено около 27000 должностных лиц, по материалам прокурорских проверок возбуждено более 100 уголовных дел³.

Как отмечает А.И. Мязенцева, проверки исполнения законов в сфере охраны труда органами прокуратуры должны занимать особую значимость, поскольку право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд, на свободный труд и отдых являются конституционными правами гражданина [1, с. 56].

По мнению И.Н. Куц, прокурорский надзор за исполнением трудового законодательства занимает важное место в деятельности современной российской прокуратуры. Одним из его направлений является надзор за исполнением законодательства об охране труда и производственном травматизме, в связи с тем, что ежегодно наблюдается довольно большое число несчастных случаев на рабочем месте [2, с. 302-303].

Исходя из приведенных положений отраслевых приказов Генерального прокурора РФ и доктринальных позиций исследователей указанного вопроса, допустимо сделать вывод о том, что деятельность в сфере охраны труда работников является одним из основных направлений прокурорского надзора за обеспечением трудовых прав граждан. Указанный тезис находит свое подтверждение в различных материалах правоприменительной практики.

Прокуратурой Орджоникидзевского района Республики Хакасия была проведена проверка соблюдения трудового законодательства. Установлено, что в Муниципальном бюджетном учреждении многим работникам не проведена специальная оценка условий труда на рабочих местах. Прокуратурой было внесено представление об устранении нарушений трудового законодательства, а также учреждение было привлечено к административной ответственности⁴.

Прокуратурой Селивановского района Владимирской области установлено, что в нарушение установленных требований работники, трудоустроенные с 2018 года, прошли первичный инструктаж по охране труда лишь в апреле 2021 года. Специаль-

¹ Фонд социального страхования (ФСС) опубликовал отчет о страховых случаях в 2020 году в России // Охрана труда и производственная безопасность! URL: <https://srg-eco.ru/news/uroven-travmatizma-v-gossii-prodolzhaet-snizhatsya/> (дата обращения: 05.10.2021).

² Приказ Генерального Прокурора РФ №195 от 07.12.2007 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Официальный портал Генеральной Прокуратуры Российской Федерации URL: <https://epp.genproc.gov.ru/documents/3624886/3666564/prikaz-n-195.doc/2b885621-7acd-ff42-37cd-b5780340f2fd?t=1588909562795&download=true> (дата обращения: 12.02.2022).

³ По поручению Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова организована проверка исполнения законодательства об охране труда. – Текст : электронный // Генеральная прокуратура РФ : [сайт]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=58394955> (дата обращения: 13.08.2021).

⁴ Прокуратурой Орджоникидзевского района выявлены нарушения трудового законодательства. – Текст : электронный // Генеральная прокуратура РФ : [сайт]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_sibfo/mass-media/news/news-regional?item=64401706 (дата обращения: 13.08.2021).

ная оценка условий труда проведена работодателем с нарушениями установленных сроков. В этой связи индивидуальному предпринимателю внесено представление, которое удовлетворено, приняты меры по недопущению подобных нарушений впредь¹.

На сегодняшний день, в соответствии со ст. 228.1 Трудового Кодекса РФ (далее ТК РФ), при групповом несчастном случае (два человека и более), тяжелом несчастном случае или несчастном случае со смертельным исходом работодатель (его представитель) в течение суток обязан направить извещение по установленной форме в прокуратуру по месту происшествия несчастного случая².

Так, в соответствии с ч.3 Схемы определения степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на производстве, установленной Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.02.2005 №160, к тяжелым несчастным случаям относятся: перелом черепа и лицевых костей; переломов, вывихи и переломы тел или двусторонние переломы дуг I и II шейных позвонков, в том числе и без нарушения функции спинного мозга; перелом или переломов одного или нескольких грудных или поясничных позвонков, в том числе и без нарушения функции спинного мозга; двусторонние переломы заднего полукольца таза с разрывом подвздошно-крестцового сочленения и нарушением непрерывности тазового кольца или двойные переломы тазового кольца в передней и задней части с нарушением его непрерывности; открытые переломы длинных трубчатых костей - плечевой, бедренной и большеберцовой, открытые повреждения тазобедренного и коленного суставов. К легким несчастным случаям на производстве относятся повреждения, не входящие в пункт 3 настоящей Схемы³.

Анализируя положения вышеприведенных прав норм, допустимо сделать вывод, что некоторые виды переломов не подпадают под категорию «тяжкий вред здоровью», однако последствия данных повреждений для здоровья могут быть достаточно серьезными. Указанный несчастный случай может являться основанием для проведения проверки и вынесения соответствующих актов реагирования. Законодатель ограничил информирование органов прокуратуры в указанной сфере, не учитывая особенности несчастных случаев на производстве, среди которых, как уже отмечалось выше, большинство характеризуется как легкие.

Материалы правоприменительной практики, описывающей деятельность органов прокуратуры по защите права на безопасные условия труда, достаточно разнообразны и многочисленны. Тем не менее, результативность прокурорского надзора в рассматриваемой сфере допустимо повысить путем определенной модернизации норм трудового законодательства, в частности ст. 228.1 ТК РФ.

В связи с приведенными доводами, с нашей точки зрения, необходимо внести изменения в ст. 228.1 ТК РФ, добавив в нее пункт следующего содержания: «Работодатель (его представитель) при любом несчастном случае, который расследуется и учитывается у данного работодателя в силу ст. 227 ТК РФ, обязан в течение суток уведомить о нем органы прокуратуры по месту происшествия несчастного случая».

Полагаем, что приведенные изменения трудового законодательства окажут позитивное воздействие на методику и тактику проведения прокурорских проверок по соблюдению трудовых прав граждан, будет способствовать всестороннему изучению надзирающим органом ситуации с соблюдением ТК РФ и иных актов, содержащих нормы трудового законодательства в проверяемой организации.

¹ Прокуратура Селивановского района выявила нарушения законодательства в сфере охраны труда. — Текст : электронный // Генеральная прокуратура РФ : [сайт]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_33/mass-media/news?item=64346381 (дата обращения: 15.08.2021).

² Трудовой кодекс Российской Федерации (часть первая): текст с изм. и доп. на 20 января 2022 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.02.2005 №160 «Об определении степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на производстве» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс» URL: <https://docs.cntd.ru/document/901927104> (дата обращения: 12.02.2022).

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на нынешний высокий уровень выявления нарушений в сфере охраны труда в результате проведения прокурорских проверок, надзор в указанной сфере допустимо скорректировать. Легкий несчастный случай на производстве может свидетельствовать о многих нарушениях требований по охране труда как, например, отсутствие фактического проведения инструктажа работников о техники безопасности. К тому же, легкий несчастный случай может характеризоваться достаточно серьезными последствиями для здоровья работника или же в дальнейшем стать предвестником более серьезных чрезвычайных ситуаций на производстве, которые могут вызвать тяжелые или групповые несчастные случаи или несчастные случаи со смертельным исходом. Обладание сведениями (тем более информацией, которая может быть основанием для применения превентивных мер со стороны органов прокуратуры) неминуемо будут способствовать повышению уровня законности в анализируемой сфере, а также реализации конституционного права на безопасные условия труда.

Список источников

1. Мезенцева А. И. Порядок осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере охраны труда //Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 49-57.
2. Куц И. Н. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране труда //Российское правоведение: трибуна молодого ученого. Вып. 19. Томск, 2019. Вып. 19. С. 302-303.

Информация об авторах

Н.Е. БОГДАНОВ — студент 4 курса;
С.В. ЛЕМЕХОВ — студент 4 курса.

Information about authors

N.E. BOGDANOV — 4th year student;
S.V. LEMEKHOV — 4th year student.

Научная статья
УДК 347.963

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ

Кира Владимировна ВОРЫШЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
kirochkaoroyshewa000@gmail.com

Научный руководитель профессор кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Евгений Львович НИКИТИН**, nikitin.el@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены источники правового регулирования прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних, отбывающих наказание. Проанализированы организационно-распорядительные документы Генерального прокурора РФ в рассматриваемой сфере. Сделаны предложения для дальнейшего совершенствования деятельности органов прокуратуры.

Ключевые слова: прокурорский надзор, ювенальный надзор, пенитенциарный надзор, защита прав несовершеннолетних, правовое регулирование

LEGAL REGULATION OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION
OVER THE OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF MINORS SERVING SENTENCES

Kira V. VORYSHEVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
kirochkavorysheva000@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the consideration of criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor, E.L. Nikitin, nikitin.el@inbox.ru

Abstract. The article examines the sources of legal regulation of prosecutorial supervision over the observance of the rights of minors serving sentences. The organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation in this area are analyzed. Proposals have been made for further improvement of the activities of the prosecutor's office.

Keywords: prosecutor's supervision, juvenile supervision, penitentiary supervision, protection of the rights of minors, legal regulation

Прокурорский надзор за соблюдением прав несовершеннолетних при исполнении уголовных наказаний – важное направление прокурорской деятельности. Это связано, прежде всего, с тем, лица, отбывающие наказание, ограничены в своих конституционных правах, и имеют меньше возможностей по защите своих прав и интересов, в связи с чем деятельность прокурора выступает в качестве одной из основных гарантий обеспечения прав и свобод таких лиц. При этом необходимо учитывать, что несовершеннолетний в силу возраста и так ограничен в некоторых правах.

Согласно статистическому сборнику «Состояние преступности в России за январь - декабрь 2020 года», подготовленному Генеральной прокуратурой РФ, за вышеуказанный период несовершеннолетними было совершено 33 575 преступлений¹.

Согласно статистическим данным судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2020 год осуждено 14 703 лиц. При этом 10 328 человек не достигли совершеннолетия на момент вынесения приговора. Вместе с тем, 2237 человек назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок, 212 – исправительные работы, 2919 – обязательные работы, штраф (как основной вид наказания) – 1462, условное осуждению к лишению свободы – 5790, условное осуждение к иным видам наказаний – 201, иные виды наказаний – 511².

По состоянию на 1 октября 2021 года в 18 воспитательных колониях для несовершеннолетних содержатся 869 человек³.

В соответствии с ч. 1 статьи 129 Конституции Российской Федерации прокуратура Российской Федерации - единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2020 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781> (дата обращения: 18.02.2022).

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 18.02.2022).

³ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 18.02.2022).

Законодательно понятие прокурорского надзора не регламентировано. Например, А.Ю. Винокуров считает, что прокурорский надзор – это вид государственной деятельности, осуществляемый исключительно органами прокуратуры и выражающийся в проверке соблюдения Конституции РФ и действующих на территории РФ законов присущими прокурорам правовыми средствами [1].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ») полномочия и функции прокуратуры РФ, ее организация и порядок деятельности определяются Конституцией РФ, Федеральным законом «О прокуратуре РФ» и другими федеральными законами, при этом деятельность прокуратуры осуществляется также в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Вышеуказанное положение является общим механизмом правового регулирования деятельности прокуратуры РФ. Вместе с тем, отдельные направления деятельности имеют специфическое регулирование.

Прокуроры при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних, отбывающих наказание, руководствуются, в том числе, положениями международных документов. Как отмечает Никитин Е.Л., «нормы российского законодательства устанавливают механизм реализации требований международно-правовых актов, учитывая особый правовой статус несовершеннолетних осужденных и требования дополнительной защиты прав и законных интересов таких лиц» [2].

К числу международно-правовых актов в сфере соблюдения прав несовершеннолетних, отбывающих наказание, можно отнести Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (1985 г.), Конвенция о правах ребенка ООН (1989 г.), Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.), Минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (1990 г.).

Для эффективной деятельности органов прокуратуры в конкретной отрасли прокурорского надзора Генеральный прокурор РФ издает организационно – распорядительные документы. Например, приказ Генерального прокурора РФ от 16.01.2014 № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – приказ Генерального прокурора РФ №6), приказ Генерального прокурора РФ от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» (далее – приказ Генерального прокурора РФ № 744).

Данные приказы выступают организационной и методической основой прокурорского надзора в соответствующей отрасли. Вместе с тем, вышеуказанные основы разработаны не в полном объеме.

Так, при проведении прокурорских проверок в сфере соблюдения прав несовершеннолетних, отбывающих наказание, прокуроры руководствуются положениями приказов Генерального прокурора РФ №6 и №744.

В приказе Генерального прокурора РФ №6 регламентируются вопросы организации проведения проверок в администрациях учреждений и органах, исполняющих уголовные наказания. При этом данный приказ не содержит норм, в котором бы содержались положения относительно проверки соблюдения прав несовершеннолетних, находящихся учреждениях, исполняющих наказания.

В приказе Генерального прокурора РФ №744 регламентируются вопросы соблюдения прав несовершеннолетних в различных сферах, например, в сфере трудовых отношений, в сфере здравоохранения и др. Вместе с тем, данный приказ не учитывает специфику прокурорской деятельности в сфере соблюдения прав несовершеннолетних, отбывающих наказание. Единственное упоминание о данной сфере надзора содержится в п. 2.1.15 приказа: «установить постоянный надзор за соблюдением прав осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях, на получение образования и профессиональной подготовки, защиту иных социальных гарантий, предусмотренных законодательством».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних, отбывающих наказание, нуждается в конкретизации.

В заключении необходимо отметить, что деятельность прокуратуры в рассматриваемой сфере напрямую зависит от организационных и методических основ регулирования. При этом отсутствие таковых не позволяет прокурору в полной мере правильно и грамотно осуществлять прокурорский надзор в целях защиты прав несовершеннолетних. Таким образом, необходимо издать Указание Генерального прокурора РФ, содержащее в себе конкретизированные методические и организационные основы правового регулирования прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних, отбывающих наказание.

Список источников

1. Винокуров, А. Ю. К вопросу о содержании прокурорской деятельности / А. Ю. Винокуров // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 3(77). – С. 37-40.

2. Защита прокурором прав несовершеннолетних : Практическое пособие / Т. А. Васильева, И. И. Головки, Э. Р. Исламова [и др.]; Под ред. О.Н. Коршуновой. – Москва : Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2021. – С. 315.

Информация об авторах

К.В. ВОРЫШЕВА — студентка 1 курса магистратуры.

Information about authors

K.V. VORYSHEVA — 1st year graduate student.

Научная статья
УДК 347.918

О НЕОБХОДИМОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ДЕЛАХ ОБ ИЗЪЯТИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ

Анастасия Дмитриевна МИХАЙЛОВА

Крымский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

mikhaylovanastya25@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Сергей Васильевич ГЕРАСИМОВСКИЙ**, spro90@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема участия прокурора в банкротном процессе при изъятии единственного жилья должника. Автором анализируются правовые аспекты обращения взыскания на имущество, защищенное исполнительским иммунитетом, приводятся аргу-

менты о необходимости расширения компетенции органов прокуратуры в части вступления в процесс по рассматриваемой категории дел. По результатам исследования делается вывод о значимости участия прокурора в спорах о возможности обращения взыскания на единственное жилье должника и практической целесообразности закрепления данных полномочий на законодательном уровне.

Ключевые слова: единственное жилье, исполнительский иммунитет, прокуратура, вступление в процесс, банкротство

THE NEED FOR THE PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE PROCEEDINGS OF CONFISCATION OF THE ONLY HOUSING

Anastasya D. MIKHAYLOVA

Crimean Law Institute (branch)

of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

mikhaylovanastya25@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), S.V. Gerasimovskiy, cpo90@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of the participation of the prosecutor at bankruptcy process when the only housing is confiscated. The author analyzes the legal aspects of confiscation of property protected by executive immunity, provides arguments about the need to expand the competence of the prosecutor's office in terms of intervention the process in this category of cases. Based on the results of the study, a conclusion is made about the importance of the participation of the prosecutor in disputes about the possibility of confiscation of the only housing of the debtor and the practical expediency of securing these powers at the legislative level.

Keywords: the only housing, executive immunity, prosecutor's office, intervention the process, bankruptcy

В научном сообществе и среди практикующих юристов в последние несколько месяцев получила широкое обсуждение проблема изъятия единственного жилья должника в ходе конкурсного производства. Так, согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации¹ и Верховного Суда Российской Федерации² допускается отказ в применении исполнительского иммунитета, установленного ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее - ГПК РФ)³, при недобросовестном поведении банкрота или в случае роскошности единственного жилого помещения.

Кроме того, Конституционным Судом с целью защиты конституционного права на жилище закреплена ряд обязательных условий, необходимых для осуществления процедуры обращения взыскания на единственное жилье, а Верховным Судом предложен возможный механизм изъятия такого недвижимого имущества⁴.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова». [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 28.04.2021. – № 00012021042800019. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104280001> (дата обращения: 19.02.2022).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2021 г. № 304-ЭС21-9542(1,2) по делу № А27-17129/2018. [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. URL : <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.02.2022).

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2021 г. № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019. [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. URL : <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=%D0%9073-12816%2F2019> (дата обращения: 20.02.2022).

В данный момент прокурор не обладает процессуальными полномочиями по вступлению в банкротный процесс при возникновении спора об изъятии единственного жилья должника. Вместе с тем, судебная практика по ограничению применения института имущественного иммунитета с учетом указанных ранее позиций Верховного Суда и Конституционного Суда становится всё более распространенной, что привело к возникновению целого комплекса правовых проблем, требующих разрешения на законодательном уровне.

Так, необходимость участия прокурора в арбитражном процессе при изъятии единственного жилья обуславливается сразу несколькими факторами. Во-первых, очевидно, что в случае обращения взыскания на данную категорию недвижимого имущества произойдет значительное ухудшение жилищных условий должника и членов его семьи, в числе которых могут быть несовершеннолетние дети, нетрудоспособные родители, иные социально незащищенные категории населения. Участие прокурора также необходимо и для того, чтобы обеспечить реальное соответствие предоставляемого замещающего жилого помещения взамен изъятого единственного жилья требуемым нормам.

Кроме того, при решении вопроса о возможности обращения взыскания на единственное жилье важно обращать внимание на то, не находится ли такое имущество в общей совместной собственности супругов либо не имеет ли имущество какого-либо обременения, поскольку в таком случае могут быть нарушены права и законные интересы третьих лиц, не связанных непосредственно с процедурой банкротства должника и не имеющих общих с ним обязательств, по которым они также отвечают перед кредиторами в рамках исполнительного производства.

Например, в деле № А50-16438/2017 (309-ЭС21-14612) арбитражные суды отказывали в удовлетворении ходатайства финансового управляющего об обращении взыскания на часть единственного роскошного жилья должника, ссылаясь на то, что жилое помещение приобретено в период брака и находится в общей совместной собственности, следовательно, необходимо учитывать интересы супруги должника, имеющей право претендовать на половину совместно нажитого имущества¹. И хотя впоследствии Верховный Суд Российской Федерации отменил данное решение², аргументировав при этом лишь тем, что суды применяли исполнительский иммунитет в качестве абсолютного, хотя ключевым фактором в правовой позиции судов нижестоящих инстанций (что ясно прослеживается в мотивировочной части решений) выступала как раз необходимость обеспечения имущественных прав супруги банкрота, предложенный подход представляется более сбалансированным в части обеспечения интересов как сторон исполнительного производства, так и третьих лиц.

Таким образом, поскольку в настоящий момент процедура обращения взыскания на единственное жилье должника на законодательном уровне не регламентирована, решение вопроса об изъятии жилья в соответствии с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации находится в компетенции общего собрания кредиторов, с целью установления дополнительных юридических гарантий обеспечения конституционного права должника и членов его семьи на жилище, а также иных социальных прав и свобод, установленных и гарантированных государством, представляется целесообразным расширить компетенцию органов прокуратуры по участию в банкротном процессе при возникновении спора об обращении взыскания на единственное жилье должника.

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-3754/19 по делу А50-16438/2017. [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. URL : <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.02.2022).

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2021 г. по делу № А50-16438/2017. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL : <https://sudact.ru/vsrfd/doc/DfrAfodxMKxw/>(дата обращения: 20.02.2022).

Кроме того, вступление прокурора в процесс позволит на практике реализовать принцип соблюдения баланса интересов сторон исполнительного производства, поскольку прокурор не является представителем какой-либо из сторон спора, а значит, им будут учтены также и имущественные права и интересы кредиторов, что особенно важно при злоупотреблении должником своим процессуальным правом в части применения исполнительского иммунитета, к примеру, когда сторона намеренно совершает юридические действия, направленные на придание недвижимому имуществу статуса единственного пригодного для постоянного проживания.

Важно отметить, что Министерством юстиции Российской Федерации был разработан законопроект о порядке обращения взыскания на единственное жилье должника, в котором также предлагалось рассмотрение заявления взыскателя об изъятии имущества, защищенного исполнительским иммунитетом, в том числе и в присутствии прокурора¹.

Как уже было указано ранее, в настоящий момент прокурор не обладает компетенцией по участию в рассматриваемой категории дел. Так, процедура признания должника банкротом осуществляется в рамках арбитражного процесса, при этом в статье 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее - АПК РФ) закреплен исчерпывающий перечень оснований участия прокурора в арбитражном судопроизводстве². По этой причине не может быть применена по аналогии ст. 45 ГПК РФ, где к числу обязательных категорий дел отнесены споры о выселении. К тому же, при изъятии единственного жилья обязательным условием является предоставление замещающего жилого помещения, следовательно, полностью уравнивать данные категории дел представляется не совсем верным, несмотря на то, что в обоих случаях участие прокурора необходимо в значительной мере для обеспечения жилищных прав граждан.

Подобный подход к возможности применения по аналогии ст. 45 ГПК РФ в банкротном процессе нашел отражение и в судебной практике. Так, в деле № А75-19502/2017 прокуратура при рассмотрении спора об обращении взыскания на единственное жилье должника заявила ходатайство о вступлении в дело в порядке ст. 52 АПК РФ³. Арбитражный суд данное ходатайство отклонил, поскольку дела о несостоятельности (банкротстве), в том числе обособленные споры в рамках дела о банкротстве, не поименованы в ч. 1 ст. 52 АПК РФ, Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ прокурор также не отнесен к числу лиц, участвующих в деле о банкротстве, либо участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве⁴. Оснований для применения по аналогии положений статьи 45 ГПК РФ не имеется, поскольку требование об исключении из конкурсной массы жилого помещения не тождественно иску о выселении, который подсуден судам общей юрисдикции.

В то же время, при обращении взыскания на единственное жилье и предоставлении замещающего помещения впоследствии существует вероятность возникновения споров о выселении в рамках уже гражданского процесса. В таком случае

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве». [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL :<https://regulation.gov.ru/projects#npa=59339> (дата обращения: 21.02.2022).

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 19. – Ст. 1709.

³ Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 31 августа 2021 по делу № А75-19502/2017 // Электронное правосудие. URL : <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.02.2022).

⁴ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.

участие прокурора еще на стадии разрешения арбитражным судом вопроса о возможности обращения взыскания на единственное жилое помещение позволит выработать последовательную позицию по рассматриваемому делу с учетом всех обстоятельств дела и имущественного положения должника, что как раз подлежит выяснению в рамках банкротного процесса. Кроме того, при необходимости прокурор сможет обжаловать решение арбитражного суда, что также будет выступать дополнительной правовой гарантией обеспечения конституционного права на жилище.

Таким образом, участие прокурора в спорах об обращении взыскания на единственное жилье должника является особенно важным как для реализации юридических гарантий по обеспечению конституционного права должника и членов его семьи на жилище, так и для воплощения на практике принципа баланса интересов сторон исполнительного производства, защиты имущественных прав кредиторов от недобросовестного поведения должника. С целью разрешения существующих правовых пробелов необходимо на законодательном уровне расширить компетенцию органов прокуратуры в рассматриваемой категории дел путем внесения изменений в ст. 52 АПК РФ и в нормы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Информация об авторах

А.Д. МИХАЙЛОВА — студентка 3 курса.

Information about authors

A.D. MIKHAYLOVA — 3rd year student.

Научная статья
УДК 347.963

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Кристина Александровна ТРУСОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
trusova.kristina@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Эльнара Рафисовна ИСЛАМОВА**, alnara@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются категории «цель» и «задачи» прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции. На основе научных трудов, посвященных вопросам прокурорского надзора в рассматриваемом направлении, а также анализа законодательства в сфере противодействия коррупции определена цель прокурорского надзора. Сделано предложение о формулировании задач прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции применительно к каждому отдельно взятому направлению надзора в указанной сфере.

Ключевые слова: цель, задачи, прокурорский надзор, исполнение законодательства, противодействие коррупции

**THE PURPOSE AND OBJECTIVES OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION
OVER THE IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION****Kristina A. TRUSOVA**

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

trusova.kristina@bk.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor, **E.R. Islamova**, alnara@yandex.ru

Abstract. The article discusses the categories of "purpose" and "tasks" of prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption legislation. On the basis of scientific works devoted to the issues of prosecutorial supervision in this direction, as well as the analysis of legislation in the field of anti-corruption, the purpose of prosecutorial supervision is determined. A proposal has been made to formulate the tasks of prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption legislation in relation to each individual area of supervision in this area.

Keywords: purpose, objectives, prosecutorial supervision, enforcement of legislation, anti-corruption

Определение цели и задач имеет важнейшее значение, так как позволяет раскрыть содержание надзорной деятельности прокурора, установить его компетенцию, а также сосредоточиться на самом главном. Всё перечисленное прямым образом влияет на степень эффективности прокурорского надзора. Затрагивая категорию эффективности, нельзя не уделить внимание позиции профессора Ю.Е. Винокурова, который под эффективностью надзорной деятельности понимает соотношение целей, поставленных перед прокурорским надзором, и результатом достижения указанных целей [1, с. 391-392]. Анализируя приведенное утверждение, необходимо отметить, что сама цель представляет собой предполагаемый результат деятельности. Философский словарь определяет цель как некий идеальный положительный результат [2, с. 459]. Исходя из этого, следует говорить о цели как об идеальном результате, т.е. то, что необходимо достигнуть, и отдельно как о реальном результате, т.е. то, что получилось достигнуть в действительности. А эффективность показывает, насколько реальный результат соответствует идеальному.

При осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в качестве конечного результата, на достижение которого направлен прокурорский потенциал, выступают общие для всей системы прокуратуры цели, закрепленные в ст. 1 Закона о прокуратуре. В науке прокурорского надзора распространена позиция, согласно которой основной целью деятельности прокуратуры является укрепление законности [3, с. 391-392]. Принцип законности закреплен в Конституции Российской Федерации, он является универсальным и общеправовым. Указывая на особенность данного принципа, Е.Л. Никитин и Н.В. Кулик отмечают, что прокурорские работники должны придерживаться Закона не только при выполнении внешних функций, но также они призваны соблюдать требования законодательных предписаний в своих собственных действиях, а также при вынесении решений [4, с. 14-15].

В зависимости от сферы деятельности перед системой прокуратуры ставятся цели, характеризующие особенности конкретного направления прокурорского надзора. При определении целей прокуратуры в сфере осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции следует руководствоваться Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», регламентирующим понятие противодействия коррупции. Полагаем, что прокуратура, являясь органом государственной власти, призвана осуществлять деятельность по профилактике коррупции, борьбе с ней, а также

минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Кроме того, деятельность прокуратуры направлена на последовательную реализацию Национальной стратегии противодействия коррупции, целью которой является искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе¹.

Достижение поставленных целей обеспечивается посредством решения практических задач. Применительно к прокурорскому надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции ученые формулируют задачи таким образом: 1) обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе законных интересов в экономической и иной приносящей доход деятельности; 2) обеспечение защиты государственных и общественных интересов; 3) обеспечение эффективной и законной деятельности органов контроля и т.д. [5, с. 19]. Анализируя приведенный перечень, следует отметить, что задача по обеспечению эффективной деятельности органов контроля, по нашему мнению, выходит за пределы надзорной деятельности прокурора, поскольку основное назначение прокурорского надзора состоит в проверке законности деятельности поднадзорных объектов, а также актов, издаваемых указанными объектами.

Мониторинг законодательных актов в сфере противодействия коррупции позволяет сделать вывод о том, что особое внимание в этом направлении уделяется, прежде всего, разработке и реализации правовых и организационных основ противодействия коррупционным проявлениям. Кроме того, перед субъектами противодействия коррупции ставится задача по формированию условий, предотвращающих возможность коррупционного поведения, а также гарантирующих уменьшение случаев распространения коррупции. Помимо этого, государство призвано обеспечивать выполнение антикоррупционного законодательства всеми гражданами и организациями.

В науке выделяют следующие виды задач: общие (ставятся перед всей системой прокуратуры); особые (характерны для конкретного звена (уровня) прокуратуры); специальные (вытекают из содержания конкретной функции деятельности прокуратуры); частные (ставятся перед конкретным прокурорским работником).

Кроме того, по нашему мнению, следует классифицировать задачи в зависимости от направления прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Так, например, в своей диссертации А.А. Пономарев классифицирует задачи надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в государственных и муниципальных органах на общие и специальные [6]. В качестве общих выделены задачи, закрепленные в различных законодательных актах, составляющих правовую основу противодействия коррупции. К специальным же задачам предлагается относить «обеспечение точного исполнения антикоррупционного законодательства» в сфере государственной и муниципальной службы, а также «обеспечение соответствия антикоррупционному законодательству правовых актов», которые издаются поднадзорными объектами в сфере государственной и муниципальной службы.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что в качестве цели прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции выступает обеспечение верховенства закона; единства и укрепления законности в сфере противодействия коррупции, в том числе обеспечение законной деятельности поднадзорных объектов по профилактике коррупции, борьбе с ней, а также минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений; защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом общественных и государственных интересов от коррупционных правонарушений.

¹ Национальная стратегия противодействия коррупции (утверждена Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 года № 460) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.02.2022).

Учитывая вышеизложенные позиции по вопросу определения задач прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, следует отметить, что категория задач подразумевает больше конкретики, нежели цель. В связи с чем, представляется целесообразным формулировать их применительно к каждому отдельно взятому направлению надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции.

Список источников

1. Прокурорский надзор. Учебник под ред. Ю.Е. Виокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2005. С. 391-392.
2. Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. М., 1970. С. 459.
3. Прокурорский надзор. Учебник под ред. Ю.Е. Виокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2005. С. 391-392.
4. Никитин Е.Л., Кулик Н.В. Модели и стандарты прокурорской деятельности в современных условиях: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 14-15.
5. Противодействие коррупции: прокурорский надзор, уголовно-правовая характеристика, уголовное преследование / [Т.А. Васильева, Н.П. Дудин, Г.В. Дытченко, М.Г. Ковалева, С.П. Кушниренко, А.А. Ларинков, М.А. Любавина, Е.Л. Никитин, А.Е. Скачкова, В.А. Стеля, Л.А. Чернышева, С.Ю. Яковлева]; науч. ред. Н.П. Дудин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2009. С. 19.
6. Пономарев А.А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции в государственных и муниципальных органах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. Режим доступа: <https://agprf.org/dissertatsionnye-sovety/dissertatsii-prinyatyie-k-zaschite/>.

Информация об авторах

К.А. ТРУСОВА — студентка 2 курса магистратуры.

Information about authors

K.A. TRUSOVA — 2st year graduate student.

Научная статья
УДК 347.963

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ КАК МЕРЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Иван Сергеевич ЭПОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
Ieroff.ivan@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Эльнара Рафисовна ИСЛАМОВА**, alnara@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием предостережения прокурора как меры прокурорского реагирования на правонарушения экстремистского характера, а также затрагиваются необходимые нововведения в отечественное законодательство, касательно данной меры.

Ключевые слова: предостережение, мера прокурорского реагирования, экстремизм, прокурор

THE PURPOSE AND OBJECTIVES OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION

Ivan S. EPOV

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
epoff.ivan@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor, **E.R. Islamova**, alnara@yandex.ru

Abstract. The article deals with issues related to the use of the prosecutor's warning as a measure of prosecutorial response to offenses of an extremist nature, and also touches on the necessary innovations in domestic legislation regarding this measure.

Keywords: warning, measure of prosecutorial response, extremism, prosecutor

Неоспоримым является факт, что предупреждение правонарушений представляет собой важное направление деятельности органов прокуратуры.

К числу средств прокурорского реагирования по предупреждению противоправных общественно опасных деяний относится предостережение прокурора, которое регулируется ст. 25.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»).

Важно отметить, что предупреждение правонарушений посредством применения предостережения о недопустимости нарушения законодательства – это достаточно серьезная мера воздействия на поведение отдельных лиц, имеющая немалые резервы в борьбе с нарушениями закона [1, с. 17].

Известный социолог Карл Генрих Маркс в свое время объективно отметил, что «мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него» [2]. Данный афоризм остается актуальным и в настоящее время. Сложно не согласиться с этой фразой и не отметить, что она в полной мере относится к предостережению прокурора.

К сожалению, стоит признать, что ФЗ «О прокуратуре РФ» не включает в себя определения термина предостережение, но тем не менее, предлагается научная интерпретация данного понятия некоторыми правоведом, например, Панченко В.Ю., Макаrchук И.Ю. [3, с. 5]. Анализ этих мнений дает нам понять, что недопущение нарушения законодательства представляет собой основную цель предостережения. Такое средство предупреждения правонарушений находит применение при еще не нарушенном законе [4].

В нашей стране с учетом реалий современности, проблема распространения экстремизма и борьбы с ним относится к числу серьезнейших и искоренение противоправных деяний такого рода является одной из задач государства ввиду того, что соблюдение, защита прав и свобод человека и гражданина представляют собой гарантии со стороны Конституции Российской Федерации (ст. 2). Этой же статьей провозглашено, что многонациональный народ нашего государства – носитель суверенитета и единственный источник власти в государстве, а также предусмотрен политический плюрализм, равенство перед законом религиозных и общественных объединений.

На сегодняшний день в нашей стране расширила масштабы деятельность организаций националистического и террористического толка, радикально настроенных лиц, которая направлена на нарушение законов Российской Федерации, например, такие как «Артподготовка» (националистическая организация) и «Исламское государство» (террористическая организация). В этой связи нельзя не от-

метить важность такой меры прокурорского реагирования, как предостережение в целях противодействия экстремизму с учётом её эффективности в борьбе с подобными противоправными явлениями. Так, в связи с недавними событиями, связанными с противозаконной деятельностью российского оппозиционера А. Навального, а точнее массовыми незаконными демонстрациям, депутаты Томской городской думы, сотрудники Томского штаба оппозиционера получили предостережения от прокуратуры о недопустимости «осуществления экстремистской деятельности» и проведения акции в поддержку политика 14 февраля.

Собственно, нельзя не обозначить важность прокурорской проверки как средства выявления признаков экстремистской деятельности и не упомянуть, что данное мероприятие осуществляется исходя из поступивших в органы прокуратуры сведений о вероятном правонарушении. При этом перечень источников информации законом не определен [5].

Исходя из анализа ФЗ «О прокуратуре РФ» и Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», укажем специфику предостережения о недопустимости осуществления деятельности экстремистского характера, как меры прокурорского реагирования. Ей присущи следующие признаки: 1) профилактическая направленность; 2) наличие достоверных и исчерпывающих сведений о готовящихся правонарушениях, содержащих признаки экстремистского характера, как основание для применения такой меры реагирования является; 3) субъекты, к которым эта мера применяется – руководители общественных (религиозных) организаций или руководители иных организаций; 4) это решение единоличного характера уполномоченного сотрудника органов прокуратуры; 5) эта мера имеет исключительно письменную форму; 6) применяется, если отсутствуют основания для привлечения к административной и уголовной ответственности; 7) последствие неисполнения предостережения и совершения правонарушения – привлечение к уголовной или административной ответственности.

Подводя итог вышеизложенному, следует сделать вывод, что изучение вопроса противодействия экстремистской деятельности на сегодняшний день имеет актуальность для нашего государства в связи с повышенной опасностью экстремистских проявлений. Как уже было отмечено, экстремизм угрожает государству, обществу и безопасности жителей нашей Родины в абсолютно новых формах (сетевой экстремизм). В дополнение обозначим, что данные опасности носят системный характер и нуждаются в выработке многоаспектного подхода в работе по их искоренению.

Очевидно, что на сегодняшний день предостережению прокурора о недопустимости экстремистской деятельности как одному из наиважнейших актов прокурорского реагирования характерны некоторые недостатки правового регулирования полномочий сотрудника органов прокуратуры.

С уверенностью могу отметить, что возникла реальная потребность в конкретизации ст. 21 ФЗ «О прокуратуре РФ» путем включения дополнительного пункта, который распространял бы определение «должностное лицо» на руководство любых организаций в независимости от их организационно-правовой формы, формы собственности и ведомственной принадлежности.

Необходимы изменения в законодательные акты, раскрывающие содержание определения предостережения прокурора как акта реагирования, «его принципы подготовки и реализации, структуру и содержание, полномочия сотрудника прокуратуры по его объявлению и направлению» [6, с. 24].

Также, по моему мнению, существует необходимость разработки методики подготовки и применения предостережения о недопущении экстремистской деятельности.

Уверен, что внесение изменений в законодательство и введение в практику сотрудников прокуратуры такой методики положительно отразится на эффективности применения предостережения как меры прокурорского реагирования в целях противодействия экстремизму.

Список источников

1. Викторов И.С. Полномочия прокурора по выявлению нарушений закона и применению правовых средств реагирования на выявленные правонарушения: методические рекомендации НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации / И. С. Викторов. М., 2004. с. 45.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Том 1. Автокнига. М., 2012. 867 с.
3. Панченко В. Ю., Макарчук И. Ю. Предостережение как правовое средство // Законность. 2013. № 6. С. 5.
4. Ергашев Е.Р. Принципы института надзора за исполнением законов // Исполнительное право. М.: Юрист, 2006, № 3. С. 40-46.
5. Ашурбеков Т.А. Правовые и организационные основы надзорной и иной функциональной деятельности прокуратуры в сфере национальной безопасности: дис ... докт. юрид. наук. М., 2009. 368 с.
6. Безсалий О.Р. Современные проблемы правовой регламентации и практического применения предостережения прокурора: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 36 с.

Информация об авторах

И.С. ЭПОВ — студент 3 курса.

Information about authors

I.S. EPOV — 3st year student.

VI. КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Научная статья
УДК 342.722.32

НУЖЕН ЛИ РОССИИ СУД ПРИСЯЖНЫХ?

Ксения Алексеевна АБИБУЛАЕВА¹, Мария Владимировна ВЛАСОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ abibulaeva2003@mail.ru

² mariaulassova02@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении эффективности рассмотрения судебных дел гражданами-обывателями, избранными в качестве присяжных заседателей, особенностей процессуальной деятельности российского суда с участием присяжных заседателей, а также в определении положительных и отрицательных факторов данного института. Представленная форма организации суда подразумевает возможность существования двух самостоятельных коллегий: коллегия присяжных заседателей, выносящая вердикт по рассматриваемому делу, и профессиональный судья, выносящий приговор на основании вердикта присяжных, а также разделение процессуальных функций между ними.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, Конституция РФ, презумпция невиновности, Уголовно-процессуальный кодекс РФ

DOES RUSSIA NEED A JURY TRIAL?

Ksenia A. ABIBULAEVA¹, Maria V. VLASOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

¹ abibulaeva2003@mail.ru

² mariaulassova02@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), **Y.K. Chepenko**, chepenko55@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the effectiveness of the consideration of court cases by ordinary citizens elected as jurors, the peculiarities of the procedural activity of the Russian court with the participation of jurors, as well as to determine the positive and negative factors of this institution. The presented form of organization of the court implies the possibility of the existence of two independent panels: a panel of jurors passing a verdict on the case under consideration, and a professional judge passing a verdict based on the verdict of the jury, as well as the division of procedural functions between them.

Keywords: jury trial, jurors, Constitution of the Russian Federation, presumption of innocence, Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Необходимость существования в России такого института, как Суд присяжных, является спорным вопросом уже многие годы. Многие ученые, например, Калининский К. Б., Аубекеров С.Х., Хамицевич Ю.О., Кругликов А. П., будучи неравнодушными к поставленной проблеме, стремятся внести свой вклад в разрешение дискуссии, являющейся актуальной в современном обществе. Благодаря всеобщей

заинтересованности выявлено множество достоинств и недостатков деятельности суда присяжных, которые необходимо учитывать при рассмотрении данной проблемы.

Ряд ученых [1;2] считают, что институт присяжных заседателей является неотъемлемым элементом демократического государства, в котором соблюдаются гарантии и претворение в жизнь конституционных прав и свобод граждан. Противоположной позиции придерживаются теоретики права [3], аргументируя свою точку зрения о недопустимости существования института присяжных заседателей в Российской правовой системе тем, что никакой пользы данный институт не несет. Суд присяжных имеет немало преимуществ, но в то же время достаточное количество выраженных недостатков. Самый главный плюс – это возможность выслушать сразу несколько мнений, а не только одно – судебское. Решение в данном случае принимает не единоличный характер, что является определенной гарантией самостоятельности судебной власти, независимости суда и справедливости судебной процедуры. Дискуссии по поводу объективности или необъективности суда присяжных заседателей не утихают в странах, где данный институт практикуется веками (США, Великобритания, Франция, Канада), и каждая из сторон может привести множество доводов как «за», так и «против».

Следующим достоинством Суда присяжных является возможность посмотреть на совершенное преступление свежим взглядом людей, не имеющих отношения ни к преступлению, ни к судебной системе, на основе своего жизненного опыта. Конечно, это вносит определенный субъективизм в судебное заседание, однако присяжные, являясь представителями общества, в котором произошло преступление, выражают мнение этого же общества. Таким образом, вердикт присяжных – это и есть вердикт общества, частью которого является подсудимый. Более того, Суд присяжных отличается и тем, что подсудимый и присяжные обладают одинаковым гражданским статусом, то есть никто не занимает более высокую позицию в сознании людей, как это происходит в ходе обычного судебного заседания. Эти факторы подтверждают необходимость существования института присяжных заседателей в России как возможности граждан участвовать в отправлении правосудия, так и способности этих граждан оценивать деяния подсудимого со стороны, не преследуя при этом определенных корыстных целей.

Неоспоримым является тот факт, согласно ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации, граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия. Участие такого рода происходит посредством функционирования суда с присяжными заседателями. Ссылаясь на мнение теоретика Аубекерова С.Х., заключающееся в том, что наличие данной «конституционной нормы гарантирует введение суда присяжных в отправление правосудия как его полноправного участника, обеспечивающего эффективную и независимую судебную власть», можно сделать вывод, что благодаря данному правовому институту складываются отношения между государством и его гражданами, народ в лице присяжных становится полноправным участником судебной власти, что приводит к повышению эффективности её деятельности [4, с. 7]. Важнейшим в данном случае является признание за судом присяжных той роли, которую они играют в демократизации судебной системы, обеспечении ее независимости и состязательности судебного процесса.

Российский ученый К. Б. Калиновский отмечает, что основополагающими принципами для правового статуса суда являются его независимость и самостоятельность, что обеспечивает необходимые условия для отправления справедливого правосудия [1, с. 10]. Но означает ли это применение этих начал на практике? Обеспеченность данных принципов можно проверить, проанализировав отношение к нему российского населения. Ссылаясь на данные Всероссийского центра изучения общественного мнения «54% россиян в качестве основного недостатка судебной системы, называют недобросовестность и взяточничество судей, а так-

же давление на суд со стороны властей. При этом всего 4% оценивают работу судов хорошо» [1, с. 11]. Такие неутешительные размеры авторитета судебной власти подтверждаются общим недоверием к ней граждан. Объективным же показателем независимости судебной власти от власти обвинительной можно считать количество вынесенных оправдательных приговоров в их сопоставлении с числом обвинительных приговоров. Тут же стоит отметить, что человек, вина которого не доказана, поистине может рассчитывать на оправдательный вердикт только в суде присяжных, участники которого не обладают заинтересованностью в победе стороны защиты в лице адвоката или же стороны государственного обвинения в лице представителя государства – прокурора. Следует отметить и тот факт, что суды присяжных выносят оправдательные вердикты в 10 раз чаще, нежели суды без участия присяжных заседателей. Таким образом, суд присяжных – это единственный суд, где сегодня действует презумпция невиновности.

Необходимость существования института суда присяжных в России подтверждается также иницируемыми Президентом Российской Федерации реформами: в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2015 году Президент РФ обозначил необходимость повышения независимости и объективности судебного процесса, а также укрепление роли института присяжных заседателей [5]. Данное укрепление В.В. Путин предложил осуществлять посредством увеличения количества составов преступлений, которые смогут рассматривать присяжные. В декабре 2015 года Президент инициировал законопроект поправок в Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации. Согласно внесенным поправкам стало возможным рассмотрение дел с участием присяжных заседателей в районных и гарнизонных военных судах, дел в отношении женщин и мужчин старше 65 лет, кроме того, был увеличен перечень статей Уголовного кодекса Российской Федерации, дела по которым могут рассматривать присяжные. Так, например, к перечню были добавлены дела по ч. 1 ст. 105 (убийство без отягчающих обстоятельств) и ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего)¹, исключенных ранее из компетенции присяжных в случаях, если в качестве наиболее строгого вида наказания подсудимым не могло быть назначено пожизненное лишение свободы. Таким образом, увеличение количества дел, в которых могут принимать участие присяжные, появившаяся возможность рассмотрения дел в районных и гарнизонных судах ведут к укреплению института присяжных заседателей в Российской Федерации.

Если же говорить об отрицательных аспектах такого правового явления, как институт присяжных, в первую очередь, стоит отметить тот факт, что участниками в качестве присяжных заседателей выступают непрофессионалы – люди, не имеющие юридического образования, следовательно, не обладающие знаниями, необходимыми для грамотного разрешения дела. Среди присяжных могут быть люди разных профессий, например, учителя, менеджеры и даже пенсионеры. Принимая решение при отсутствии профессиональной компетентности, они, в основном, ориентируются на свой жизненный опыт, данные, полученные из средств массовой информации, эмоции, которые возникают во время судебного заседания, и, к сожалению, не всегда трезво и рационально оценивают обстановку и принимают решение, вынося заключительный вердикт.

Небезызвестным является и тот факт, что среди присяжных заседателей бытует мнение о заведомой виновности подсудимого. В сознании граждан-обывателей это оправдывается тем, что если бы человек, дело которого принято к рассмотрению судом, не был бы виновен, дело не дошло бы до самого суда. Такое мнение, конечно, основано на вере в правильность и безошибочность досудебного разбирательства, которое, к сожалению, не всегда является таковым.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021). [Электронный ресурс – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/].

Различные методы давления, так называемые «профессиональные уловки», со стороны адвоката и прокурора могут в значительной степени воздействовать на психику присяжных, многие из которых являются неподготовленными к такому воздействию. Из-за этого присяжные часто становятся ведомыми, и весь смысл судебного заседания состоит в их переубеждении, а не в самостоятельном и ответственном размышлении, анализе доказательств, взвешивании всех «за» и «против», которые должен выполнять каждый присяжный заседатель.

Зачастую противники существования суда присяжных в России оперируют тем фактом, что в большинстве стран, например, в США, распространяется тенденция сокращения количества дел, рассматриваемых судом с участием присяжных заседателей [7]. Однако при этом возникает проблема: если подсудимый заявит ходатайство о рассмотрении дела с участием суда присяжных, то его дело будет рассматриваться именно таким образом¹. Это, своего рода, является важной гарантией рассмотрения дела независимым и беспристрастным судом.

Таким образом, можно сделать вывод, что суд с участием присяжных в современной России является более независимым, чем суд профессиональных судей. Данный институт, согласно идее реформаторов, может стать гарантом реализации таких принципов, как независимость суда, презумпция невиновности и других принципов, соблюдающих права и свободы граждан. Хоть институт присяжных в России в настоящее время отнюдь не является совершенным, безошибочно можно утверждать, что он является необходимым, и полностью отказываться от него нельзя.

Список источников

1. Калиновский К.Б. Востребованность суда с участием присяжных заседателей в современной России // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Сборник научно-практических статей. Выпуск 2. СПб: СЗФ РПА Минюста России, 2008. С. 10-13 (дата обращения: 13.02.2022).
2. Хамицевич Ю. О. Суд присяжных заседателей: достоинства и недостатки // Достижения науки и образования. 2018. № 17. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-prisyazhnyh-zasedateley-dostoinstva-i-nedostatki> (дата обращения: 11.02.2022).
3. Фарои Т. В. Суд присяжных в российской федерации: состояние и возможные альтернативы // Право и практика. 2020. №3. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-prisyazhnyh-v-rossiyskoy-federatsii-sostoyanie-i-vozmozhnye-alternativy> (дата обращения: 20.02.2022)
4. Аубекеров С.Х. Сравнительно-правовой анализ конституционных норм о суде присяжных заседателей // Российский судья. 2005. № 7. С. 7 (дата обращения: 19.02.2022).
5. Кругликов А. П. Суд присяжных: тенденция его действия в современной России // LegalConcept. 2013. №3. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-prisyazhnyh-tendentsiya-ego-deystviya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 19.02.2022).
6. Чайковский Л. Л. Статья 6 европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: гражданские права и обязанности // Актуальные проблемы российского права. 2010. №1. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statya-6-evropeyskoy-konventsii-o-zaschite-prav-cheloveka-i-osnovnyh-svobod-1950-g-grazhdanskie-prava-i-obyazannosti> (дата обращения: 18.02.2022).

Информация об авторах

К.А. АБИБУЛАЕВА — студентка 1 курса;
М.В. ВЛАСОВА — студентка 1 курса.

Information about authors

K.A. ABIBULAEVA — 1st year student;
M.V. VLASOVA — 1st year student.

¹ Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.

Научная статья
УДК 341.1

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Елизавета Андреевна АНПИЛОГОВА¹, Диана Марьяновна КРАСИВЕНКОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ yelizaveta19@mail.ru

² diana-2301bmw@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, zeena68@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития прав человека в условиях цифровой трансформации и развития современного научно-технического прогресса. В статье анализируется право доступа в Интернет, процесс легализации новых цифровых прав человека. Утверждается, что переход на иной уровень понимания традиционных прав и свобод происходит и в России. При этом важнейшим фактором развития прав человека является применение систем искусственного интеллекта и биотехнологий, преобразующих не только общество и государство, но и самого человека.

Ключевые слова: права человека, цифровые технологии, цифровая трансформация, искусственный интеллект

EVOLUTION OF HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY

Elizaveta A. ANPILOGOVA¹, Diana M. KRASIVENKOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

¹ yelizaveta19@mail.ru

² diana-2301bmw@yandex.ru

Scientific adviser — Head of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor. **E.E. Ampleyeva**, zeena68@mail.ru

Abstract. The article deals with the development of human rights in the context of digital transformation and the development of modern scientific and technological progress. The article analyzes the right of access to the Internet and the process of legalization of new digital human rights. It is argued that a transition to a different level of understanding of traditional rights and freedoms is taking place in Russia as well. At the same time the most important factor in the development of human rights is the use of artificial intelligence systems and biotechnologies that transform not only society and the state, but also the individual.

Keywords: human rights, digital technologies, digital transformation, artificial intelligence

В настоящее время права человека рассматриваются как необходимое условие взаимосвязи общества и государства. На популярности общепризнанных прав и свобод человека базируются все демократические государства, которые построены на принципах равенства, справедливости и открытости. Так, согласно статье 2 Конституции Российской Федерации, права человека являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита определяют содержание обязанностей государства¹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм. и доп. от 01.07.2020 г.) // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

В условиях становления информационного общества и цифровой трансформации отмечается новый виток научно-технического прогресса, затрагивающий и переосмысливающий признанные права и свободы человека, приводя к провозглашению новых прав, невообразимых в доцифровую эпоху. Все это предопределено революционными процессами развития и активного внедрения цифровых, биомедицинских, а также иных инновационных технологий, влекущих пересмотр основных ценностей и понятий в современном мире [1, с. 227-231]. Использование человеком новых каналов информирования, а также вся его деятельность в целом становятся всё более виртуальными, протекают в цифровом пространстве. Электронное государственное управление и судопроизводство, получение различных услуг в электронной форме, электронная коммерция и многое другое – всё это стало привычным в современном мире. При этом, трансформация различных видов деятельности играет важную роль в переоценке ценностей, в изменении способов реализации традиционных прав и свобод.

На сегодняшний день в современной теории права ведутся многочисленные дискуссии вокруг возможностей технологий клонирования, искусственного интеллекта и робототехники, чипирования, квантовых решений и многих других инноваций. Современный человек не может представить своё существование без достижений научно-технического прогресса, воспринимая их как элемент собственного бытия и личности. При отсутствии цифровых устройств, а также доступа Интернета подавляющее большинство граждан на сегодняшний день чувствуют не просто утрату возможностей и снижение самооценки, но и собственную неполноценность.

Как следствие, в последнее время в ряде государств получило закрепление право на «цифровое равенство» на доступ в Интернет, которое включает в себя, во-первых, наличие возможности подключения к данной информационно-телекоммуникационной Сети, во-вторых, возможность взаимодействия между собой через ресурсы Сети. В связи с этим любые препятствия, которые создаются на пути получения «цифровых» благ, оцениваются человеком как нарушение своих прав. Вместе с тем, в международных нормах пока это не получило официального закрепления, но формирование цифровых прав уже началось [2, с. 110].

Определенные перемены происходят сегодня и в Российской Федерации. Так, цифровые права получили некоторое законодательное закрепление. Помимо этого, сформировались новые механизмы защиты прав и свобод человека, включая «право на персональные данные» и «право на забвение», а цифровые финансовые активы признаны в России как возможный компонент имущественных прав. Более того, отмечается общая динамика эволюции системы прав человека на современном этапе развития российского общества и цифровизации. Как отмечает профессор Е. Ф. Довгань, в цифровую эпоху видоизменяется большое количество прав человека, в том числе даже право на жизнь, которое подвергается угрозе под воздействием цифровых технологий, например, при совершении преступлений, либо в военных целях [2].

Принимая универсальность права как социального регулятора прав человека, стоит также согласиться с тем, что внедрение цифровых технологий в разных областях применения изменяет общественные отношения, в том числе вопросы реализации прав человека. Самым наглядным примером является право на доступ к информации, получившее в условиях цифровизации новый уровень развития как в аспекте масштабов и характера доступной информации, так и в части концептуальных оснований обеспечения данного права [3, с. 22-27].

Технологические новшества создали так называемое «электронное управление». Во-первых, это позволило создать переход взаимодействия государства и общества на новую технологическую основу. Во-вторых, эти новшества способствовали трансформации доступных каналов информирования, а также во многом увеличили возможности коммуникации. Уже сейчас наблюдается развитие механизмов государственного управления, которые, базируясь на платформенных решениях

и сервисной модели, расширяют каналы информирования в обществе, пересматривают модели управления обществом и государством. Так, в настоящее время доступ к информации воспринимается как право, лежащее в основе обеспечения других прав человека, что позволяет рассматривать «право на поиск и получение информации» как важнейшее естественное право человека. Или право на неприкосновенность частной жизни, реализация которого взаимосвязана с использованием цифровых технологий и сервисов Сети Интернет. Вместе с тем, для большого количества граждан в цифровую эпоху это означает большие риски и угрозы, усиливающиеся под воздействием внедрения технологии больших данных и искусственного интеллекта. Также стоит обратить внимание на такие права, как право на образование и право на здоровье. Например, осуществление права на образование давно предполагает использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Однако, в условиях пандемии коронавирусной инфекции не представляется возможным реализация права на образование без вовлеченности обучающихся в Интернет-пространство, что предполагает использование дистанционных образовательных технологий и электронного обучения.

Сегодня при реализации права на жизнь и права на здоровье широко применяются телемедицинские услуги. Высокотехнологичная медицинская помощь стала невообразима без медицинских роботов. Высокотехнологичные медицинские услуги, которые предусматривают использование инновационных методов лечения, предоставляют возможность персонализировать медицинскую помощь, повысив её эффективность. Экспертные системы, электронные медицинские карты, медицинские роботы и многое другое – весь этот широкий спектр цифровых технологий используется в сфере охраны здоровья граждан, повышая эффективность лечения и клинической диагностики. В настоящее время в рамках реализации государственных электронных услуг предоставляется возможность удаленной записи к врачу в электронной форме, а также запись на вакцинацию от COVID-19.

Вместе с тем, изменяются и переосмысливаются пределы и ограничения прав человека в условиях цифровизации, включая ограничение права на доступ к информации. Дальнейшее развитие информационного общества и цифровая трансформация нашли отражение в увеличении сроков охраняемых законом тайн и их системы как выражения существующей в информационной сфере дихотомии [4]. Ограничение доступа к сайтам сети Интернет, распространяющим противоправную информацию, является лишь одним из активно обсуждаемых аспектов реализации информационных прав и свобод с целью охраны прав человека. В связи с реализацией права на доступ к информации показательной тенденцией развития становится Интернет-цензура, когда действия IT-гигантов оказывают влияние на переосмысление свободы выражения мнений, права на доступ к информации и ограничений этих прав, способов защиты того или иного права. Сегодня в Интернете «цензура», ассоциируемая с государственным контролем информационной сферы, фактически осуществляется негосударственными структурами.

Отметим, что на сегодняшний день в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации осуществляется контроль содержания информации в сети Интернет, распространяемой ведущими мировыми IT-компаниями, которые нарушают при этом права и свободы граждан. В связи с этим постоянно улучшаются превентивные механизмы предупреждения и предотвращения нарушений информационных прав и свободам граждан. В данной обстановке изменения российского информационного законодательства в декабре 2020 года следует расценивать как компонент механизма предупреждения нарушения прав человека и установление границ правомерных действий в информационной сфере¹.

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

При использовании технологий искусственного интеллекта следует обратить внимание на трансформацию основных концептов права, в том числе на государственный суверенитет и субъектов права, что, с одной стороны, формирует новые возможности для реализации прав человека, с другой – создает новые риски в данной сфере. В пример данных правовых рисков можно привести управление и реализацию прав человека на базе использованных данных о «виртуальной личности» или «цифровом двойнике». Это, в свою очередь, особенно усиливается при использовании технологий искусственного интеллекта и больших данных при существующей неопределенности правового обеспечения охраны прав человека в связи с их применением. В совокупности это позволяет исследователям констатировать изменение «ландшафта» правового регулирования [5, с. 4-8].

Н. Уайтхэд и М. Уэск в свое время выражали определенные опасения в части разрыва технологической модификации человека, его социальной идентичности. Они отмечали, что технологическая трансформация организма может привести к потере принадлежности человека к своему биологическому виду и разрыву с социальной средой [5, р. 177-198]¹. Именно поэтому процесс изменения мира с помощью внедрения цифровых технологий, а также биотехнологий требует от исследователей в области права понимания правового регулирования числа связанных аспектов: клонирования, роботизации, киборгизации, 3D-печати органов и тканей. Решение вопросов этики и формирование философских воззрений на социальную трансформацию является важнейшим фактором становления, например, будущего регулирования прав киборгов. Последнее является наиболее важным, поскольку трансформация человека и общества под воздействием научно-технического прогресса меняет основы социума, а также сущность человека как его значительной части. Однако сбалансированное развитие правового регулирования уже сегодня представляется довольно сложным без научного правового осмысления возникающих проблем и создания концептуальных основ будущего прав человека.

Безусловно, правовое обеспечение прав киборгов должно производиться на федеральном уровне, поскольку вопросы информационных технологий, интеллектуальной собственности, безопасности, защищенности интересов личности, государства и общества в целом при обороте цифровых данных относятся к исключительному ведению Российской Федерации. Одновременно стоит упомянуть, что сегодня недостаточно не только российского, но и международного, зарубежного опыта правового регулирования отношений, связанных с внедрением цифровых технологических решений в человеческое тело. Мы полагаем, что предметное регулирование в данной области должно носить опережающий характер с учетом рисков, существующих сегодня.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит признать справедливым, что развитие цифровых технологий значительно влияет на содержание и состав прав человека, так как «система прав человека будет меняться в зависимости от условий их реализации» [6, с. 229]. Одновременно уже сегодня развитие прав человека должно происходить не только в контексте правового обеспечения индивидуальной свободы, но и их адекватности интересам общества. Представляется, что эволюция прав человека обусловлена созданием нового пространства-времени под влиянием внедрения инновационных решений. В настоящее время для человека значительно увеличилось пространство его жизнедеятельности, возможности продолжают расширяться под воздействием развития науки, технологий и техники. Интегрированные биомедицинские и цифровые технологии в сфере охраны здоровья граждан занимают важное место в данном процессе, позволяя преодолевать заболевания, расширять интеллектуальные и физические возможности, продлевать человеческую жизнь, а также улучшать ее качество.

¹ Whitehead N.L., Wesch M. Human No More: Digital Subjectivities, Unhuman Subjects, and the End of Anthropology. Colorado: University Press of Colorado, 2012. P. 177-198.

Притом, несмотря на широкое влияние информационно-коммуникационных технологий на права человека, это может привести к значительному размыванию концепции прав человека. С признанием идеи о наивысшей ценности человека, его прав и свобод в условиях цифровизации, нужно сказать, что на сегодняшний день эти идеи обретают особое звучание, и в современных условиях последующего развития информационного общества, нового витка научно-технического прогресса и цифровой трансформации происходит переход на следующий этап понимания признанных прав и свобод человека и изменение особенностей их осуществления при формировании новых прав, не являющихся воображимыми в так называемую доцифровую эпоху.

Список источников

1. Минбалеев А. В. Трансформация правовых ценностей в процессе законотворчества в условиях цифровизации // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: Сборн. науч. трудов. Сер.: Право. 2020. С. 227-231.
2. Довгань Е. Ф. Права человека в эпоху информационных технологий // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 5 (45). С. 110.
3. Полякова Т. А., Камалова Г. Г. Концептуальные основания развития института доступа к информации в Российской Федерации при применении цифровых технологий // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4 (37). С. 22-27.
4. Камалова Г.Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2020. 476 с.
5. Полякова Т.А., Чеботарева А.А. О новом «регуляторном ландшафте» в условиях цифровой трансформации системы права и экономики // Информационное право. 2020. № 2. С. 4-8.
6. Минбалеев А.В. Трансформация правовых ценностей в процессе законотворчества в условиях цифровизации // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации: сб. науч. трудов. Сер.: Право. 2020. С. 229.

Информация об авторах

Е.А. АНПИЛОГОВА — студентка 2 курса;
Д.М. КРАСИВЕНКОВА — студентка 2 курса.

Information about authors

E.A. ANPILOGOVA — 2st year student;
D.M. KRASIVENKOVA — 2st year student.

Научная статья
 УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЖИЛИЩЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Полина Алексеевна ЕРШОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
 Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
 polina_ershova_2001@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, cherenko55@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается конституционное право человека на жилище. Анализируется Постановление Конституционного Суда Российской Федерации, которое запрещает лишение

добросовестных покупателей единственного жилья и денег за их покупку при недействительности сделки с банкротом, а также рассматривается Комиссия Государственной Думы Российской Федерации, созданная для реализации конституционного права человека на жилище.

Ключевые слова: право на жилище, жилищный фонд, улучшение жилищных условий, Конституционный Суд Российской Федерации

CONSTITUTIONAL RIGHT TO HOUSING: THEORY AND PRACTICE

Polina A. ERSHOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

polina_ershova_2001@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), **Y.K. Chepenko**, chepenko55@mail.ru

Abstract. The article examines the constitutional human right to housing. The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation, which prohibits the deprivation of conscientious buyers of single housing, as well as money for their purchase in case of invalidity of a transaction with a bankrupt, is analyzed, and the Commission of the State Duma of the Russian Federation, created to implement the constitutional human right to housing, is also considered.

Keywords: constitutional law, housing, housing stock, improvement of housing conditions, the Constitutional Court of the Russian Federation

В Конституции Российской Федерации закреплены основные права и свободы человека и гражданина. В статье 40 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на жилище¹.

Бесспорно, данное право является одним из основных прав, которое означает, что у каждого человека должна быть возможность проживать в специально обустроенном жилище, пригодным для проживания в нем, а государство обязано гарантировать данную возможность, содействовать в улучшении жилищных условий, предоставлять жилье из жилищных фондов тем, кто в нем нуждается, а также обеспечивать защищенность и неприкосновенность жилища.

Под жилищем понимается жилое помещение, которое предназначено для постоянного проживания людей в нем². Это может быть квартира, жилой дом, комната и т.п. В Жилищном кодексе Российской Федерации нет законодательно закрепленного определения данного термина, но выделены, на наш взгляд, очень важные принципы, которые отличают жилое помещение от нежилого: необходимость обеспечения условий для реализации права на жилище, безопасность, неприкосновенность и недопустимость произвольного лишения жилища и т.д.³

Хочется отметить, что никто не вправе лишать граждан жилища, особенно лишать единственного жилья. Так Конституционный Суд Российской Федерации Постановлением от 03 февраля 2022 года №5-П⁴ признал противоречащими Конституции Российской Федерации положения Федерального закона от 26.10.2001 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - ФЗ № 127), которые допуска-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : текст с изм. и доп. на 01 июля 2020 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ: текст с изм. и доп. на 01 января 2022. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же.

⁴ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61 и пункта 11 статьи 189 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03 февраля 2022 г. № 5-П. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ли лишения добросовестных покупателей единственного жилья, а также денег за их покупку при недействительности сделки с банкротом. Гражданин Кузнецов приобрел за 11 миллионов рублей квартиру в городе Санкт-Петербург у банка, сделал ремонт данной квартиры на общую сумму 20 миллионов рублей. Через год банк обратился в Арбитражный суд для того, чтобы признать сделку по покупке квартиры недействительной на основании того, что цена квартиры была занижена. Данный банк находился в состоянии банкротства, но Кузнецов не знал о финансовых проблемах банка во время приобретения квартиры. Арбитражный суд признал данную сделку недействительной, обязав своим решением вернуть квартиру банку. То есть данная квартира стала конкурсным имуществом банка, который в связи с банкротством не может вернуть деньги покупателю квартиры – Кузнецову. Тем самым Кузнецов оказался в очереди кредиторов банка, но самое главное – он остался без единственного жилья неизвестно на какой период времени.

Кузнецов подал жалобу в Конституционный Суд Российской Федерации, который исследовав все материалы дела, отменил решение Арбитражного суда. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, при признании сделки недействительной деньги должны возвращаться покупателю, который приобретает на них другую недвижимость, при этом у него сохраняется право пользования жилищем в течение срока, установленного судом. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации признал нормы ФЗ № 127 (пункта 1 статьи 61 и пункта 11 статьи 189) неконституционными, нарушающими конституционное право граждан на жилище.

Также необходимо упомянуть о жилищном праве как субъективном праве, в содержание которого входят такие элементы [1, С. 2] как: право пользоваться жилым помещением, которое имеется, например, в собственности; право на приобретение жилого помещения, путем заключения гражданско-правовых сделок (договор купли-продажи, договор социального найма и т.п.); право на получение жилого помещения из государственного или муниципального жилищного фонда в порядке, установленном законом.

Последний элемент мы рассмотрим подробнее. В частях 2 и 3 статьи 40 Конституции Российской Федерации содержится обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления поощрять жилищное строительство, создавать условия для осуществления права на жилище, а также бесплатно предоставлять малоимущим и иным категориям граждан жилище из государственных, муниципальных или иных органов.

Под жилищным фондом понимается совокупность жилых помещений, находящихся на территории Российской Федерации. Из данного фонда выделяется жилье гражданам, которые в нем нуждаются на основании положений статьи 51 Жилищного Кодекса Российской Федерации. Но в данном вопросе существует ряд проблем, одну из которых мы не можем оставить без внимания.

Проблемой в данном вопросе является образование очереди из граждан, которые наделены правом получения жилья из жилищного фонда или которые нуждаются в улучшении своих жилищных условий. Данная очередь характеризуется признаком первоочередности, то есть сначала предоставляется жилье тем или улучшаются жилищные условия у тех, кто стоит на первой ступени в данной очереди. Например, два гражданина в один день встали в вышеназванную очередь, одному из них предоставили жилье, а второму – нет, так как в фонде больше не было жилых помещений. Основание для получения у них одно, только в очереди они занимают разные ступени, из данного исходит вывод, что в очереди прослеживается дискриминация (статья 19 Конституции Российской Федерации) по признаку первоочередности. Помимо этого у граждан, обладающих правом на получение жилого

помещения или улучшения жилищных условий, могут быть разные основания со стороны каких-либо факторов (не берем во внимание граждан, которые по закону имеют право на внеочередное обеспечение жилыми помещениями), из-за которых им необходимо как можно скорее реализовать свое право, поэтому в данном вопросе очень важен индивидуальный подход к решению жилищного вопроса, а также необходимо решить проблему очередности, в частности многолетний застой очереди.

Один из шагов к решению данной проблемы был сделан 15 февраля 2022 года, когда в Государственной Думе Российской Федерации была создана Комиссия по обеспечению жилищных прав граждан (далее – Комиссия). Данную комиссию, в первую очередь, создали для того, чтобы улучшить жилищные условия отдельных категорий граждан, таких как дети-сироты, инвалиды, жители северных территорий, так как данные вопросы почти не решаются. По задумке, Комиссия должна отталкиваться от индивидуальных проблем граждан в данной сфере, помочь в реализации их конституционного права на жилище и решить вопрос с вышеназванными очередями. Также задачами Комиссии являются взаимодействие с федеральными и региональными органами власти для получения информации о мерах обеспечения жилищных прав граждан, а также постоянного взаимодействия с уполномоченным по правам человека, общественными организациями и экспертами для выработки стратегии совершенствования жилищного законодательства и обеспечения конституционного права граждан на жилище и улучшение своих жилищных условий. Данная Комиссия является примером государственного органа, выполняющего обязанность по реализации конституционного права граждан на жилище из статьи 40 Конституции Российской Федерации, которую мы упоминали выше.

Подводя итог, хочется сказать о том, что каждый человек имеет право проживать в обустроенном жилом помещении с комфортными условиями, в котором он будет себя чувствовать безопасно и защищенно. Одни из главных целей органов государственной власти и органов местного самоуправления – это обеспечение каждого гражданина крышей над головой и ликвидирование бездомности. Данные цели смогут реализоваться, если органы государственной власти и органы местного самоуправления будут более качественно выполнять свои обязанности по обеспечению граждан жильем и по улучшению их жилищных условий, а также если все нормы федерального, регионального и местного законодательства будут приведены в соответствие с Конституцией Российской Федерации, закрепляющей основные права человека и гражданина, которые являются высшей ценностью.

Список источников

1. Байрамова А.Ш., Бердегулова Л.А., Вахитова Д.Р. Конституционное право граждан на жилище / А.Ш. Байрамова, Л.А. Бердегулова, Д.Р. Вахитова // E-Scio. – 2017. – №12 (15). – С. 1-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-grazhdan-na-zhilische> (дата обращения: 18.02.2022 г.).

Информация об авторах

П.А. ЕРШОВА – студентка 3 курса.

Information about authors

P.A. ERSHOVA – 3st year student.

Научная статья
УДК 342.33

**КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2020 г.
И МЕСТО ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ**

Антон Александрович ЗАМУРУЕВ

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
zamuraeff.anton@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», доктор юридических наук, профессор **Тамара Владимировна ЗАМЕТИНА**, zametina_saratov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сущность принципа разделения властей в Российской Федерации, особенности его закрепления и реализации в результате внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 году. Поднимается вопрос о фактическом осуществлении Президентом РФ особой координирующей, президентской власти. Автором приводятся доводы об изменении правового статуса Президента РФ по отношению ко всем ветвям государственной власти путем усиления института президентства, вызванного увеличением его полномочий в данной сфере.

Ключевые слова: Конституция РФ, Президент РФ, государственная власть, принцип разделения властей, усиление института президентства

**CONSTITUTIONAL REFORM 2020 AND THE PLACE
OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE SYSTEM OF SEPARATION OF POWERS**

Anton A. ZAMURUEV

Saratov State Law Academy
zamuraeff.anton@yandex.ru

Scientific adviser — Head of the Department of Constitutional Law named after Professor Isaac Efimovich Farber of the SSLA, Doctor of Science (Law), Professor, **T.V. Zametina**, zametina_saratov@mail.ru

Abstract. The article examines the essence of the principle of separation of powers in the Russian Federation, the specifics of its consolidation and implementation as a result of amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. The question is raised about the actual exercise by the President of the Russian Federation of a special coordinating, presidential power. The author presents arguments about changing the legal status of the President of the Russian Federation in relation to all branches of government by strengthening the institution of the presidency, caused by an increase in his powers in this area.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, the President of the Russian Federation, state power, the principle of separation of powers, strengthening the institution of the presidency

Конституция РФ является основополагающим нормативно-правовым документом, который в наиболее полном объеме оформляет и регулирует общественно-государственные отношения, возникающие между субъектами конституционного права, а также соответствующие этим отношениям институты, отличающиеся своей фундаментальностью. Но несмотря на такое основное юридическое свойство Конституции РФ как стабильность, современные изменения, происходящие в обществе и государстве, требуют от нее и государственного механизма соответствующей реакции, выраженной в виде изменения текста Конституции РФ, что позволит повысить эффективность политического устройства страны. Данные конституционные изменения следует понимать как достойный ответ на вызовы XXI века.

Стоит отметить, что принцип разделения властей есть принцип демократического правового государства, каким и является Российская Федерация. Данный принцип понимается как основа для построения и работы механизма государственной власти в Российской Федерации. Его действие распространяется на все уровни реализации государственной власти, что подтверждает универсальный характер данного принципа. Важно, что деление государственной власти на ветви, как предполагает принцип, не лишает ее основной характеристики - целостности и единства.

Концепция разделения властей прочно вошла в российскую политическую действительность в результате кардинальных социально-политических изменений, которые породили острую потребность в обособлении и специализации ветвей государственной власти.

Сущность российской модели реализации принципа разделения властей заключается в рассредоточении законодательной, исполнительной и судебной функций государства между его органами, представляющими соответствующую ветвь власти [1, с. 21].

Принцип разделения властей находит свое закрепление в ст. 10 Конституции РФ, которая гласит: Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Данное начало означает, что ни одному из государственных органов не принадлежит вся государственная власть в полном объеме. Каждый из них осуществляет только свою, присущую ему функцию и не имеет права подменять деятельность другого органа [2, с. 15]. Принцип разделения властей обеспечивает взаимодействие всех ветвей государственной власти, которое понимается как урегулированные нормами права взаимоотношения субъектов по осуществлению совместных действий с определенной целью.

Не менее важной в понимании принципа разделения властей является ч. 1 ст. 11 Конституции РФ, которая содержит перечень государственных органов, осуществляющих государственную власть в Российской Федерации. В ней закрепляется, что государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство РФ, суды Российской Федерации.

Конституционно-правовые преобразования 2020 года связаны с системой разделения властей в современной России и определением в ней места и роли Президента РФ. Таким образом, конституционные поправки изменяют правовой статус Президента РФ по отношению ко всем ветвям государственной власти путем усиления института президентства, вызванного увеличением его полномочий в данной сфере.

Важно отметить, что Президент РФ занимает особое место в системе разделения властей в России. Согласно ч. 1 ст. 11 Конституции РФ он также осуществляет государственную власть в Российской Федерации, но при этом он юридически не входит ни в одну из ветвей государственной власти в России. Ст. 10 Конституции РФ дает закрытый перечень ветвей государственной власти, среди которых нет юридического закрепления президентской власти, поэтому Президент РФ оказывается выведенным за конституционную систему разделения властей. Президент РФ организует и регулирует деятельность государственных органов, являющихся практическим выражением всех ветвей государственной власти, что обеспечивает эффективную и бесперебойную работу государственного механизма, действенность всех институтов власти в Российской Федерации. Исходя из этого, можно говорить о фактическом осуществлении «президентской власти», которая наиболее полно раскрывает политико-правовой статус Президента РФ, определяет особые полномочия, направленные на установление взаимодействия со всеми ветвями власти [3, с. 6]. Таким образом, президентская власть самостоятельна и существует наряду с законодательной, исполнительной и судебной. Стоит заметить, что Конституционный Суд РФ не выработал единой правовой позиции по вопросу определения

места Президента РФ в системе разделения властей [4, с. 35]. Постановление Конституционного суда РФ от 27 января 1999 года № 2-П исключило Президента РФ из системы федеральных органов исполнительной власти¹.

Представление о главе государства как о самостоятельной ветви власти не нарушает закрепленный в ст. 10 Конституции РФ принцип самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти, поскольку координирующая и общерегулирующая функции Президента РФ осуществляются в пределах конституционных полномочий главы государства. Самостоятельность органов ветвей власти предполагает обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия этих ветвей власти. Наделение координирующей функцией органа, входящего в одну из трех ветвей власти, означало бы серьезный дисбаланс между ветвями власти, которые равны между собой. Поэтому логично, что координация деятельности трех самостоятельных ветвей власти может быть возложена на самостоятельный орган, равноудаленный от трех ветвей государственной власти, то есть на Президента РФ.

С учетом конституционных поправок 2020 года можно говорить о наиболее значительном влиянии Президента РФ на исполнительную власть Российской Федерации. Согласно новой редакции ст. 110 Конституции РФ исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство РФ под общим руководством Президента РФ. Так, согласно новой редакции ст. 83 Конституции РФ Президент РФ: назначает Председателя Правительства РФ, кандидатура которого утверждена Государственной Думой по представлению Президента РФ, и освобождает Председателя Правительства РФ от должности; принимает отставку Председателя Правительства РФ, заместителей Председателя Правительства РФ, федеральных министров, а также руководителей федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ.

Также Президент РФ приобретает ряд особых полномочий, расширяющих его влияние и статус по отношению к законодательной власти, а также к органам прокуратуры России. Например, согласно новой редакции ст. 83 Конституции РФ Президент РФ: пожизненно входит в Совет Федерации; назначает Генерального прокурора РФ после консультаций с Советом Федерации, но при этом самостоятельно и единолично освобождает его от должности, а также заместителей Генерального прокурора РФ, прокуроров субъектов Российской Федерации, прокуроров военных и других специализированных прокуратур.

Важно выделить правовые ситуации, которые ограничивают независимость Федерального Собрания РФ в отношении принятия законов различного уровня путем обращения Президента РФ в Конституционный Суд РФ. Так, согласно п. «а» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд РФ по запросу Президента РФ проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции РФ, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов до их подписания Президентом РФ. Это говорит о приобретении возможности Президентом РФ не допустить вступления в силу любого закона, что связано со стремлением предупредить появление законов, противоречащих существующей системе конституционных принципов, нормы которых в дальнейшем потенциально могут стать предметом конституционного производства.

Конституционные поправки 2020 года также характеризуются увеличением объема полномочий Президента РФ по отношению к судебной власти в Российской Федерации. На основании этих изменений, в настоящее время Президент РФ, например, представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Конституционного Суда РФ, заместителя Председателя Конституционного Суда РФ, Председателя Верховного Суда РФ, заместителей Пред-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1999 № 2-П «По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

седателя Верховного Суда РФ, а также вносит в Совет Федерации представление о прекращении их полномочий; назначает председателей, заместителей председателей других федеральных судов¹.

Рассматривая высшие органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, важно отметить, что в связи со сменой губернаторов, можно говорить о том, что Президент РФ, наделяя выбранных им лиц полномочиями временно исполняющих обязанности руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта России (исполняют обязанности полгода, год), фактически назначает будущего губернатора на срок временного исполнения обязанностей. Но при этом, приставка «врио» будет ликвидирована на основании итогов выборов, которые будут получены путем голосования населения субъекта на соответствующих выборах.

Таким образом, конституционные поправки 2020 года способствовали закреплению увеличения объема полномочий Президента РФ по отношению ко всем ветвям государственной власти России, что обусловлено темпами реформирования различных сфер жизнедеятельности общества, новыми вызовами и угрозами, стоящими перед государством.

Список источников

1. Морозова О.Г. Единство государственной власти: Историко-теоретический правовой аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Сев.-Кавказ. акад. гос. службы. - Ростов-на-Дону, 2003. - 26 с.
2. Бархагова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). М.: «Прспект», 2010 г. 256 с.
3. Радченко В.И. Президент Российской Федерации в системе разделения властей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: / В.И. Радченко. Саратов, 1995. 19 с.
4. Зорькин В.Д. Конституционный Суд Российской Федерации как гарант разделения властей // Конституционный Суд в системе сдержек и противовесов / Москва, 2008. С. 35.

Информация об авторах

А.А. ЗАМУРУЕВ — студент 2 курса.

Information about authors

A.A. ZAMURUEV — 2st year student.

Научная статья
УДК 342

КОНСТИТУЦИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК АЗИАТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ НОВОГО ТИПА

Елисей Станиславович КАЛИНИЧЕВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ekalinichev8@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, cherenko55@mail.ru

¹ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.

Аннотация. В статье рассматриваются причины возникновения конституции Китайской Народной Республики как азиатской конституции нового типа, а также ее влияние на экономику государства в целом. Исследуется проблема восприятия Конституции КНР международным научным сообществом.

Ключевые слова: Конституция КНР, азиатская конституция, общественный договор, конституция нового типа, социальные гарантии

THE CONSTITUTION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AS AN ASIAN CONSTITUTION OF A NEW TYPE

Elisey S. KALINICHEV

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ekalinichev8@gmail.com

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), **Y.K. Chepenko**, chepenko55@mail.ru

Abstract. The article examines the reasons for the emergence of the Constitution of the People's Republic of China as an Asian constitution of a new type, as well as its impact on the economy of the state as a whole. Perception of the Constitution of the People's Republic of China by the international scientific community.

Keywords: Constitution of the People's Republic of China, Asian constitution, social contract, new type of constitution, social guarantees

Рассматривая один из наиболее значимых феноменов конституционного права - Конституцию Китайской Народной Республики (далее – Конституция КНР), как детерминанту азиатских Конституций нового типа, в данной работе полагаем должным сделать акцент на характерных чертах китайского конституционализма, используя общенаучный аналитический метод, провести как внутренний анализ положений конституции на ее соответствие коммунистическому воззрению, так и внешний, оценив, насколько Конституция КНР выполняет роль общественного договора.

Данный анализ крайне актуален ввиду активного развития российско-китайских отношений, и интеграции многих экономических и производственных техник. Помимо этого, стоит отметить, что в последние полвека именно КНР показала один из максимальных темпов экономики, именно поэтому стоит обратить внимание на основной закон государства, особый, нормативный правовой акт - Конституцию, в правовом поле которого закреплены основы организации экономической жизни общества. Немаловажную роль анализ Конституции КНР несет и для сравнительного правоведения в России. Необходимо отметить, что именно Конституция КНР положила начала азиатским конституциям нового типа, и послужила мощным толчком к развитию правотворчества в странах азиатского блока. Все вышеизложенное требует пристального внимания и проведения сравнительного анализа следующих особенностей.

В первую очередь, хотелось бы упомянуть историю действующей Конституции КНР. Она была принята 4 декабря 1982 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва, которое осуществляет законодательную власть в КНР. При буквально-доктринальном восприятии положений Конституции КНР [1, с. 232], можно заметить, что они отличаются своей консервативностью, ярчайшим примером может послужить ст. 6 Конституции КНР, в которой говорится, что основу экономики КНР составляет общественная собственность на средства производства. Как известно, это один из основных постулатов социализма в традиционном его понимании. Данная ситуация может породить диссонанс, так как Конституцию КНР относят к Конституциям нового типа. Однако если мы обратим-

ся к предисловию, в частности, ст.1 Конституции КНР, в которой закреплен принцип «демократической диктатуры народа». По своей правовой структуре и форме реализации, данный принцип отличается от диктатуры пролетариата. Он наглядно демонстрирует, как в КНР на законодательном уровне реализуется порождаемая институтом гражданства взаимная ответственность гражданина и государства. Разумеется, данный принцип не действует единично и находит отражение и в других статьях Конституции КНР.

Получение образования в КНР, согласно конституции, является одновременно правом и обязанностью граждан. Однако государство на законодательном уровне гарантирует реализацию данного права, так как на конституционном уровне закреплена задача государства по обеспечению всестороннего, нравственного, интеллектуального развития молодежи. Наблюдая данное тесное пересечение прав и обязанностей государства и его граждан, можно увидеть, как в положениях конституции КНР, неоднократно проявляется зачастую игнорируемый в конституциях азиатских стран признак гражданства – «Институт Гражданства порождает взаимные права и обязательства гражданина и государства». По-моему мнению, данная особенность Конституции КНР явилась для нее ключевой. И именно из нее происходят все остальные характерные черты Конституции КНР, которые послужили прекрасным базисом, для столь стремительного экономического развития КНР.

Говоря о Китайском экономическом чуде, стоит упомянуть, что в ст. 11 Конституции КНР упоминается «Социалистическая рыночная экономика»¹. Это показывает, как на высшем правовом уровне была успешно осуществлена интеграция двух несовместимых идей социализма и рыночной экономики [1, с. 234]. Именно в этой идее КНР нашла способ к развитию экономики страны азиатского типа без потерь социальных гарантий и глубоко уходящей связи гражданина и государства. Об этом так же свидетельствует заявление премьер-министра Ли Пена в 1992 г. о том, что КНР принимает модель «расширяющийся спирали». Данное заявление несет под собой глубокий смысл с точки зрения связи экономики и права государства. Любые экономические изменения будут нести поступательный [1], а не революционный характер за счет активного участия субъектов частной собственности в развитии экономики государства. Роль права же заключается в ст. 6 Конституции КНР, которая допускает развитие различных форм собственности в КНР, чем стимулирует рост вовлеченности частного капитала. В ст. 15 Конституции КНР отражается, что государство является лишь макроэкономическим регулятором, осуществляя корреляцию экономики, в целях поддержания планомерного развития.

Рассматривая систему государственного устройства КНР, в первую [2, с. 20] очередь, стоит обратить внимания на активную вовлеченность населения в участии осуществления местного самоуправления на всех уровнях и во всех частях страны. Органы самоуправления формируются непосредственно избирателями и носят название местное собрание народных представителей [2]. Они наделены не характерным для азиатских стран правом избирать, и освобождать от должности руководителей провинций, городов, сел. Упомянутое вначале Всекитайское собрание народных представителей наделено рядом важных функций, не характерных для органа законодательной ветви власти. Так, например, оно может назначать Генерального прокурора Верховного народного суда, Председателя Центрального военного совета и Верховного народного суда [3, с. 73]. Выделяя данные особенности, можно судить, о том, что уникальной, правовой и социокультурный опыт страны с многовековой историей нашли отражение в ее Конституции.

В ст. 24 Конституции КНР можно увидеть заметный уклон в сторону идеологизации, характерный для социалистических стран. Государство способствует построению социалистического общества с передовой культурой и идеологией. Так

¹ Центр права КНР [Электронный ресурс]. – URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 04.02.2022).

же в ст. 30 Конституции Китайской Народной Республики было принято во внимание, что КНР - многонациональная страна. Согласно данной статье, руководить автономиями на территории КНР могут только представители тех национальностей, которые осуществляют данную автономию. Такое успешное совмещение разных способов управления государством и его развития, закреплённых на конституционном уровне, породили множество споров среди ученых правоведов [4, с. 18]. Точку в этом поставило заявление китайского правоведа Ци Джушэна «Пекин отказался от советского образца, предпочитая следовать по собственному пути построения коммунизма» [5, с. 232]. Именно поэтому конституцию КНР можно отнести к азиатским конституциям нового типа.

Список источников

1. Саидов А. Х. Конституции государств Азии. Т.3. 2010. С. 232.
2. Гудошников Г.М. Конституция КНР в процессе реформ // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке. 4.2. / ИДВ РАН. М.: 2001. С. 20.
3. Бевеликова Н.М. Законодательство Китайской Народной Республики в сравнительно-правовом измерении // Закон и Экономика, 2012. С. 73.
4. Ершов В.Ф. Россия и Китай стратегическое партнерство в условиях цивилизационный глобализации // Вестник РУДН. 2019. С. 18.
5. Ци Джушэн. Основные правовые системы современности / пер. с франц. Шанхай. 1984. С. 232.

Информация об авторах

Е.С. КАЛИНИЧЕВ — студент 2 курса.

Information about authors

E.S. KALINICHEV — 2st year student.

Научная статья
УДК 340.132.64

УЧАСТИЕ ПРОКУРАТУРЫ В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Петр Алексеевич КАРЦОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
pkarcov@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент **Вениамин Владимирович ЛАВРОВ**, veniaminl@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос о необходимости изучения и применения интерпретационной техники Конституционного Суда Российской Федерации при реализации законодательной инициативы прокурорами-субъектов. В статье рассмотрены типичные способы толкования правовых норм, потенциально способные к внедрению в прокурорскую деятельность, определена сущность отдельных способов. Проведенное исследование демонстрирует необходимость заимствования положительной практики использования методов толкования Конституционным Судом Российской Федерации, для создания бездефектного регионального законодательства при реализации нового полномочия, а также при осуществлении надзора за муниципальным правотворчеством.

Ключевые слова: толкование правовых норм, способы интерпретации, Конституционный Суд РФ, конституционное толкование, толкование прокурором, законодательная инициатива прокурора

PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE
IN NORM-SETTING ACTIVITIES: METHODOLOGICAL ASPECT

Petr A. KARTSOV

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

pkarcov@mail.ru

Scientific adviser – Head of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Candidate of Science (History), Associate Professor, V.V. Lavrov, veniaminl@mail.ru

Abstract. The article raises the issue of the need to study and apply the interpretative technique of the Constitutional Court of the Russian Federation in the implementation of the legislative initiative by prosecutors-subjects. The article deals with typical ways of interpreting legal norms, potentially capable of implementation in prosecutorial activities, the essence of individual methods is determined. The study demonstrates the need to borrow the positive practice of using interpretation methods by the Constitutional Court of the Russian Federation to create defect-free regional legislation in the implementation of new powers, as well as in the supervision of municipal lawmaking.

Keywords: interpretation of legal norms, methods of interpretation, the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional interpretation, interpretation by the prosecutor, legislative initiative of the prosecutor

Генеральным прокурором Российской Федерации в своих организационно-распорядительных документах неоднократно подчеркивалось значение обязательного учета решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) при осуществлении прокурорского надзора^{1,2,3}, что подчеркивает озабоченность надзорного ведомства вопросами реального исполнения решений Суда, в целях торжества правового государства, состояния абсолютной правовой защищенности прав и свобод человека и гражданина, посредством формирования непротиворечивого законодательства и устойчивой правоприменительной практики [1, с.8]. Важность учета мнения Конституционного Суда также обуславливается недавно принятым законом, закрепившим положительную практику наделения прокуроров субъектов правом законодательной инициативы. В частности, на основании ст. 10 указанного закона в числе субъектов права законодательной инициативы с 1 июня 2022 года появился прокурор субъекта Российской Федерации⁴.

Потребность в подобной деятельности прокурора субъекта обусловлена наличием множества дефектов, оказывающих самое негативное воздействие на правоприменительные процессы, а также на охрану и защиту прав граждан во всех областях.

Мы можем, на основании изучения практики Конституционного Суда, констатировать, что количество юридико-технических дефектов в указанной области постоянно увеличивается. Подобное положение дел вызвано не только значитель-

¹ Приказ Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС КонсультантПлюс.

² Приказ Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 19.01.2022 № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС КонсультантПлюс.

³ Указание Генеральной Прокуратуры Российской Федерации №387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р от 23.07.2020 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности» // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

ными нормативными объемами и содержательными сложностями отечественного законодательства, но и грубыми нарушениями региональными и муниципальными правотворцами основ юридической техники, что в совокупности с отсутствием практики задействования механизмов преодоления, разработанных доктриной и практикообразующими решениями Конституционного Суда существенно осложняет ситуацию [2, с. 229–239]. Фактически речь идет о следующих наиболее распространенных проблемах: некорректное применение категориально-понятийного аппарата, нарушение основ юридической техники, предметно-методологические дефекты, связанные с неверным избранием объема правового регулирования, не отвечающего характеру и содержанию имеющихся полномочий, а также иные «недостатки» [3, с. 4].

Полагаем, что корректировка нормативного поля, должна, в обязательном порядке, не только соответствовать формальным требованиям закона, но также и находится в согласии с основополагающими и ключевыми решениями Конституционного Суда, при этом не следует ограничиваться текстом резолюции, а надлежит тщательно изучить описательно-мотивировочную часть, придавая особо значение методологическим основам конституционной интерпретации.

Представляется, что именно органы прокуратуры, в силу специфики осуществляемой надзорной деятельности универсального характера, обладая необходимым ресурсами, способны создать «лаконичное», эффективное и отвечающее запросам населения конкретного субъекта законодательство в духе Конституции Российской Федерации (далее - Конституция), опосредованной конституционно-судебной практикой.

В этой связи происходит актуализация в важности понимания не только текстового аспекта резолютивной части решений Конституционного Суда по тому или иному вопросу, его обязательного учета при конструировании законопроектов, но и методики, приёмов толкования, отличающихся своеобразием.

Перейдем к обзору основных способов конституционного интерпретирования, применяемых Судом при принятии решений. Так, ст. 74 ФКЗ о Конституционном Суде¹. непосредственно указывает лишь на два используемых на практике способа толкования – буквальный² (он же грамматический) предполагающий анализ лексического, синтаксического, логического, стилистического свойства конкретной языковой конструкции и систематический (в решениях обычно приводится следующая формулировка «исходя из его места в системе правовых актов.»). Суд прибегает к систематическому (системному) способу толкования правовых конструкций (традиционная формулировка: «в системе действующего правового регулирования»). При помощи указанного способа толкования Суд преодолевает неопределенности в законодательных нормах – «с учетом иерархического построения норм в правовой системе, предполагающего, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами более высокого уровня, к числу которых относятся нормы, закрепляющие конституционные принципы, и с учетом общих целей принятия соответствующего закона³. По мнению, Суда, такое толкование направлено на «обеспечение единого, непротиворечивого правового регулирования».

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // СПС КонсультантПлюс.

² Надо сказать, что подобный метод, исходя из проведенного анализа более 50 Постановлений, применяется во всех решениях вместе с иными способами.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2008 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова, В.П. Козлова и Т.Н. Козловой» // СПС КонсультантПлюс.

Безусловно, имеющееся состояние нормативных положений не может довольствоваться перечисленными способами, Суд нередко прибегает к использованию не только традиционных методов (помимо упомянутых к таковым следует отнести, логический и догматический), но также и неклассических методов, свойственных исключительно практике конституционного нормоконтроля.

Речь идёт о «аксио-телеологическом методе». Как видно из названия в данном случае мы наблюдаем синтез аксиологического и телеологического методов толкования. Как показывает практика, подобный союз обусловлен необходимостью рассмотрения «конфликтной ситуации» и с точки зрения конституционных ценностей, коим Суд придает особое значение, в силу их абстрактно характера (те самые каучуковые нормы)¹ и в русле оценки целей принятия того или иного закона, посредством соотнесения сконструированной нормы и сложившейся практики. Именно этот элемент позволяет отграничить его от Исторического способа толкования, при использовании которого происходит исследование «эмпирических намерений» составителей законопроекта, опосредованных текстом законопроекта, подготовительными материалами и парламентскими обсуждениями. Вспомогательный характер данного метода, определён его неспособностью самостоятельно разрешить конфликтную ситуацию, не прибегая к общетраслевым методам. Необходимость же применения подобного метода возникает при обнаружении свойств ультраактивности и ретроактивности изучаемой нормы, при оценке факторов принятия закона и их влияния на существующую норму, при выяснении генезиса оспариваемого регулирования, эволюции рассматриваемых правовых механизмов².

Такую же вспомогательную, но от сего не менее важную, роль играет компаративный метод (сравнительно-правовой) при оценке конституционности законоположений, обращение к которому стало традиционным для высших национальных судов зарубежных государств. Названный метод предполагает, во-первых, сопоставление рассматриваемого регулирования за схожим, имеющим место в зарубежном правопорядке, с целью заимствования положительного опыта разрешения, сложившегося казуса и в итоге развития самого регулирования. Во-вторых, непосредственный учёт международно-правовых норм, общепризнанных принципов и прямых международно-правовых обязательств (особое внимание уделяется возможностям «Soft Law», подходам Европейского Суда по правам человека). Справедливости ради заметим, что применение изложенной методики невозможно в отрыве от конкретного дела и аксио-телеологического способа истолкования норм, в первую очередь, предполагающего сохранение фундаментальных правовых принципов, обладающих в нашем государстве высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью для государства.

В заключении рассмотрения типичных интерпретационных приёмов, нам представляется интересным, что в науке, в силу особого значения осуществляемого нормоконтроля и специфики выносимых актов, в которых можно обнаружить вид толкования, отличающийся своеобразием юридических свойств, не сводимых в «чистом» виде к какой-либо одной из известных его разновидностей происходит становление, конституционно-правового толкования. В научной литературе вполне оправданно подчеркивается, что отличительными чертами названного вида

¹ Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно подчеркивал, что оценка ценностей должна исходить из основного постулата правового государства – пропорциональность ограничений при разрешении ценностной коллизии

² Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс.

толкования как «надсистемного вида правовой интерпретации» являются использование как средств самого толкования (анализ терминов, построение логических цепочек от условий к следствию, учет системной взаимосвязи нормативных положений и так далее), так и иных правовых средств (аналогия права и закона, доктринальная оценка качества оспариваемого акта, сравнение, рецепция иностранного опыта) [4, с.35-37.].

Как видно, в настоящей работе перечислена лишь малая доля всей палитры методов интерпретации, имеющиеся в практике конституционного правосудия, тем не менее, возвращаясь к изменениям 2021 года, по нашему убеждению, прокурорам надлежит на систематической основе анализировать «интерпретационную логику» в описательно-мотивировочной части решения Суда с целью внесения обоснованных и юридико-технически «безукоризненных» законопроектов, заимствуя гибкий выработанный практикой герменевтический арсенал конституционного нормоконтроля, с целью обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности посредством наполнения соответствующее законодательство своевременными и качественными проектами.

Таким образом, в рамках участия прокуратуры в правотворческой деятельности, как при реализации права законодательной инициативы на региональном уровне, так и при осуществлении надзора за муниципальным правотворчеством нами обосновывается важность учета конституционно установленных, в том числе выявляемых конституционно-судебной практикой, требований к нормотворчеству (а также находящемуся с ним в системной связи правоприменению) для надлежащего осуществления стоящих перед прокуратурой задач. Полагаем, что непременным условием адекватного восприятия соответствующих правовых позиций Конституционного Суда является отчетливое представление о совокупности методов толкования права, которые, применяясь в ходе конституционного нормоконтроля, позволяют раскрыть содержание требований, предъявляемых к нормотворчеству и правоприменению. В этой связи формулируется принципиальный вывод о значимости обстоятельного изучения работниками прокуратуры методологии конституционной интерпретации.

Список источников

1. Васильева, Т. А. Роль органов прокуратуры в исполнении решения конституционного суда Российской Федерации / Т. А. Васильева // Криминалистика. – 2013. – № 2(13). – С. 8-14.
2. Кожокаръ И.П. Техничко-юридические дефекты в российском праве: диссертация ... доктора Юридических наук: 12.00.01 / Кожокаръ И.П.; [Место защиты: ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук], 2020. – 414 с.
3. Тихомиров, Ю. Участие прокуратуры в нормотворческой деятельности на региональном и муниципальном уровнях / Ю. Тихомиров, Л. Андриченко // Законность. – 2008. – № 7(885).
4. Гаврилов Д. А. Конституционно-правовое толкование: понятие и содержание // Legal Concept. 2011. №2.

Информация об авторах

П.А. КАРЦОВ – студент 1 курса магистратуры.

Information about authors

P.A. KARTSOV – 1st year undergraduate student.

Научная статья
УДК 342.41

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Яна Юрьевна ЛИХОМАНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
lihomanova2003yana@gmail.com

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуются отдельные проблемы конституционно-правовой ответственности. Особое внимание уделяется анализу различных подходов к определению понятия конституционно-правовой ответственности, что позволяет отразить не только плюрализм мнений ученых, но выделить общие черты и особенности данного вида ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, конституционно-правовая ответственность, негативная конституционно-правовая ответственность, функции конституционно-правовой ответственности, вина

CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY: SOME ISSUES OF THEORY

Yana Y. LIKHOMANOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
lihomanova2003yana@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), **Y.K. Chepenko**, chepenko55@mail.ru

Abstract. This article explores individual problems of constitutional-legal responsibility. Particular attention is paid to the analysis of different approaches to the definition of the concept of constitutional-legal responsibility, which allows to reflect not only the plurality of views of scientists, but also to highlight common features and characteristics of this type of responsibility.

Keywords: legal responsibility, constitutional and legal responsibility, negative constitutional and legal responsibility, functions of constitutional and legal responsibility, guilt

Юридическая ответственность представляет собой институт, который присущ всем отраслям права, в том числе и конституционной. Однако парадокс заключается в том, что по сей день в законодательстве не представлено легальное определение юридической ответственности, как таковой. Однако традиционно в научной и учебной литературе ее принято интерпретировать, как «применение мер государственного принуждения, основанное на юридическом и общественном осуждении правонарушения и выражающееся в применении к правонарушителю разного рода отрицательных последствий, характеризующиеся ограничением личного и имущественного порядка» [1, с.33].

Наиболее же спорным является вопрос о выделении конституционно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности, который до сих пор остается дискуссионным.

Многие ученые не выделяют конституционно-правовую ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности. Так, например, профессор И.Л. Честнов рассматривает данную проблематику с точки зрения невозможности выделения конституционного проступка как самостоятельного вида правонаруше-

ния, и, как следствие, ставит под вопрос предписание конституционно-правовой ответственности статус автономности. Противоположную позицию занимает В.А. Виноградов, который выступает сторонником выделения конституционно-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности, меры (в виде различного рода неблагоприятных последствий для субъектов) которой не только устанавливаются конституционно-правовыми нормами, но и направлены, прежде всего, на защиту конституционно-правовых отношений.

На основе этого В.А. Виноградов выделяют три основания конституционной ответственности: нормативное, фактическое, процессуальное. Сущность нормативного основания заключается в непосредственном закреплении на конституционном и законодательном уровнях неправомерных действий, при совершении которых возможно наступление конституционно-правовой ответственности. Кроме того, особенностью таких правонарушений является то, что они формируются именно на основе конституционных положений, а не в форме конкретного состава правонарушения, которое по своей природе присуще именно административным правонарушениям и уголовным преступлениям.

Что касается остальных двух оснований (фактического и процессуального), то они аналогично предписывают момент вступления в силу конституционно-правовой ответственности. Так, фактическим основанием применения мер государственного принуждения является само совершение конституционного нарушения. Процессуальным же основанием служит именно решение компетентного органа власти, предполагающее установление факта нарушения и определение конституционно-правовой ответственности.

Ко всему прочему, стоит отметить, что конституционно-правовая ответственность представляет собой в целом один из потенциально новых и довольно уникальных институтов юридической ответственности в России. Однако, несмотря на это, данный вид ответственности активно изучается и признается не только доктриной, но и судебной практикой.

Так, судья Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), Г.А. Гаджиев поднимает вопрос о возможности включения в единое понятие юридической ответственности конституционно-правовую ответственность. В частности, он обращает внимание на то, что при применении норм различных видов юридической ответственности ни в коем случае не должно исключаться прямое действие конституции. Кроме этого, судья КС РФ все-таки выделяет необходимость возникновения ответственности государства в конституционном плане за нарушение принципов конституционной государственности¹.

Кроме этого, в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П², применения меры воздействия на субъектов конституционно-правовых отношений с целью защиты Конституции РФ в целом вытекают непосредственно из закрепленных Конституцией РФ основ конституционного строя Российской Федерации. Исходя из вышесказанных положений, возникает необходимость в создании особого механизма, который способствовал бы эффективному исполнению закона всеми субъектами конституционно-правовых отношений их конституционной обязанности – соблюдения Конституции РФ и федеральных законов – под угрозой наступления для них негативных последствий в качестве мер конституционно-правовой ответственности.

¹ Гаджиев Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 7-15.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.2002 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета - Хасэ Республики Адыгея» // СПС «КонсультантПлюс».

Подходя к изучению конституционно-правовой ответственности, ученые при выделении данного вида ответственности в качестве самостоятельного «делятся на два лагеря»: первые рассматривают ее в целом, вторая же группа делит конституционно-правовую ответственность на негативную (ретроспективную) и позитивную. Так, например, российский конституционалист, С.А. Авакьян выступает сторонником существования двух аспектов конституционно-правовой ответственности: позитивной ответственности, сущность которой заключается в том, что все субъекты конституционно-правовых отношений несут ответственность за реализацию возложенных на них обязанностей в интересах рационального развития указанных отношений, а также негативная ответственность, которая предполагает применение определенных мер воздействия (не поощрительных) при совершении асоциального поведения субъектами конституционно-правовых отношений.

Справедливо отметить, что позитивная ответственность тождественна правомерному поведению. Именно поэтому особое внимание стоит сосредоточить именно на негативном аспекте.

Так, О.Е. Кутафин и Е.И. Козлова выступают сторонниками негативной конституционно-правовой ответственности, назначение которой заключается в стимулировании позитивной деятельности субъектов конституционных правоотношений, а в случае, если эта деятельность не является таковой, то необходимо применение определенных мер воздействия (например, замена руководящего должностного лица).

Таким образом, можно сказать, что конституционно-правовой ответственности присуще ряд особенностей, которые не свойственны другим видам юридической ответственности.

Так, например, конституционно-правовая ответственность основана на политическом принуждении. В частности, свое отражение она получает именно в политической сфере, а субъектами выступают должностные лица, органы государственной власти в целом.

Также немаловажным является то, что конституционно-правовая ответственность обладает разнообразием процедурных форм ее применения. Так, например, порядок отрешения президента будет отличаться от порядка роспуска Государственной Думы. Однако, несмотря на это, для конституционно-правовой ответственности характерно отсутствие единого кодифицированного источника, в котором бы содержались нормы, регулирующие процедуру ее применения. В основном такие нормы принадлежат различным правовым актам. Например, многие из них содержатся в Федеральных законах¹.

Пожалуй, самой отличительной особенностью конституционно-правовой ответственности является специфика основания её применения. Так, в большинстве случаев основанием выступает сам факт совершения определенного деяния, являющегося в соответствии с законом конституционным правонарушением. Состав такого правонарушения, как правило, будет характеризоваться отсутствием субъективной стороны – вины.

Таким образом, конституционно-правовая ответственность довольно многогранна и многоаспектна.

В качестве подтверждения всех вышеизложенных положений стоит привести примеры привлечения субъектов конституционных отношений к конституционно-правовой ответственности.

Так, например, в соответствии с п. 6.1 ст. 29 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» Член комиссии с правом решающего голоса, работающий в комиссии на постоянной (штатной) основе, освобождается от обязанностей чле-

¹ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс».

на комиссии в случае несоблюдения ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, которые установлены Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Также в соответствии с ч. 3 ст. 115 Конституции РФ постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента Российской Федерации могут быть отменены Президентом Российской Федерации.

Согласно п. 4 ст. 111 Конституции РФ в случае трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства Российской Федерации, а также вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы.

При рассмотрении соотношения конституционно-правовой и других видов юридической ответственности, стоит принять во внимание то, что в некоторых случаях при нарушении конституционного строя предусмотрено обязательное применение как конституционно-правовой ответственности, так и иного вида юридической ответственности.

Например, в результате вступления в законную силу обвинительного приговора суда в отношении лица, являющегося депутатом Государственной Думы, принимается решение о досрочном прекращении его депутатских полномочий Государственной Думой по инициативе фракции, в которой он состоит или по инициативе комитета, членом которого он является¹.

Ранее было упомянуто, что основная функция конституционно-правовой ответственности – поддержание конституционального строя. Данная цель достигается путем закрепления в Конституции РФ основ и фундаментальных прав и свобод граждан (в преамбуле, гл. 1 «Основы конституционного строя», гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», последних главах).

Однако стоит отметить, что конституционно-правовой ответственности присуще еще ряд функций. Так, например, восстановительная функция. Основная цель – восстановление нарушенных общественных отношений, которые подпадают под регулирование нормами конституционного права. В частности, нормализуются отношения между ветвями власти, между федерацией и субъектами федерации, а также восстанавливаются нарушенные права и свободы человека и гражданина, основы конституционного строя в целом. Восстановительная функция реализуется через осуществление прерогатив Конституционного Суда РФ по разрешению разного рода споров о компетенции органов власти и т.п. (ст. 125 Конституции РФ, ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Также конституционная ответственность осуществляет воспитательную функцию. Нормы конституции (и иные формы конституционного права) не только регулируют общественные отношения, но и ориентируют на их абсолютное соблюдение всеми субъектами конституционных правоотношений в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 15 Конституции РФ: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».

Подходя к заключению, стоит вновь обратить внимание на то, что конституционно-правовая ответственность – новый институт, который ежедневно подвергается критике многих ученых. Чаще всего данный вид ответственности не выделяется в качестве самостоятельного вида юридической ответственности.

¹ Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

Однако есть ученые, которые занимают противоположную сторону и рассматривают конституционную ответственность как обязанность отвечать за нарушение конституционных норм.

Такими образом, можно наблюдать, что в настоящее время в юридической литературе отражается плюрализм мнений при определении конституционно-правовой ответственности. Интерес к ее изучению возрастает с каждым днем. Задачей такого изучения является необходимость совершенствования законодательства с целью предписания конституционно-правовой ответственности статус автономности, а также четкого определения ее признаков и особенностей.

Список источников

1. Козлова, Е. И. Конституционное право России: учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. — 5-е изд. — Москва: Проспект, 2015. — 592 с.
2. Честнов И. Л. Учебное пособие. Ч. 2. Теория государства и права / И.Л. Честнов — СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. — 116 с.
3. Виноградов, В.А. Конституционно-правовая ответственность: системное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / В.А. Виноградов. — М., 2005. — 348 с.
4. Бойцова А.Ю. Конституционно-правовая ответственность за нарушение законодательства о выборах: вып. раб ... вып. Юр.ф. СФУ, Красноярск, 2016.
5. Гаджиев Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 7-15.

Информация об авторах

Я.Ю. ЛИХОМАНОВА — студентка 1 курса.

Information about authors

Y.Y. LIKHOMANOVA — 1st year student.

Научная статья
УДК 342.7

ДОНОРСТВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА 16 ЛЕТ, В ОТНОШЕНИИ СВОЕГО МЛАДШЕГО БРАТА (СЕСТРЫ): КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ

Александра Александровна ПАВЛЕНКО

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
aleksandra.pav@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой государственного и муниципального права, профессор кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета, заслуженный юрист Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, доктор юридических наук, кандидат политических наук, доцент **Наталья Алексеевна ФИЛИППОВА**, filipprova_na@surgu.ru

Аннотация. Автором исследованы особенности регулирования трансплантации органов и (или) тканей у живых доноров в международном и национальном праве, а также сложности имплементации норм международного права в Закон Российской Федерации от 22.12.1992 №4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Рассмотрены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и доктринальное понимание гарантированного Конституцией Российской Федерации права на жизнь, включая такой его элемент как право распоряжаться своей жизнью. Автором выявлены ограничения положений Конвенции о защите прав и достоинстве человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Овьедо, 1997) и обоснованы новые критерии допустимости прижизненного донорства несовершеннолетних, достигших 16 лет, с учетом современного понимания прав человека нового поколения.

Ключевые слова: биоэтика, донорство несовершеннолетних, право на жизнь, трансплантация

**DONATION OF MINORS WHO HAVE REACHED THE AGE OF 16
IN RELATION TO THEIR YOUNGER BROTHER (SISTER): ELIGIBILITY CRITERIA****Aleksandra A. PAVLENKO**Surgut State University, Surgut, Russian Federation
aleksandra.pav@yandex.ru

Scientific adviser — Head, Professor of the Department of Public and Municipal Law, Surgut State University, Honored Lawyer of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, Doctor of Sciences (Law), Candidate of Sciences (Politics), Docent, **N.A. Pilippova**, filippova_na@surgu.ru

Abstract. The author investigates the peculiarities of regulation of organ and (or) tissue transplantation in living donors in international and national law, as well as the difficulties of implementing the norms of international law in the Law of the Russian Federation No. 4180-I of 22.12.1992 «On transplantation of human organs and (or) tissues». The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the doctrinal understanding of the right to life guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, including its element such as the right to dispose of one's life, are considered. The author identifies the limitations of the provisions of the Convention on the Protection of Human Rights and Dignity in connection with the application of the achievements of biology and medicine (Oviedo, 1997) and justifies new criteria for the admissibility of lifetime donation of minors over the age of 16, taking into account the modern understanding of the human rights of the new generation.

Keywords: bioethics, donation of minors, the right to life, transplantation

В условиях стремительного развития инновационных технологий как национальное, так и международное право нуждается в системном правовом регулировании вопросов биоэтики и биомедицины, основанном на общих этических и правовых принципах. В системе Российского права подходы к вопросам защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в сфере здравоохранения находятся в процессе формирования. Европейский суд по правам человека, со своей стороны, не предложил толкования базовых прав и свобод в данной сфере, поскольку широкое понимание личной жизни лица, его неприкосновенности, а также права на личную и семейную жизнь в вопросах трансплантации органов и тканей человека, экстракорпорального оплодотворения и последующего хранения эмбрионов, генной инженерии и другие аналогичные вопросы являются «непростыми нравственными и этическими проблемами»¹. Один из аспектов обозначенной проблемы – правовая неопределенность статуса несовершеннолетних граждан в возрасте от 16 до 18 лет, желающих выступить донором в отношении своего младшего брата или сестры, если те нуждаются в пересадке органа (ткани) по жизненным показаниям.

Цель исследования – провести анализ положений Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 года №4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека», в том числе оценить правовое качество положений статьи 3 указанного закона с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации.

Цель может быть достигнута посредством решением следующих задач:

провести анализ международных правовых актов в сфере трансплантации органов и (или) тканей;

определить юридические границы свободы личности в распоряжении ею своей жизнью и здоровьем;

выявить несовершенства российского и (или) международного законодательства в сфере прижизненного донорства и трансплантации органов;

сформулировать предложения, направленные на совершенствование российского законодательства в этой сфере.

Решение поставленных задач в исследовании осуществлялось на основе применения общенаучных (эмпирических и теоретических) методов, а также специальных

¹ Эванс против Соединенного Королевства: постановление ЕСПЧ от 10.04.2007 (жалоба № 6339/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – №10.

методов юридической науки (формально-догматического, сравнительно-правового метода, метода толкования права, метода правового моделирования). Материалом исследования стали международные и национальные правовые акты, регулирующие вопросы трансплантологии в целом и прижизненное донорство несовершеннолетних, в частности; правоприменительная (в том числе судебная) практика; доктрины национального конституционного, медицинского, семейного права.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, круг живых доноров является ограниченным. Согласно статье 3 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 года №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (Далее – Закон о трансплантации органов) «не допускается изъятие органов и тканей (за исключением костного мозга) у живых доноров, не достигших восемнадцатилетнего возраста, а также у лиц, признанных по решению суда недееспособными»¹.

Указанную норму возможно рассматривать через призму двух противоположных подходов:

в контексте развития Концепции о соматических правах человека и гражданина (прав нового поколения) признается субъективное право распоряжаться своим телом независимо от возраста, пола, религиозной, этнической, расовой принадлежности. К содержанию этого права относится правомочие выступить в качестве живого донора (донора органов и тканей). Оно рассматривается также и как составная часть права на неприкосновенность частной жизни, и как способ реализации права на жизнь [1, с. 6]. В связи с этим норма об ограничении круга живых доноров дееспособными лицами, достигшими 18 лет, представляется несоответствующей статьям 20 и 23 Конституции Российской Федерации, поскольку оба обозначенных конституционных права не ограничены ценом возраста в качестве условия реализации.

государства наделены широкой свободой усмотрения в регулировании вопросов, затрагивающих частную и семейную жизнь лица и человеческую жизнь в целом в случае решения сложных этических проблем, к каким относится прижизненное донорство. В связи с этим ограничение круга живых доноров возрастным ценом представляется справедливым с точки зрения баланса интересов государства, общества и интересов несовершеннолетних граждан с учетом особенностей их физиологического созревания и протекания естественных биологических процессов в организме.

Обосновывая первый подход, необходимо учитывать сложившееся в конституционной доктрине понимание права на жизнь, гарантированного статьей 20 Конституцией Российской Федерации. Конституционно-правовой подход к биоэтике позволяет рассматривать содержание этого права в широком смысле, включая в него и право индивида свободно распоряжаться своей жизнью [2, с. 197], например, добровольно принимая решение поставить свою жизнь в опасное положение [3, с. 50-51]. Благодаря общественному регулятору и закону право индивида распоряжаться своей жизнью является ограниченным, однако прижизненное донорство допустимо при отсутствии значительного вреда для здоровья потенциального донора².

Если обратиться к положениям Конвенции о защите прав и достоинстве человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Далее – Конвенция о правах человека и биомедицине, Конвенция Овьедо), можно отметить, что этот документ основывается на принципе превалирования интересов и блага отдельного человека над интересами общества и науки³. Это положение фигурирует и в

¹ О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон Российской Федерации от 22.12.1992 №4180-1 // Российская газета. – 1993 г. – №4.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

³ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 27.11.2008) // Московский журнал международного права. – 1999 г. – № 35.

преамбуле Закона о трансплантации органов. А это означает, что желание несовершеннолетнего гражданина стать донором для своего брата или сестры должно рассцениваться как определяющее, иными словами, как непосредственно вытекающее из принципа автономии личности.

Обращение к принципу личной автономии при разрешении этой проблемы характерно для законодательства ряда зарубежных стран (Великобритании, Канады, Австралии, Японии и др.) и предполагает принятие самостоятельных решений индивидом в отношении своего тела в течение всей его жизни и после нее [4, с. 291]. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» Конституционный суд Российской Федерации дал толкование статьи 1 Закона о трансплантации органов. Согласно позиции Конституционного Суда, трансплантация органов и (или) тканей человека – это «средство спасения жизни и восстановления здоровья человека. Трансплантация органов и (или) тканей от живого донора осуществляется в случае, если медицинские средства не могут гарантировать сохранение жизни больного, либо восстановления его здоровья, и при наличии заключения консилиума врачей об отсутствии рисков причинения значительного вреда потенциальному донору»; при этом трансплантация органов может осуществляться «на основе соблюдения законодательства Российской Федерации и в соответствии с гуманными принципами»¹.

Тем не менее, Российскую Федерацию нельзя в полной мере назвать сторонницей принципа автономии воли.

Согласно положениям Дополнительного протокола к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека (Далее – Протокол), для трансплантации ткани или органов живого донора необходимо соблюдение двух требований:

- «наличие свободного информированного и определенного согласия живого донора на трансплантацию с правом в любой момент данное согласие отозвать;
- лицо должно быть способно дать свободное информированное и определенное согласие на трансплантацию, за исключением случаев, когда получателем тканей неспособного дать согласие донора является брат или сестра донора, пожертвование является жизненно необходимым для получателя, законный представитель дал согласие на трансплантацию тканей в соответствующей форме, а также в случаях, когда способного дать согласие и являющегося совместимым донора не существует»².

Конвенция о правах человека и биомедицине и соответствующий к ней Протокол не ратифицированы Российской Федерацией. Тем не менее Конституционный суд Российской Федерации признал допустимым использование положений Конвенции и ее протоколов для формирования российского законодательства о трансплантации³.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – №3.

² Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человеческого происхождения (ETS № 186) (Подписан в г. Страсбурге 24.01.2002) // Серия европейских договоров. – 2002. – № 186.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=194949&dst=100001#sWEGRnSgBZnEM9w01> (дата обращения: 31.10.2021).

Однако европейский подход имеет ряд ограничений.

Во-первых, его недостатком является неоднозначность используемой в документах терминологии. Поскольку отсутствуют критерии лица, способного дать свободное информированное и определенное согласие на трансплантацию, имплементация норм Конвенции в исходном варианте может привести к противоречивому регулированию в этой сфере и нарушению прав человека и гражданина.

Во-вторых, европейский подход не учитывает не менее важный критерий для живого донора – это осознание и понимание в полной мере последствий для организма и в целом жизнедеятельности человека в случае трансплантации органа и (или) тканей. Особенно, когда донором желает выступить несовершеннолетний гражданин, поскольку подобного рода вмешательство может негативно отразиться на формирующемся и созревающем организме.

Тем не менее, включение положений Конвенции Овьедо в правовую систему России предполагается необходимым для России шагом. Для этого статья 3 Закона о трансплантации должна быть дополнена следующим положением: «Изъятие органов и (или) тканей у живого донора, достигшего 16 лет, допускается в отношении младшего брата или сестры при наличии реальной угрозы для жизни младшего брата или сестры, если непринятие мер по трансплантации органа или (ткани) может привести к гибели больного».

Статья 6.1 Закона о трансплантации может быть изложена так:

«Статья 6.1. Критерии допустимости использования органов и (или) тканей живого донора.

1. Трансплантация органов и (или) тканей живого донора допускается при наличии полного информированного согласия донора о проведении процедуры, а также полного информирования донора в доступной для него форме о возможных последствиях трансплантации для его организма.

2. Трансплантация органов и (или) тканей живого донора, достигшего возраста 16 лет, допускается в случаях, предусмотренной статьей 3 настоящего Закона, при наличии следующих условий:

а) наличие заключения консенсуса врачей, в том числе с участием психиатра, о зрелости и способности организма несовершеннолетнего выступить донором;

б) наличие заключения консенсуса врачей, в том числе с участием психиатра, о психологической готовности лица стать донором;

в) лицо осознает возможные последствия для организма после проведения процедуры трансплантации и влияния указанной процедуры на биологические процессы организма;

г) наличие согласия одного из законных представителей несовершеннолетнего.».

Таким образом, статья 3 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 года №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» представляется соответствующей Конституции Российской Федерации, поскольку Конвенция Овьедо и протоколы к ней не были ратифицированы, и в приведении в соответствии с ними законодательства в сфере трансплантации пока не требуется. Однако стремительное развитие прав нового поколения кардинально меняют доктринальное понимание незыблемых прав человека и гражданина и требуют соответствующего времени реагирования со стороны законодателя. Закон о трансплантации в данном вопросе устаревает, поскольку содержит классическое понимание права на жизнь и границ распоряжения им, в то время как наука и общество предлагают более широкое и актуальное понимание, а именно: позволить индивиду распоряжаться своей жизнью в той мере, в какой прижизненное донорство не наносит значительный вред здоровью потенциального донора, достигшего возраста 16 лет, и оправдывает общественный и личный интерес – сохранить жизнь своего близкого родственника.

Список источников

1. Поцелуев Е.Л. Понятие и виды личностных (соматических) прав человека / Е.С Данилова, ЕЛ. Поцелуев / Наука. Общество. Государство. – 2015. № 1(9). – С.6
2. Пospelova C.И. Донорство как одна из форм реализации конституционного права человека на жизнь в Российской Федерации: Автореф.дис... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 197с.
3. Опалева А.А. Право личности на свободное распоряжение своей жизнью как правомочие права на жизнь // Вестник экономической безопасности. – 2015. – №3. – С. 50-51.
4. Довгополик А.С. К вопросу о правовых формах изъятия органов и тканей человека для трансплантации // Сборник материалов всероссийской молодежной научной конференции «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 2018). – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. – С. 291.

Информация об авторах

А.А. ПАВЛЕНКО – студентка.

Information about authors

A.A. PAVLENKO – Student.

Научная статья
УДК 342.41

**МЕСТО РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА**

Диана Дмитриевна СЕРГЕЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
dianadisergeeva@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. Цель данной научной статьи заключается в рассмотрении решений Конституционного Суда в качестве самостоятельного источника права. Автором статьи проанализированы общие черты решений Конституционного Суда и судебного прецедента как источника права, решения Конституционного Суда и нормативно-правового акта. В статье рассматриваются различные позиции ученых-правоведов, которые помогают определить место решениям Конституционного Суда в системе источников права.

Ключевые слова: Конституционный Суд, решения Конституционного Суда, источник права, российская правовая система, судебный прецедент, нормативно-правовой акт

**THE PLACE OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE SYSTEM OF SOURCES OF RUSSIAN LAW**

Diana D. SERGEEVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
dianadisergeeva@yandex.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), **Y.K. Chepenko**, chepenko55@mail.ru

Abstract. The purpose of this scientific article is to consider the decisions of the Constitutional Court as an independent source of law. The author of the article analyzes the common features of the decisions

of the Constitutional Court and the judicial precedent as a source of law, the decisions of the Constitutional Court and the normative legal act. The article examines various positions of legal scholars who help to determine the place of decisions of the Constitutional Court in the system of sources of law.

Keywords: Constitutional Court, decisions of the Constitutional Court, source of law, Russian legal system, judicial precedent, regulatory legal act

Вопрос о том, какое место занимают решения Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников российского права волнует научное сообщество уже долгое время. Его исследованием занимались различные ученые-правоведы [1, 2, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11], в числе которых есть и судьи Конституционного Суда РФ [3, 8].

Начать рассмотрение этого вопроса необходимо с определения типа российской правовой системы. Она имеет ряд черт, присущих странам, входящим в романо-германскую правовую семью. К ним относят выделение в качестве основного источника права нормативно-правовой акт; формирование права как системы законодателем; деление права на отрасли и институты; деление права на частное и публичное; кодифицированность права; рецепция римского права (в сфере частного права) [1, с. 83]. Таким образом, можно сделать вывод, что судебный прецедент свойственный англо-саксонской правовой системе, не будет иметь никакого значения в российской правовой системе. На этом и можно было бы закончить, если бы за последние десятилетия не происходило такого процесса, как глобализация, который отразился и на праве в том числе. За счет него произошло взаимовлияние правовых систем, в результате чего сейчас у каждой системы наблюдаются черты других систем. Так, в странах романо-германской правовой системы возрастает значение судебной практики, а в странах англо-саксонской - повышается роль законодательства, наблюдается процесс кодификации судебных прецедентов. Соответственно, вопрос о том, какое место занимает судебный прецедент, а в частности, решения Конституционного Суда РФ, является более чем дискуссионным, ведь от ответа на него будет зависеть, какую роль он будет играть среди других источников права.

Следует также упомянуть, что официальная правовая доктрина советского государства не признавала судебный прецедент как источник права [2, с. 69].

Обосновывалось она тем, что, во-первых, данное признание не согласовывалось с принципами, на которой построена романо-германская правовая система, не знающая судебного прецедента в качестве источника права. Но, как уже говорилось ранее, в последнее время наблюдается тенденция взаимопроникновения систем, поэтому данный тезис уже не является актуальным.

Во-вторых, в советской правовой доктрине говорилось о том, что признание судебной практики в качестве источника права будет противоречить принципу разделения властей, т.е. правосудие, пусть даже и конституционное, изначально не предназначено в системе разделения властей для создания норм права. Здесь можно отметить и аргумент об ослабление правотворческой деятельности законодательных органов. Но, как отмечает профессор Н.С. Бондарь, принцип разделения властей нельзя в данном случае сводить лишь к невозможности осуществления правотворческой деятельности только органами законодательной власти. Это подтверждается также тем, что в системе разделения властей признается нормотворческая функция органов исполнительной власти [3, с. 76].

В-третьих, в советской правовой доктрине предполагалось что при признании судебного прецедента станет возможным судебный произвол в процессе одновременного выполнения правотворческих и правоприменительных функций судом. Но здесь стоит отметить, что правотворческими функциями обладали бы только высшие суды, в частности Конституционный Суд, а вот функцию правоприменения куда чаще выполняют именно нижестоящие судебные инстанции.

Так, например, В.В. Лазарев отмечает, что нежелание признавать судебный прецедент в качестве источника права обуславливалось еще и тем, что работал миф об исключительно высоком уровне советского законодательства, не знающего ни пробелов, ни иных недостатков [4, с. 93].

Соответственно, хотелось бы отметить, что аргументы против признания судебного прецедента в качестве источника права не выглядят убедительными и опровергаются.

Рассмотрение вышеупомянутого вопроса еще осложняется другим вопросом: что можно считать судебным прецедентом в России, в частности, можно ли считать судебным прецедентом решения Конституционного Суда? Профессор И.Л. Честнов дает следующее определение судебному прецеденту – это судебное решение, будучи само по себе индивидуальным правоприменительным актом, которое содержит норму права, так как оно является обязательным для решения последующих аналогичных дел. Там же он отмечает, что в буквальном смысле слова, учитывая именно формальные моменты, постановления Конституционного Суда РФ судебными прецедентами не являются, но при этом, как замечает автор, они представляют собой интерпретационные акты, которые не только уточняют, конкретизируют существующие правовые нормы, но придают им новый смысл, т. е., по сути, создают новые правила поведения [5, с. 81].

Этой же точки зрения придерживается и профессор Е.И. Козлова. Обосновывает ее она тем, что решения Конституционного Суда не могут заменять закон при решении конкретных дел, а также тем, что исключительно ими нельзя обосновать решение суда, что, в свою очередь, возможно при существовании института прецедента [6, с.30].

Но все же если рассматривать еще тот факт, что помимо того, что решения Конституционного Суда РФ создают новые правила поведения, они еще и официально являются обязательными, а также принимаются по конкретному делу, то можно заявить о том, что неформально их все же можно рассматривать как судебные прецеденты.

Этот же довод поддерживает А. Ю. Мкртумян в своей диссертации, находя ему очень интересное подтверждение. Он обращает внимание на то, что Конституционный Суд в случае, когда по предмету обращения ранее было вынесено определение или постановление, отказывает в рассмотрении жалобы и ссылается на предыдущее решение, сохраняющее свою юридическую силу. Соответственно, Конституционный Суд РФ фактически разрешает поставленный в обращении вопрос, не проводя публичного разбирательства и вынося при этом определение со ссылкой на свое прежнее решение. А это не что иное, как судебный прецедент [7, с. 125].

Практически об этом же говорит и Х. И. Гаджиев, отмечая, что рассматривая все последующие дела, Конституционный Суд должен исходить из презумпции истинности ранее высказанной им позиции. И, согласно практике, его решения служат судебными прецедентами при разрешении им аналогичных дел в будущем [8].

Решения Конституционного Суда относят также к судебным прецедентам, а именно к прецедентам толкования права, В.В. Лазарев. Он говорит о том, что при различии толкования права сторонами возникает необходимость получения «правильного» толкования той или иной нормы судом (а на это уполномочен только Конституционный суд). Полученное толкование не является примирительным исключительно к одному конкретному случаю, а оно вплетается в норму, действует вместе с ней и приобретает общий характер [4, с. 94].

Необходимо также выяснить какими юридическими свойствами обладают решения Конституционного Суда. А сделать это будет возможно после определения функций Конституционного суда. В соответствии со статьей 1 ФКЗ «О Конститу-

ционном Суде Российской Федерации»¹ Конституционный суд осуществляет свою деятельность в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации. То есть решения Конституционного Суда, прежде всего, направлены на охрану Конституции.

Далее следует отметить, что Суд не рассматривает конкретные дела, он оценивает на соответствие Конституции РФ примененные в них законы [9, с. 139]. Соответственно суть такого судебного разбирательства заключается не в определении фактических обстоятельств дела и назначения справедливого наказания, а в определении соответствия того или иного нормативно-правового акта Конституции РФ, его правильном толковании.

Конституционный Суд не имеет права формально отменять закон, то есть он в любом случае не выступает в роли законодателя, но при этом, признав то или иное положение неконституционным, Конституционный Суд фактически отменяет ту норму права, поскольку ее исполнение становится невозможным. Как следствие, Конституционный Суд избавляет правовую систему от ненужных, противоречащих норм.

Решения Конституционного Суда по своей юридической силе стоят выше закона, т.к. являются толкованием Конституции и, примыкая к ней, воспринимаются в неразрывном с ней единстве. Принимаются они в форме постановлений, заключений, определений (ст. 71)².

Рассмотрев сходство решений Конституционного Суда и судебного прецедента, представляется разумным провести сравнение юридических характеристик решений Конституционного Суда и нормативно-правовых актов.

Так, нормативно-правовые акты имеют следующие характеристики: они издаются компетентным государственным органом в пределах их полномочий; их принятие требует соблюдения определенной процедуры; они устанавливают, изменяют или отменяют нормы права; имеют четко установленную форму (письменного акта-документа); обладают юридической силой; подлежат официальному опубликованию [10, с.45-47].

Если же говорить о решениях Конституционного Суда, то они также издаются компетентным государственным органом (а именно Конституционным судом); принимаются в соответствии с определенной процедурой; фактически «отменяют» нормы права, признавая их неконституционными и могут выступать в качестве новых норм права, до того момента, пока законодательные органы не разработают соответствующие нормативно-правовые акты; также имеют четко установленную форму, обладают юридической силой и официально публикуются.

Становится ясно, что решения Конституционного Суда имеют общие черты как с судебным прецедентом, так и с нормативно-правовым актом, что делает их по истине уникальными источниками права. И если это так, то почему бы не признать их тогда источниками российского права? Этим вопросом задавался и В.В. Захаров, который считает неоправданным лишение качества источников права тех актов, которые вносят изменения в правовую систему, изменяют содержание права, но не несут в себе «позитивных» норм регулятивного характера [11, с. 25].

Решения Конституционного суда, являясь источниками Конституционного права, вносят свой вклад в его развитие, способствуют минимизации противоречий среди правовых норм и уже фактически являются источниками права, остается только добиться их официального формального признания. Лично я считаю, что ре-

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 25 июля 1994г. - №13. - Ст.1447.

² N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

шения Конституционного Суда должны быть признаны в качестве одного из источников российского права, поскольку эти решения рассматриваются в неразрывной связи с Основным законом государства, являются обязательными для исполнения и не подлежат обжалованию и отмене.

Список источников

1. Рассказов, Л. П. Сходство и различие российской правовой системы и романо-германской правовой семьи // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 4 (34). – С. 76-84.
2. Беляева, О. М. Правовые позиции Конституционного суда РФ как источника права и форма судебного правотворчества / О. М. Беляева // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 5. – С. 69-71.
3. Бондарь, Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. – 2007. – № 4 (124). – С. 75-85.
4. Лазарев, В. В. Нормативная природа судебного прецедента / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2012. – № 4(184). – С. 92-99.
5. Честнов, И. Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 2. Теория права / И. Л. Честнов. – Санкт-Петербург: Санкт Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – 116 с.
6. Козлова, Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. – 5-е изд., / Е. И. Козлова. – М.: Проспект. – 2014. – 592с.
7. Мкртумян, А. Ю. Судебный прецедент в гражданском праве России и Армении // М.: Юристъ. – 2011. – с.125
8. Гаджиев, Х. И. Постановления КС РФ как источник права. / «Право и жизнь», www-версия бумажного журнала. – [Электронный ресурс] URL: <http://uf.kgsu.ru/lib/doc.php?path=Kafedra+TIGP/TGP/Stat%60i/H.+Gadjiev++Postanovleniya+KS+RF+kak+istochnik+prava.htm&name=%D5.+%C3%E0%E4%E6%E8%E5%E2++%CF%EE%F1%F2%E0%ED%EE%E2%EB%E5%ED%E8%FF+%CA%D1+%D0%D4+%EA%E0%EA+%E8%F1%F2%EE%F7%ED%E8%EA+%EF%F0%E0%E2%E0> (дата доступа: 23.02.2022).
9. Кушак, Я. В., Короткова, М. В. К вопросу о прецедентной природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Образование и право. – 2014. – № 5-6.
10. Скакун, О. Ф. . Теория государства и права: Учебник. – Харьков: Консум; Ун-т внут. дел. – 2000. – 704 с.
11. Захаров В. В. Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права // Журнал российского права. – 2006. – № 11 (119). – С. 25-31.

Информация об авторах

Д. Д. СЕРГЕЕВА — студентка 1 курса.

Information about authors

D. D. SERGEEVA — 1st year student.

Научная статья
УДК 341.231.14

МЕСТО И РОЛЬ ЕКПЧ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Владимир Владимирович СЫНКОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
synkovvv@yandex.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Евгеньевна АМПЛЕЕВА**, zeena68@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить место Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод в правовой системе России, а также рассмотреть ее роль и

влияние на российскую правовую реальность. Кроме того, рассматривается значение практики Европейского Суда по правам человека для реализации Конвенции в национальной правовой системе.

Ключевые слова: Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод, правовая система, Европейский Суд по правам человека, правовые стандарты ЕСПЧ, правоприменение

PLACE AND ROLE OF THE ECHR IN THE LEGAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA

Vladimir V. SYNKOV

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

synkovvv@yandex.ru

Scientific adviser – Head of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor. **E.E. Ampleyeva**, zeena68@mail.ru

Abstract. The article attempts to determine the place of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the legal system of Russia, as well as to consider its role and impact on the Russian legal reality. In addition, the importance of the practice of the European Court of Human Rights for the implementation of the Convention in the national legal system is considered.

Keywords: European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, legal system, European Court of Human Rights, ECHR legal standards, law enforcement

Человек, его права и свободы, согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, являются высшей ценностью для политического курса страны как демократического правового государства. Кроме того, в ч. 4 ст. 15 Конституции России закреплено, что общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации, в том числе и в сфере защиты прав человека, являются составной частью ее правовой системы, что объясняется включенностью нашей страны в мировое сообщество, стремлением соответствовать высоким общеевропейским стандартам в области защиты и современного уровня обеспечения прав человека.

Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ, Европейская конвенция, Конвенция) может по праву считаться Хартией прав человека для современной Европы. Вышеуказанная Конвенция была ратифицирована Российской Федерацией 5 мая 1998 года, что явилось одним из важнейших шагов на пути реализации обязательств, взятых Россией при вступлении в Совет Европы¹. Следует отметить, что первоначально текст Конвенции содержал лишь базовый набор прав и свобод, по поводу которых представителям европейских государств удалось достичь консенсуса. Конвенция и установленная двухуровневая система (Европейская комиссия-Суд) должна была выполнять роль «тревожного звонка», который бы сигнализировал о превращении того или иного Государства в тоталитарное. Одновременно Конвенция закрепляет основные права и свободы, которые должны быть гарантированы каждому человеку, находящемуся под юрисдикцией Государства-Члена Совета Европы. Это особенно важно в условиях построения правового государства, а также осуществления на территории Государства-Члена общеправового принципа верховенства права.

Согласно ст. 3 Устава Совета Европы «каждый Член Совета Европы должен признавать принцип верховенства права и принцип, в соответствии с которым все лица, находящиеся под его юрисдикцией, должны пользоваться правами человека и основными свободами, и искренне и активно сотрудничать во имя достижения

¹ О выполнении Россией обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы [Электронный ресурс] // Европейский Омбудсман: сайт. – 2022. – URL: http://euro-ombudsman.org/reference/annual_reports_of_ombudsmen/o-vpolnenii-rossiey-obyazatelystv-prinyath-pri-vstuplenii-v-sovet-evrop (дата обращения: 03.02.2022).

цели Совета...»¹. Вместе с тем, концепции верховенства права и правового государства представляют собой разные идеи с различным правовым содержанием. Как указывает И. Улитская (I. Ulitsky), концепция правового государства недостаточно разработана и ее нельзя полноценно сравнивать с концепцией верховенства права, имеющей долгую и богатую историю [1, р.70; 4]. При этом идея верховенства права заключается в существовании основополагающих принципов, которыми в своей деятельности связаны государственные органы власти. Причем эти принципы являются частью исторической традиции страны [2, р.16].

Концепция же правового государства предполагает соблюдение и исполнение всеми субъектами права (и прежде всего органами государственной власти и их должностными лицами) законодательных установлений, действующих на территории государства. Иными словами, эта концепция как бы «закрывает» государство на самого себя, поскольку оно (государство) должно следовать предписаниям, им же установленным.

Думается, выход может быть найден в логическом объединении двух концепций – верховенства права и правового государства. Государственная власть «самоограничивается» (по терминологии А. Шайо) в рамках правового государства, закрепляя на уровне конституции, принципы, свойственные идее верховенства права. В этом смысле Европейская конвенция приобретает особое значение, поскольку изначально создавалась как ориентир в области прав человека для всех европейских государств [3, р.17-43].

Для Российской Федерации нормы Европейской конвенции были особенно важны в 1993 г. в силу отсутствия сформированной традиции верховенства права и новизны концепции правового государства. Создание советского государства в свое время привело к формированию извращенного подхода к праву как инструменту классовой борьбы, когда «всякий закон, включая конституционный (курсив мой – В.С.), в любое время может быть изменен или отменен, если потребности классового господства вызовут такую необходимость» [4, с.108-109]. Стремление создать законодательство, качественно отличное от законодательства «буржуазных стран» привело к отказу от фундаментальных общеевропейских принципов права – равенства, справедливости, законности.

Воссоздание идеи правового государства, стремление обеспечить реализацию концепции верховенства права привели к отказу от многих идей советского прошлого. Законодательство России кардинально изменилось и, не в последнюю очередь, за счет влияния ЕКПЧ после вступления России в Совет Европы. Конвенция определила приверженность нашей страны идеалам и принципам, являющимся общим достоянием европейских Государств. Европейская конвенция является весомой частью этой традиции, поэтому имеет существенное значение для российской правовой системы.

Европейская конвенция занимает особое место в национальном праве каждого из Членов Совета Европы. В целом следует выделить несколько моделей ее положения в иерархии источников права в рамках отдельно взятой правовой системы. Стоит отметить, что существует два способа имплементации Конвенции в национальное законодательство. В соответствии с первым способом (трансформационным), правовые положения Конвенции непосредственно воспроизводятся в национальном законодательстве. В такой ситуации нормы Конвенции, воплощенные в форме, например федерального закона, имеют законодательный статус. Второй способ (рецепционный) предполагает, что Конвенция непосредственно «включается» в национальное законодательство после ее ратификации [5, с.14]. При этом

¹ Устав Совета Европы, Лондон (заключено 5 мая 1949 г.) Официальный перевод Российской Федерации для подготовки к ратификации [Электронный ресурс] // Совет Европы: официальный сайт. – 2022. – URL: <https://tm.coe.int/1680306055> (дата обращения: 04.02.2022).

Конвенция обладает приоритетом над нормами федерального законодательства, однако не имеет преимуществ перед национальной конституцией.

В Российской Федерации в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции реализована последняя модель, предполагающая, что Конвенция в национальной правовой системе обладает статусом, выше федерального закона, а значит в случае противоречия норм федерального или регионального законодательства нормам Конвенции, применению подлежат именно конвенционные нормы. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 10.10.2003 года № 5 разъяснил, что «положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно». Это означает, что суды при вынесении решений могут непосредственно применять положения Европейской конвенции, ссылаясь на конкретные ее нормы.

Как было отмечено выше, конституция государства при этом обладает приоритетом перед нормами Европейской конвенции. На наш взгляд, сама по себе Конвенция не может противоречить Конституции Российской Федерации, поскольку в основу и того и другого акта были положены единые идеи в области прав человека [6, с.86]. Вместе с тем, может возникнуть ситуация, когда норма Европейской конвенции в ее истолковании Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд, Страсбургский Суд), может войти в противоречие с нормой Конституции Российской Федерации.

Нормы Конвенции сформулированы достаточно широко, их применение обеспечивается за счет правовых стандартов, разрабатываемых ЕСПЧ. Причем в самом ЕСПЧ культивируется идея о том, что ЕСПЧ является «живым инструментом». Это означает на практике, что (1) Суд принимает во внимание «стандарты сегодняшнего дня»; (2) такие стандарты должны быть общими или разделяться большинством европейских Государств; (3) Суд не будет придавать решающего значения тому, что Государство-ответчик считает для себя (т.е. в рамках национальной правовой системы) приемлемым стандартом в рассматриваемом деле [7, р.108-109].

ЕСПЧ исходит из того, что разработанные им правовые позиции должны учитываться государственными органами и судами при принятии юридических решений. Причем установление Европейским Судом нарушения прав заявителя является основанием для пересмотра судебных постановлений для российских судов в соответствии с нормами процессуального законодательства Российской Федерации.

Вместе с тем, современное состояние двусторонних отношений России и Совета Европы создает трудности в процессе восприятия практики Европейского Суда. Ряд решений Страсбурга (*inter alia*, *Konstantin Markin v. Russia*, Appl. no. 30078/06; *ОАО Neftanaya kompaniya Yukos v. Russia*, Appl. no. 14902/04, а также *Anchugov and Gladkov v. Russia*, Appl. nos. 11157/04 и 15162/05) вынудил Конституционный Суд Российской Федерации применить доктрину «конституционной идентичности».

Справедливости ради отметим, что ситуация, когда орган конституционного нормоконтроля вынужден искать компромисс между нормами национальной Конституции и постановлением ЕСПЧ, характерен не только для России. Так, в 2004 году Федеральный конституционный суд Германии (далее – ФКС), по делу *Görgülü v. Germany* (Appl. no. 74969/01), напомнил о статусе ЕСПЧ в национальном законодательстве, а также обозначил, что «стремление Германии интегрироваться в международное сообщество, тем не менее, не предполагает отказа от суверенитета, заключенного, прежде всего, в Основном законе». Этот вывод ФКС был понят многими правоведами как «восстание» против ЕСПЧ и всей страсбургской системы защиты прав человека. Вместе с тем, и сам ФКС и представители немецкой юри-

дической мысли указали, что «Германия остается привержена общеевропейским стандартам защиты прав человека и рассматривает исполнение постановлений ЕСПЧ в первую очередь с точки зрения стремления Германии быть включенной в европейское сообщество» [8, p.729]. В этом смысле несколько непонятной выглядит риторика, избранная Председателем Конституционного Суда В.Д. Зорькиным, заявившим, что «Россия, если захочет, может выйти из-под юрисдикции Европейского суда» [9]. Представляется, что Конституционный Суд Российской Федерации должен стремиться к поиску наилучшего компромисса между положениями Европейской конвенции (в их истолковании, данном ЕСПЧ) и российской Конституцией, обеспечивая интеграцию России в европейскую систему защиты прав человека.

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

Европейская Конвенция по защите прав человека и основных свобод играет особую роль в правовой системе России, обеспечивая ее интеграцию в европейскую систему защиты прав человека, а также выступая ориентиром в процессе обеспечения правового и демократического характера российского государства;

В иерархии источников права в российской правовой системе Конвенция обладает приоритетом по отношению к нормам федерального и регионального законодательства. Вместе с тем, этот приоритет не распространяется на Конституцию России, которая обладает высшей юридической силой;

Европейская Конвенция должна рассматриваться в неразрывной связи с правовыми позициями ЕСПЧ. Национальные органы власти и российские суды в своей правоприменительной практике обязаны учитывать позиции Страсбургского суда в его новейшей редакции по тому или иному конкретному вопросу защиты прав человека.

Конституционный Суд Российской Федерации играет особую роль в процессе реализации норм Европейской конвенции, выраженных в правовых позициях Страсбургского суда, поскольку должен стремиться к наибольшей гармонизации общеевропейской системы защиты прав человека и российского права. Международные обязательства России по соблюдению Европейской конвенции должны определять задачу Конституционного Суда Российской Федерации учитывать правовые позиции ЕСПЧ и максимально использовать их в своей практике для распространения общеевропейских принципов и стандартов защиты прав человека для их утверждения в национальной правовой системе.

Список источников

1. Ulitsky I. Legal and Constitutional Basis for the Development of the Rule of Law in Russia //61 Bulletin of the Australian Society of Legal Philosophy. – 1993. – № 12. – P. 69-88.
2. Waldron J. The Rule of Law [Electronic resource] //The Stanford Encyclopedia of Philosophy: site. – 2022. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/rule-of-law/> (date of request: 04.02.2022).
3. Toward the «Rule of Law» in Russia? Political and Legal Reform in the Transition Period / Donald D. Barry (ed.). – Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1992. – 402 p.
4. The European Court of Human Rights between Law and Politics / ed. by J. Chrisoffersen and M.R. Madsen. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 255 p.
5. Неновски Н. Единство и взаимодействие государства и права. – Москва: Прогресс, 1982. – 148 с.
6. Амплеева Е. Е. Практика Европейского Суда по правам человека и ее значение для развития национальной правовой системы защиты прав человека //Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. – № 2 (31). – С.13-17.
7. Николаев А. М. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и конституционные права и свободы человека //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 11 (17). – С.85-88.
8. Constituting Europe. The European Court of Human Rights in a National, European and Global Context / ed. by A. Føllesdal, B. Peters and G. Ulfstein. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 486 p.
9. Hoffmeister F. Germany: Status of European Convention on Human Rights in domestic law // International Journal of Constitutional Law. – 2006. – Vol.4, Iss.4. – P.722-731.

Информация об авторах

В.В. СЫНКОВ – студент 1 курса магистратуры.

Information about authors

V.V. SYNKOV – 1st year master's student.

Научная статья
УДК 342.565.2

ПРИЧИНЫ УПРАЗДНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Максим Алексеевич ЧЕРНОБРОВИН¹, Юлия Алексеевна СМИРНОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ maxcherno2003@mail.ru

² yulias200303@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Яна Константиновна ЧЕПЕНКО**, chepenko55@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема упразднения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Авторы определяют роль данных судов в системе правосудия и причины их ликвидации, а также предлагают варианты реформирования региональной системы конституционного правосудия.

Ключевые слова: конституционный (уставный) суд субъекта РФ, региональная конституционная юстиция, конституционное правосудие

REASONS FOR THE ABOLITION OF CONSTITUTIONAL (STATUTORY) COURTS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maxim A. CHERNOBROVIN¹, Yulia A. SMIRNOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

¹ maxcherno2003@mail.ru

² yulias200303@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), **Y.K. Chepenko**, chepenko55@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of the abolition of constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation. The authors define the purpose of these courts in the justice system and the reasons for their liquidation, and also propose options for reforming the regional system of constitutional justice.

Keywords: constitutional (statutory) the court of the subject of the Russian Federation, regional constitutional justice, constitutional justice

Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации прошла тернистый путь - путь недоработок и компромиссов. Система в самом начале своей истории столкнулась с многочисленными проблемами, следствием которых стала

ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов России к 2023 году¹. Каковы же причины упразднения конституционных судов субъектов РФ? На этот вопрос мы и ответим в данной статье, но сначала выясним, какой момент стал переломным в региональной системе конституционного правосудия, обратившись к её истории.

Двухуровневая судебная система существовала в России не всегда. Однако после Судебной реформы 1991 года в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года² впервые упоминается о разделении единой унитарной системы юстиции на федеральную и республиканскую. Такое деление означало еще один шаг к подлинно федеративному государству. Так, к органам конституционного контроля помимо Конституционного Суда РСФСР предполагалось относить органы конституционного контроля республик в составе Российской Федерации.

Конституционный Суд Республики Дагестан был образован первым среди субъектов России 27 декабря 1991 года. 18 декабря 1991 года Комитет конституционного надзора был преобразован в Конституционный Суд Дагестанской ССР. Уже к 1993 г. конституционные суды были созданы (или их создание предусматривалось в конституциях) в республиках Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Мордовия, Саха (Якутия), Татарстан и Чечня.

Свою роль в развитии региональной судебной системы сыграла принятая на всенародном референдуме в 1993 году Конституция Российской Федерации. Конституция прямо не предусматривала право субъектов Российской Федерации на создание конституционных (уставных) судов. Однако данное право вытекало из других конституционных положений³. В частности, наиболее аргументированным, на наш взгляд, представляется мнение доктора юридических наук А.Г. Гатаулина: «Право субъектов Российской Федерации на образование конституционных (уставных) судов вытекало из положений Конституции Российской Федерации, устанавливающих, что республики (государства) и другие субъекты Российской Федерации организованы и функционируют на основе учредительных актов – конституций и уставов, контроль за соблюдением которых входит в компетенцию самих субъектов Федерации» [1, с.37-39].

Стоит упомянуть и негативные аспекты процесса создания регионального конституционного правосудия. Так, например, Конституционный Суд Мордовии, созданный в 1994 году, был упразднён меньше, чем через год своего функционирования. Одни считают, что ликвидация Конституционного Суда была отказом от последовательного процесса демократического конституционного реформирования государственного устройства республики. Другие же, что Конституционному Суду изначально было предопределено недолгое существование, которое заключалось в оказании влияния на процедуру отстранения от должности демократически избранного Президента Гусляникова В.Д. [2] В 1996 году статья 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» закрепила право субъектов на создание конституционных (уставных) судов субъектов, исключив возможность противоречий по данному вопросу⁴. Данный федеральный конституционный закон стал основой для создания конституционных судов в Республике Марий Эл, Свердловской области – 1998 г.; в 2000 г. - в Санкт-Петербурге; в 2003 г. - в Республике Тыва, Калининградской области.

¹ Федеральный конституционный закон от 08 декабря 2020 года №7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 года №1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

³ П. «г» ст.71, п. «а» ст.72 Конституции Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: текст с изм. и доп. на 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Дальнейшее развитие региональной системы конституционных судов прошло сложно и неоднозначно. Изначально конституционные (уставные) суды стремительно создавались. В 2013 году их насчитывалось уже 18. К 2020 году осталось 15 судов¹. Согласно конституционным поправкам 2020 года конституционные (уставные) суды субъектов РФ не вошли в Судебную систему Российской Федерации, что нашло отражение в пункте 3 статьи 5 ФКЗ № 7 «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»: до 1 января 2023 года конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации упраздняются².

Достаточное количество исследователей убеждены в необходимости существования региональной конституционной судебной системы. Несмотря на это, компетентными органами власти было принято обратное решение. Безусловно, ни одна настолько значимая реформа не проводится без веских на то оснований и причин, которые и предстоит установить.

Первой из причин, которую стоит рассмотреть — необходимость сокращения расходования бюджетных средств субъекта. Действительно, финансирование конституционных (уставных) судов субъектов РФ происходит даже в то время, когда фактически суд не функционирует (рассмотрение какого-либо дела, относящихся к его компетенции, не осуществляется). Так, на содержание уставного суда Калининградской области в бюджете региона за 2015 год было предусмотрено 19,6 млн. руб.

Следующий факт, ставший основанием для упразднения конституционных судов субъектов РФ — малая эффективность, конкретизированная в малочисленном рассмотрении дел. Так, президент Адвокатской палаты Свердловской области Игорь Михайлович назвал их «пятым колесом в телеге правосудия», а президент Адвокатской палаты Калининградской области Евгений Галактионов поделился тем, что за время своей практики ни разу не обращался в Уставной областной суд. Он пытался припомнить, «кто бы из коллег делился столь экзотическим опытом», и тоже не смог [3]. Согласно статистике, рассмотренный выше Уставный суд Калининградской области по состоянию на 1 марта 2016 года за весь период своей деятельности вынес 78 постановлений, что не составляет существенного количества в сравнении с другими судами судебной системы РФ.

Третьей возможной причиной ликвидации региональной системы конституционного правосудия является возможность Конституционного Суда РФ оспорить решение конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Нагляднее данный аспект можно рассмотреть на примере. Уставный суд Челябинской области 12 февраля 2013 года признал, что областной закон, предоставляющий льготу по транспортному налогу только гражданам с мощностью двигателя автомобиля до 150 лошадиных сил, противоречит Уставу Челябинской области³. Однако Законодательное Собрание Челябинской области обратилось в Конституционный Суд Российской Федерации о подтверждении конституционности отмененной нормы. Конституционный Суд Российской Федерации своим постановлением от 2 декабря 2013 года признал, что оспариваемая норма не противоречит Конституции Российской Федерации и подлежит применению всеми судами, органами и организациями⁴. Таким образом, решения региональных судов подвергаются сомнению,

¹ Справочная информация: «Конституционный Суд РФ. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный конституционный закон от 08 декабря 2020 года №7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Уставного суда Челябинской области от 12 февраля 2013 года № «001/13-П «О соответствии Уставу (Основному Закону) Челябинской области отдельных положений статьи 2, пунктов 2 и 3 статьи 4 Закона Челябинской области от 28 ноября 2002 года № 114-ЗО «О транспортном налоге» в связи с жалобой гражданки Андреевой Н.П.» // Главбух // URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/98_1423413

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 02 декабря 2013 года № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области “О транспортном налоге”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 2.

и тогда снова встает вопрос об их эффективности и о том, достаточным ли количеством полномочий они обладают [4].

Как уже упоминалось нами ранее, большое количество исследователей выступает против ликвидации судов. Например, К.М.Худолей пишет о том, что конституционные суды субъектов РФ являются незаменимыми органами в части охраны конституционного строя, защиты конституционных прав и свобод граждан, разрешения споров между органами власти в рамках системы «сдержек и противовесов» [5, с. 391-401].

Мы же, исходя из выведенных нами причин, придерживаемся мнения, что региональная система правосудия в том виде, в котором она существовала в последние годы, не может эффективно реализовывать свои полномочия. Именно поэтому стоит рассмотреть варианты разрешения кризиса конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Первый недостаток конституционных судов субъектов, выделенный нами — необходимость экономии средств бюджета региона. Решение состоит в непостоянном, а периодическом функционировании судей данных судов (только на время рассмотрения дел), что позволит снизить затраты на содержание подобного элемента. Такой принцип применяется в подобных судах ФРГ (опыт Германии будет рассмотрен нами ниже). Также решением финансовой проблемы конституционных судов субъектов РФ может стать система, при которой техническое обеспечение конституционного (уставного) суда будет осуществляться аппаратами других судов региона.

Ещё одним направлением реформирования региональной системы конституционного правосудия является детализирование полномочий судов, а также их разграничение с полномочиями Конституционного Суда Российской Федерации. Это позволило бы реализовывать один из главных принципов правосудия — независимость, исключило бы возможность вмешательства Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ в деятельность друг друга и не допустило бы спорных моментов при определении конституционности того или иного явления с точки зрения этих органов.

Четвёртое решение по улучшению эффективности конституционного правосудия регионов видится в создании несколько других органов, осуществляющих в совокупности схожие функции. Так, Президент Адвокатской палаты Республики Дагестан Акиф Бейбутов считает, что должен быть орган, наделенный контрольными полномочиями, например, предложенный в законопроекте конституционный совет при законодательном органе субъекта Федерации.

Мы рассмотрели лишь четыре основных направления реорганизации системы регионального конституционного правосудия РФ, но они далеко не единственные. По нашему мнению, при должном внимании к возрождению и обновлению конституционных (уставных) судов субъектов РФ вполне вероятно повышение показателей эффективности их деятельности, а вместе с этим судебной системы Российской Федерации в целом.

Обратимся к опыту Федеративной Республики Германии, чтобы понять в сравнении, как можно реформировать систему региональных конституционных судов Российской Федерации. Согласно конституции ФРГ каждая земля вправе создавать собственный конституционный суд. Земельный конституционный суд является самостоятельным органом. По вопросам, определенным законодательством земли, конституционные суды являются первой и последней инстанцией, главным образом в разрешении споров между органами власти земли и решении вопросов о соответствии земельного законодательства конституции земли. Федеральный Конституционный суд (далее — ФКС) не возглавляет и не контролирует земельное конституционное производство, так как ФКС следит за соблюдением Основного зако-

на, а земельные — за соблюдением конституций земель. В данных вопросах они не вмешиваются в дела друг друга. Земельный конституционный суд состоит из трех групп минимум по трое судей в каждой. Первая группа, включающая в себя Председателя и его заместителя, должна быть представлена профессиональными судьями, члены второй группы должны иметь право занимать судебную должность, но не работать судьями, к третьей группе указанные требования не предъявляются. Срок полномочий судей позволяет обновлять состав конституционного суда, что делает его динамичным. Срок полномочий в федеральных землях составляет от 5 лет (в Тюрингии) до 12 лет (в Мекленбурге-Передней Померании) [6, с. 524-527]. Главными отличительными чертами земельных конституционных судов от аналогичных судов в России является то, что они работают не на постоянной основе, техническое обеспечение их деятельности осуществляется аппаратами других судов, а судьи осуществляют свою деятельность по совместительству.

Таким образом, правильное реформирование органов конституционного правосудия может превратить их в полезный инструмент решения основной задачи государства — защиты прав и свобод граждан. Мы уверены, что в дальнейшем государство вернется к формированию этой системы на более эффективном уровне.

Список источников

1. Гагауллин А.Г. Конституционное правосудие: старые проблемы и новые тенденции // Конституционное и муниципальное право. 2012. №7. С. 37 - 39.
2. Бочкарева С.В., Зеленова Н. А. Конституционный Суд Мордовской ССР // Контентус. 2019. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-mordovskoy-ssr>
3. Новости Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Fparf URL: <https://fparf.ru/news/media/ustavnaya-nepodsudnost/>
4. Евлоев И. М. Ликвидация Конституционных (уставных) судов субъектов РФ: закономерность или ошибка? // Актуальные проблемы российского права. 2020. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-konstitutsionnyh-ustavnyh-sudov-subektov-rf-zakonomernost-ili-oshibka>
5. Худoley К. М. Нужен ли конституционный (уставный) суд в субъекте РФ? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 391-401.
6. Урбаева А. П. Порядок формирования конституционных судов федеральных земель ФРГ // Молодой ученый. 2016. №5. С. 524-527.

Информация об авторах

М.А. ЧЕРНОБРОВИН — студент 1 курса;
Ю.А. СМЕРНОВА — студентка 1 курса.

Information about authors

M.A. CHERNOBROVIN — 1st year student;
Y.A. SMIRNOVA — 1st year student.

VII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Научная статья
УДК 342.55

ОСОБЕННОСТИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Александр Олегович БОТЕНКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
botencko.sasha@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Марина Борисовна КАБАНОВА**, 9578942@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с реализацией органов местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения. Автором изучены актуальные, наиболее значимые проблемы в данной сфере. Целью данной статьи является анализ имеющихся проблем, посредством изучения действующего законодательства, изучения информационных и статистических баз, для выработки правильного направления развития организации местного самоуправления в Российской Федерации, для создания эффективной стратегии и плана мероприятий по разрешению выявленных проблем.

Ключевые слова: Конституция, местное самоуправление, муниципальное образование, гражданское общество, органы государственной власти, органы местного самоуправления, реформа

FEATURES AND ACTUAL PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF CERTAIN POWERS BY LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

A.O. BOTENKO

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
botencko.sasha@yandex.ru

Scientific adviser – Senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), **M.B. Kabanova**, 9578942@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the implementation of local self-government authorities to address issues of local importance. The author has studied the actual, most significant problems in this area. The purpose of this article is to analyze the existing problems by studying the current legislation, studying information and statistical bases, to develop the right direction for the development of the organization of local self-government in the Russian Federation, to create an effective strategy and action plan to resolve the identified problems.

Keywords: Constitution, local self-government, municipal formation, civil society, public authorities, local self-government bodies, reform

Глава 8 Конституции Российской Федерации закрепляет один из важных элементов Конституционного строя – местное самоуправление¹, а именно деятельность органов местного самоуправления (далее, ОМСУ) и населения по решению вопросов местного значения [1, с. 27].

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/41e41d357e9d21bd1a641282e73ce114638bf90a/ (Дата обращения: 20.02.2022г.)

Анализируя законодательство, регулирующее вопросы организации местного самоуправления, можно выделить приоритетные вопросы, которые относятся к компетенции органов местного самоуправления, в числе которых - связанные с благоустройством, коммунальным обслуживанием, организацией работы школьных учреждений, детских садов, занятостью населения, медицинской помощью и другими важными вопросами местного значения. Опираясь на данный круг вопросов, несложно сделать вывод о важности данного института.

В своем ежегодном послании Федеральному Собранию В.В. Путин в 2017 году отметил значимость органов местного самоуправления и установил приоритет развития в данном направлении: «мы должны поддержать гражданскую активность на местах, в муниципалитетах, чтобы у людей была реальная возможность принимать участие в управлении своим поселком или городом, в решении повседневных вопросов, которые на самом деле определяют качество жизни»¹.

Однако, несмотря на значимость и большое внимание со стороны государственной власти, реформы и, в целом, политика, проводимая в отношении местного самоуправления в России, по мнению некоторых респондентов, носит больше негативный характер чем позитивный. Например, к числу наиболее важных проблем, тормозящих развитие местного самоуправления, относят: низкий уровень гражданского общества и соответственно низкий уровень участия населения в деятельности ОМСУ, снижение обособленности местного самоуправления, низкий уровень финансового обеспечения, дефицит кадров и сокращение муниципальных образований. Предлагаем разобрать обозначаемые проблемы по порядку.

Хочется отметить, что эффективная работа ОМСУ без участия населения попросту невозможна. В данном случае работает следующий порядок: чем больше степень участия, тем больше эффективность. Федеральным законодательством закрепляется многообразие форм участия населения в «жизни» своего муниципального образования, но несмотря на это, данные формы в полной мере не задействованы. Объясняют это слабой информированностью населения и закрепленными стереотипами о ненужности и неэффективности органов местного самоуправления, что приведет к следующей проблеме - население останется лишь потенциальным субъектом местного самоуправления, что безусловно не соответствует основам местного самоуправления.

Отдельно выделить можно проблему снижения обособленности местного самоуправления. Органы местного самоуправления (далее - ОМСУ) постепенно теряют свою независимость в осуществлении своей деятельности, что на наш взгляд недопустимо.

Конституция Российской Федерации закрепляет самостоятельность в решении органами местного самоуправления вопросов местного значения.

В 2014 году был принят Федеральный закон №485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»², в соответствии с которым полномочия могут быть перераспределены между ОМСУ и органами государственной власти субъектов РФ. Суть проблемы заключается в том, что на практике данные полномочия по решению вопросов местного значения от ОМСУ «передаются» как правило на длительный срок, в связи с чем они ограничены в выполнении своих функций. Например, когда муниципальное образование передало свои полномочия в сфере

¹ Поручение Президента РФ №1773 от 7 сентября 2017 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55571> (Дата обращения: 20.02.2022г.)

² Федеральный закон №485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ» от 29.12.2014 N 485-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172947/ (Дата обращения: 20.02.2022г.)

обращения с твердыми коммунальными отходами органам государственной власти субъекта РФ, и возник неразрешимый вопрос об определении схемы размещения мест накопления коммунальных отходов.

Таким образом, теряется сама суть и главная задача местного самоуправления – решение вопросов местного значения, что противоречит статье 130 Конституции РФ. Предполагается, что делегирование полномочий органами местного самоуправления ставит их в зависимое положение, лишая реальной возможности реализовывать свои функции самостоятельно. Поэтому федеральное законодательство в данной сфере требует значительных изменений.

Низкий уровень финансового обеспечения еще одна серьезная проблем, мешающая развитию местного самоуправления. Как уже выше говорилось, местное самоуправление имеет широкий круг социально значимых вопросов. Органы местного самоуправления наиболее тесно взаимодействуют с населением и многие возлагают надежды именно на этот институт, ведь от его успешного функционирования зависит качество и уровень жизни граждан.

Получив юридическую возможность самостоятельно оформлять бюджет, устанавливать налоги и сборы, предоставлять бюджетные кредиты и т.д., ОМСУ не получили фактических экономических инструментов для реализации данных юридический правомочий. На сегодняшний день большинство муниципальных образований остаются дотационными, то есть зависят от органов государственной власти. Данная зависимость приводит к тому, что большая часть дохода аккумулируется на федеральном и региональном уровне, не давая органам местного самоуправления эффективно реализовывать свои функции.

Показателем финансовой самостоятельности органов местного самоуправления являются собственные доходы, которые должны составлять большую часть бюджета муниципального образования. Однако, на сегодняшний день доходность местных бюджетов остается низкой и составляет меньше половины от общего дохода муниципального образования.

Ситуацию не облегчают и долговые обязательства муниципальных образований, ведь, чаще всего получая средства из федерального бюджета, муниципальное образование не располагает реальной возможностью вернуть данные им средства, что в результате приводит к потребности стабильного финансирования, а данная ситуация приводит к появлению такой ситуации, как «долговая яма», лишая его возможности из нее выбраться [5, с. 111].

Таким образом, становится понятно, что данная проблема нуждается в скорейшем разрешении, являясь макроэкономической проблемой, она несет в себе угрозу федеральному бюджету и институту местного самоуправления в целом.

Тенденция к сокращению количества муниципальных образований заключается в том, что, отдавая предпочтение городским округам, нарушается одно из важных смысловых условий, традиционности местного самоуправления. По мнению многих, политика, направленная на создание крупных муниципальных образований, все больше отделяет местное самоуправление от населения муниципального образования, и соответственно возможность граждан участвовать в решении вопросов местного значения теряется.

О реальности сокращения муниципальных образований нам говорят данные Росстата, согласно которым в 2010 году на территории Российской Федерации всего было образовано 23907 муниципальных образования, на период 2020 года общее количество муниципальных образований сократилось до 20846. Соответственно за 10 лет общее количество муниципальных образований сократилось на 13%, в свою очередь, число городских округов выросло на 19%¹. Данная статистика только подтверждает имеющуюся проблему.

¹ Федеральная служба государственной статистики // статистический бюллетень «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13263> (Дата обращения: 20.02.2022г.).

На основании изложенного можно сделать вывод, безусловно местное самоуправление в России является конституционной ценностью, требующей особого внимания. Однако, незаинтересованность населения в участии «жизни» своего муниципального образования, их неинформированность, угроза ограничения полномочий ОМСУ, низкий уровень финансовых доходов, накопление финансовых долгов, дефицит кадров, тенденция к сокращению непосредственно самих муниципальных образований, а также многие другие проблемы, не обозначенные в статье, возможно мешают стабильному развитию местного самоуправления в России.

Складывающееся положение в данной сфере требует принятия конкретных решений, разработки стратегии, плана мероприятий, по разрешению обозначенных проблем для налаживания эффективной работы ОМСУ. Поэтому местному самоуправлению в Российской Федерации предстоит еще долгий путь развития, преобразования и поиска баланса между независимостью и эффективностью работы.

Список источников

1. Васильева Е.И., Гусельникова О.Ю. Проблемы развития местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление – 2018. – С. 26-32.
2. Жигляева А.В. Проблема неконтролируемого роста долга российских регионов и муниципальных образований// Вопросы студенческой науки – 2017. – С. 110-114.
3. Проблемы и перспективы развития профессиональной подготовки государственных гражданских и муниципальных служащих как фактор, определяющий развитие региона: материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул, 10 октября 2013 г. / под ред. Н.Г. Ломовой; Алтайский филиал РАНХиГС. – Барнаул: АЗБУКА, 2013. – 120 с.

Информация об авторах

А.О. БОТЕНКО – студент 2 курса.

Information about authors

A.O. BOTENKO – 2nd year student.

Научная статья
УДК 304.5

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Эльвира Галибовна ГАБИБОВА¹, Валерия Владимировна СУШКИНА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ elagabibova797@gmail.com

² valeria.sushkina@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук Марина Борисовна КАБАНОВА, 9578942@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния пандемии коронавирусной инфекции на развитие законодательства Российской Федерации и тенденции изменения климатической обстановки.

Ключевые слова: пандемия, законодательство, санитарно-эпидемиологическое благополучие, экология, окружающая среда

NOVELTIES OF LEGISLATION ON ENSURING THE SANITARY
AND EPIDEMIOLOGICAL WELL-BEING OF THE POPULATION
AND ENVIRONMENTAL PROTECTION IN A PANDEMIC

Elvira G. GABIBOVA¹, Valeria V. SUSHKINA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

¹ elagabibova797@gmail.com

² valeria.sushkina@yandex.ru

Scientific adviser – Senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), **M.B. Kabanova**, 9578942@mail.ru

Abstract. The article discusses the impact of the coronavirus pandemic on the development of the legislation of the Russian Federation and trends in climate change.

Keywords: pandemic, legislation, sanitary and epidemiological welfare, ecology, environment

17 ноября 2019 года является днём, после которого жизнь всего человечества разделилась на «до» и «после». Именно в этот день был зарегистрирован первый случай заболевания коронавирусной инфекцией. Уже спустя два месяца - в январе 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила распространение коронавируса COVID-19 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а 11 марта – пандемией¹. Коронавирусная инфекция явилась фактором глобальных социальных и экономических последствий. Жизнь сотен миллионов граждан подверглась радикальным переменам: изменению условий работы; смерти близких людей; длительному периоду изоляции от общества; отмене множества спортивных, религиозных и иных массовых мероприятий и другим.

Такие изменения в жизни всего человечества не могли не оставить без последствий и правовую систему подавляющего количества государств. Именно поэтому считаем необходимым затронуть вопрос о влиянии пандемии на развитие законодательства Российской Федерации.

Возникновение неблагоприятной эпидемиологической ситуации повлекло за собой не только необходимость введения мер, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, и обеспечение контроля за их соблюдением, но и совершенствование законодательства в различных сферах жизни общества.

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации, а именно ст.55, ограничение прав и свобод человека и гражданина допустимо на основании федерального закона только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, а также прав и законных интересов человека, обеспечения обороноспособности и безопасности государства. В частности, Закон Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» в ст. 8 определяет, что право граждан Российской Федерации на свободу передвижения и выбор места пребывания и жительства в пределах государства в соответствии с законодательными актами Российской Федерации может быть ограничено, в том числе, на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае риска распространения инфекционных и неинфекционных заболеваний и отравлений людей установлены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности.

¹ Пандемия COVID-19 [Электронный ресурс]: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пандемия_COVID-19 (дата обращения: 18.02.2022).

На основании упомянутого Закона от 25.06.1993 № 5242-1 Президент Российской Федерации Указом от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» обязал глав регионов обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных мер и иных мероприятий, а также установить особый порядок передвижения на соответствующей территории граждан и транспортных средств с учетом специфики субъектов.

Так, постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 года № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» было запрещено проведение на территории Санкт-Петербурга массовых мероприятий спортивного, культурного, зрелищного, досугового характера; гражданам, пребывающим из иностранных государств, указано на обязанность обеспечить самоизоляцию на дому на 14 дней со дня возвращения в Российскую Федерацию, осуществлять вызов медицинского работника амбулаторно-поликлинического учреждения по месту жительства для осмотра и другие меры.

Также в целях предупреждения распространения коронавирусной инфекции (2019-NCOV) и принятия необходимых для этого организационно-распорядительных мер Министерством сельского хозяйства Российской Федерации был издан приказ от 20 марта 2020 г. № 143 «О неотложных мерах по предупреждению распространения коронавирусной инфекции (2019-NCOV) в Минсельхозе России и подведомственных ему организациях».

Примеров подобных ограничительных мер, связанных с пандемией, немало. Сюда же относятся распоряжения о введении самоизоляции; многочисленные рекомендации Министерства здравоохранения по профилактике, диагностике и лечению COVID-19; методические рекомендации по обеспечению санитарно-эпидемиологических требований к отдельным видам транспорта и объектам транспортной инфраструктуры и иные нормативные правовые акты.

В целях повышения эффективности принятых ограничительных мер в Кодекс об административных правонарушениях РФ были внесены нормы, устанавливающие ответственность за действия, связанные с нарушением карантина. Соответствующие поправки были внесены в статьи 6.3 и 20.6.1 КоАП РФ. Кроме того, пренебрежение свободой слова в средствах массовой информации привело к созданию панической обстановки среди граждан, для этого в целях борьбы с дезинформирующими сведениями о пандемии в статью 13.15 КоАП РФ были внесены изменения.

За время пандемии приняты законодательные акты, направленные на совершенствование института уголовно-правовой ответственности, в частности, принят Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Так, пересмотрены положения статьи 236 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), введены новые составы преступлений, в том числе предусмотренные ст. ст. 207.1, 207.2 УК РФ. Анализируя вышеуказанные нормы, можно прийти к тому, что законодатель стоит на пути ужесточения юридической ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, а также установлении ответственности за публичное распространение заведомо искаженной общественно значимой информации и информации об обстоятельствах, которые представляют угрозу жизни и безопасности граждан. Основаниями для возбуждения уголовных дел по признакам составов преступления, предусмотренным ст.ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, являются публичное распространение заведомо ложной информации о методах профилактики и лечения COVID-19, о реальном положении дел с уровнем заболеваемости и другом.

Отдельной областью, которая была непосредственно затронута в связи с распространением коронавирусной инфекции, следует выделить сферу трудовых правоотношений. Одними из первых нормативных правовых актов реагирования на изменяющуюся обстановку стали Указы Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206, от 2 апреля 2020 г. № 239 и от 28 апреля 2020 г. № 294, которыми были объявлены в Российской Федерации нерабочие дни в связи с необходимостью обеспечения ограничить распространения указанной инфекции и введены меры по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Помимо этого, важным шагом к предотвращению распространения инфекции стали принятые Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека Методические рекомендации по профилактике новой коронавирусной инфекции (COVID-19) среди работников.

Однако самой значительной новеллой трудового законодательства в период пандемии стал Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ. Интересно, что многие работодатели «опробовали» положения закона в действии еще до его принятия. На сегодняшний день в РФ порядка 4 млн. человек работает удаленно, что делает принятие этого федерального закона еще более актуальным.

В связи с распространением коронавирусной инфекции обязательным требованием для определенного круга профессий стало прохождение вакцинации. В своем разъяснении по организации вакцинации в организованных рабочих коллективах (трудовых коллективах) и порядку учета процента вакцинированных Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации и Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека указали, что «решение о проведении профилактических прививок по эпидемическим показаниям (в виде мотивированных постановлений) принимают Главный государственный санитарный врач Российской Федерации, главные государственные санитарные врачи субъектов Российской Федерации при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих... При вынесении подобных постановлений граждане, подлежащие вакцинации, вправе отказаться от прививок, но в этом случае они должны быть отстранены от выполняемых работ на период эпидемиологического неблагополучия»¹. На основе принятых актов можно увидеть заинтересованность законодателя в стабилизации эпидемиологической ситуации в государстве путём регулирования правовых отношений в наиболее активной социальной группе – трудящихся.

Кроме законодательных мер государств, направленных на ограничение свободы передвижения населения, распространение коронавирусной инфекции имеет и иные масштабные последствия. Приостановление работы большинства предприятий мира, ограничение проведения массовых мероприятий, закрытие границ – всё это привело к так называемому средствами массовой информации «коронакризису». Многие рассматривают распространение коронавируса SARS-CoV-2 как

¹ Разъяснения Минтруда России, Роспотребнадзора «Разъяснения по организации вакцинации в организованных рабочих коллективах (трудовых коллективах) и порядку учета процента вакцинированных» (вместе с «Рекомендациями действий для работодателей при принятии главными санитарными врачами субъектов Российской Федерации решений о проведении профилактических прививок по эпидемическим показаниям (в виде мотивированных постановлений о проведении профилактических прививок гражданам или отдельным группам граждан)»)[Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391483/ (дата обращения: 18.02.2022).

явление сугубо негативное, что вполне объяснимо, так как трудно рассматривать пандемию с положительной стороны, которая, помимо краха экономики большинства государств мира, является причиной огромного числа смертей ежедневно. Действительно, распространение коронавирусной инфекции пагубно повлияло на жизнь человечества, но в тоже время позитивно сказалось на окружающей среде.

Одной из главных экологических проблем человечества можно выделить выбросы парниковых газов в атмосферу, увеличение объема которых в нижних слоях воздушной оболочки Земли приводит к чрезмерному парниковому эффекту. Повышение температуры нижнего слоя атмосферы является причиной глобального потепления, что может привести к мировой экологической катастрофе. Человечество придумало немало способов по контролю за выбросами парниковых газов и снижению их объемов: углеродные отчёты промышленных предприятий, поиск альтернативных источников энергии, восстановление почвенного, растительного покрова и контроль за незаконной вырубкой лесов, совершенствование законодательства, лицензирование отдельных видов деятельности. Но все эти усилия не приводили к желаемому результату - опыт пандемии показал, что самое эффективное средство по борьбе с чрезмерными выбросами парниковых газов - приостановление хозяйственной и иной деятельности человека. По данным Федеральной службы государственной статистики за 2020 год, выбросы загрязняющих атмосферу веществ в Российской Федерации по сравнению с 2018 годом сократились на 31%, в том числе на 66% - выбросы загрязняющих атмосферу веществ от автомобильного транспорта. К сожалению, можно говорить лишь о временном эффекте такого улучшения, ведь с течением времени человечество возвращается к нормальной жизни, а следовательно, возобновляется и работа предприятий, транспорта и иных источников выбросов загрязняющих веществ в атмосферу.

«Пауза» в привычной жизни человечества, вызванная пандемией и повлекшая за собой закрытие большинства общественных мест, отразилась и на динамике объемов образования отходов производства и потребления. Согласно данным Государственного доклада Министерства природных ресурсов и экологии РФ «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 году», на территории Российской Федерации образовалось 6955,7 млн. тонн отходов производства и потребления, что на 10,3% ниже уровня 2019 г. Данные, приведенные в докладе, не могут не радовать, однако нельзя рассматривать эту ситуацию односторонне. По результатам исследования, опубликованном в научном журнале *Frontiers of Environmental Science & Engineering*, ежемесячно по всему миру используется порядка 129 миллиардов одноразовых защитных масок для лица¹. Защитники природы напомнили, что большинство из этих защитных средств — это одноразовые изделия, в составе которых присутствует пластик, следовательно, эти изделия не могут разложиться в почвенном слое земли в течение нескольких сотен лет. Кроме того, они с легкостью распадаются на мелкие частицы из пластика, которые также вредят окружающей среде, всем живым организмам.

По мнению ученых, распространение коронавируса в скором времени может привести к увеличению объемов обезлесения. По мере снижения объемов доступных продуктов продовольствия люди, проживающие в сельских районах, всё чаще вынуждены обращаться к природе как к источнику продовольствия, что создает чрезмерное давление на лесной массив. Однако показатели «коронавирусного» 2020 года свидетельствуют о том, что в период всемирного «застоя» государство не перестало снижать темпы лесовосстановления. По данным Росстата прирост лесовосстановления составил порядка 6% по сравнению с 2019 годом.

¹ Xu, E. G., Ren, Z. J. Предотвращение превращения масок в следующую пластиковую проблему. *Фронт. Environ. Sci. Eng.* 15, 125 (2021). [Электронный ресурс]: <https://doi.org/10.1007/s11783-021-1413-7> (дата обращения: 20.02.2022).

Введение карантина и ограничение передвижения населения во многих государствах мира привело к опустошению улиц многих городов, вследствие чего на них всё чаще стали замечать диких животных. Наиболее ярким примером «исцеления» природы в период пандемии является появление в каналах Италии довольно редких гостей - дельфинов. В то же время нельзя говорить о стабильности данного явления. Активная преобразующая деятельность человека с каждым днём заново набирает свои обороты и становится еще более опасной и разрушительной, чем в «докоронавирусный» период. Количество представителей флоры и фауны, находящихся на грани исчезновения, с каждым годом увеличивается, многие биологические виды уже навсегда исчезли с лица земли. Пандемия в который раз заставила задуматься человека о его влиянии на природу, но желание человека удовлетворить свои потребности «затуманивает» действительно важные вопросы, стоящие перед ним.

В целом можно говорить о двойственном влиянии распространения коронавируса SARS-CoV-2 на экологическую обстановку: с одной стороны, состояние атмосферы, иных природных ресурсов улучшилось, однако с течением времени и постепенным возвращением человечества к привычной жизни природная среда опять начинает подвергаться негативному воздействию. Решить данную проблему лишь с помощью изменения экологического сознания человека - каждый должен осознавать вред, который причиняется природе и в то же время понимать, что от природной ситуации зависим и сам человек, его благосостояние.

На основе вышеизложенного представляется возможным сделать следующий вывод. В целом распространение коронавируса оценивается противоречиво - человечество в очередной раз получило возможность задуматься о важности жизни, но цена, которую пришлось заплатить, слишком велика. Пандемия ударила не только по здоровью населения, но и по экономике большинства государств мира. Кризис привёл к глобальной валютной эмиссии в ряде стран, глобальный долг корпораций и правительств превзошел 350 % мирового ВВП, уровень безработицы достиг максимального уровня. Не остались в стороне и новеллы законодательства - всё большее внимание стали уделять вопросам дистанционной работы, появились так называемые группы «риска», установлен перечень предприятий, рабочий процесс которых не останавливается даже в период пандемии. В целях наиболее эффективного действия принятых ограничительных мер соответствующие составы были внесены в КоАП РФ и Уголовный кодекс РФ. Ограничение привычного образа жизни человека благоприятно отразилось на природе - сократилось количество выбросов парниковых газов в атмосферу, возросли темпы лесовосстановления, «оживились» представители флоры и фауны. Неизвестно, к чему приведет дальнейшее развитие пандемии, но одно известно точно - человечество готово к борьбе за своё будущее.

Список источников

1. Охрана окружающей среды в России. 2020: Стат. сб./ Росстат. — 0-92 М., 2020 — 113 с.

Информация об авторах

Э.Г. ГАБИБОВА — студентка 2 курса;
В.В. СУШКИНА — студентка 2 курса.

Information about authors

E.G. GABIBOVA — 2st year student;
V.V. SUSHKINA — 2st year student.

Научная статья
УДК 343.98

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Екатерина Сергеевна ЖЕСТКОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
e_zhestkova-2001@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Марина Борисовна КАБАНОВА**, 9578942@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы осуществления реформы местного самоуправления. Также в практической части анализируется мнение жителей на происходящие изменения по образцу Ардаговского муниципального района Нижегородской области.

Ключевые слова: реформа местного самоуправления, муниципальный округ, муниципальный район, городской округ, местное самоуправление

SOME ASPECTS OF LOCAL GOVERNMENT REFORM

Ekaterina S. ZHESTKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
e_zhestkova-2001@mail.ru

Scientific adviser – Senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), **M.B. Kabanova**, 9578942@mail.ru

Abstract. The article deals with the implementation of local self-government reform. In the practical part, the opinion of residents on the ongoing changes is analyzed on the model of the Ardatovsky municipal district of the Nizhny Novgorod region.

Keywords: local self-government reform, municipal district, city district, local self-government

Согласно пункту 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации – местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях¹, виды которых закреплены в Федеральном законе №131 от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Далее – Фед. закон №131).

Основываясь на вышеуказанном Федеральном законе, на территории Российской Федерации местное самоуправление осуществляется в таких муниципальных образованиях, как: сельское поселение, городское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, внутригородской район, внутригородская территория города федерального значения².

Прежде чем перейти к рассмотрению проблематики введения нового вида муниципального образования, стоит обозначить дефиницию муниципального округа и предпосылки введения на территории нашего государства. В соответствии со статьей 2 Фед. закона №131 муниципальный округ – не имеющие статус муниципального образования населенные пункты, объединенные общей территорией,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> 04.07.2020.

² Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. N 202. 08.10.2003.

местное самоуправление которых осуществляется непосредственно населением и (или) через уполномоченные органы местного самоуправления¹.

Говоря о предпосылках создания, введения и функционирования муниципального округа, можно выделить: неэффективность двухуровневой модели местного самоуправления; негибкая финансовая архитектура; отсутствие специалистов в администрациях сельсоветов; высокая нагрузка на контрольно-надзорные органы в области проверки законности нормативно-правовых актов органов местного самоуправления; отсутствие единого подхода к планированию землепользования и генеральной застройки территории и др.

Переход от муниципального района к муниципальному округу рассмотрим на примере Дорожной карты Нижегородской области (в части преобразования, без сопутствующих процедур)² и Ардатовского района.

Первое, что должен сделать муниципальный район – провести заседание представительного органа, в повестке которого будет рассмотрен вопрос о выдвижении инициативы о преобразовании путем объединения всех поселений и наделении вновь созданного муниципального образования статусом муниципального округа. Также принимается и обнародуется соответствующее решение.

После опубликования нормативного правового акта представительные органы поселений рассматривают такую инициативу. По итогам заседаний издаются решения и назначаются даты публичных слушаний.

Публичные слушания, в первую очередь, осуществляются на территориях местных поселений, после чего обнародуется протокол по результатам их проведения. На уровне муниципального района также проводятся итоговые публичные слушания, результат которых подлежит опубликованию.

После реализации указанных мероприятий, представительными органами поселений принимаются решения о согласии на преобразование муниципального района. Затем, с учетом решений сельских и городских поселений, издается решение районного представительного органа.

На уровне субъекта Российской Федерации подготавливается законопроект о преобразовании муниципального образования и вносится в соответствующий законодательный орган субъекта.

При принятии закона учитывается и закрепляется число депутатов округа (в зависимости от численности населения). Для Ардатовского муниципального округа выделена квота – не менее 15 человек, в сравнении на сегодняшний день, число депутатов всех уровней достигает 76 человек.

Переходя к практической части исследования, обозначим причину осторожного, в какой-то степени негативного отношения жителей к изменениям при переходе от муниципального района к муниципальному округу. Местными жителями была высказана такая позиция как, недоверие к федеральной власти, к ее государственным органам.

Исходя из этого, нами выделена основная группа опасений населения: потеря льгот и надбавок; снижение уровня контроля за территориями бывших сельсоветов; неэффективное использование консолидированных средств; потеря рабочих мест. Проанализируем данные утверждения с точки зрения их обоснованности.

Ответ на вопрос о потере льгот и надбавок при осуществлении преобразования вытекает из темы статьи – это реформа местного самоуправления, которая не касается сферы социальной защиты населения и не может на нее повлиять.

¹ Там же.

² Дорожная карта «Преобразование муниципальных образований путем объединения всех поселений, входящих в состав муниципального района, и наделения вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа в 2022 году» [Электронный ресурс]. <http://vetluga.omsu-nnov.ru/>.

В какой-то степени опасение о снижении контроля и отдалении жителей от местной власти можно считать обоснованным в определенной степени. Баженова О. И., Петухов Р. В., Корсун К. И. ранее отмечали данную проблему и относили ее к негативным аспектам одноуровневой модели местного самоуправления. По нашему мнению, при тщательном подходе к назначению должностных лиц и выбору депутатов, муниципальный округ содействует повышению ответственности его представительных и исполнительных органов.

Говоря о следующем вопросе об неэффективном использовании консолидированных средств бюджета, следует обратить внимание на то, что преобразование должно наоборот способствовать более совершенному подходу к распределению бюджетных средств. Особенно это касается сферы стратегического планирования в решении проблем территорий, где требуются значительные капитальные вложения.

Отдельным важным «опасением населения» выделяется вопрос о возможном сокращении рабочих мест. Исходя из анализа предложенных вариантов разрешения указанной спорной ситуации, предполагается, что вместо администраций будут созданы территориальные отделы, и часть специалистов по работе с населением продолжат работу на прежних рабочих местах, а оставшимся специалистам будет предложено трудоустройство в администрацию муниципального округа.

Рассматривая вопрос о реализации рассматриваемых предложений по реформированию местного самоуправления путем преобразования муниципальных районов в муниципальные округа с соответствующими правовыми последствиями, следует указать, что переходный период, установленный Федеральным законом № 87-ФЗ от 1 мая 2019 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» рассчитан до 2025 года¹. Несмотря на это, есть ряд преимуществ более раннего перехода: достаточное количество времени для подготовки нормативных документов; детальная проработка генерального плана вновь образованного муниципального округа; единый порядок проведения выборов депутатов местного представительного органа. Применительно к Нижегородской области: проведение выборов губернатора в 2023 году; в 2024 году – выборы Президента Российской Федерации; в Ардатовском районе – выборы в часть поселковых и сельских сельсоветов в 2022 году, где будут задействованы более пятидесяти процентов избирателей.

Достаточно интересным является предложение местного населения о проведении референдума по указанному вопросу. Законодательством закреплено осуществление местного самоуправления граждан, в том числе, путем проведения местного референдума, муниципальных выборов и иных форм волеизъявления. Однако Фед. закон № 131 подчеркивает, что референдум проводится в случае, если инициатива о преобразовании исходит от местного населения.

Переходя к выводам, отметим, несомненно, есть плюсы двухуровневой модели организации местного самоуправления. К ним относят: глубокое знание выборными и назначенными лицами проблем своей территории; отсутствие необходимости в согласовании статей расходов местного бюджета; наибольшая приближенность к жителям. Несмотря на это, одноуровневая модель – неопенимый и серьезный шаг вперед.

Но не стоит полагаться на решение всех местных проблем одним административно-статусным преобразованием. Многие ученые сходятся во мнении, что на современном этапе существует кризис местного самоуправления, выраженный в чрезмерном вмешательстве государства в осуществление местного самоуправления [1].

До внесения изменений в 2019 году наметилась тенденция преобразования муниципальных районов в городские округа. Такая процедура, как отметила Праскова С. В., не согласуется и не отвечает концепции местного самоуправления [2,

¹ Федеральный закон от 01.05.2019 N 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. N 98. 08.05.2019.

с. 62-66]. Исходя из этого образовалась другая проблема – увеличение негативного мнения среди населения о распространении такого опыта на их территорию проживания. Происходит смешение двух различных видов.

Вероятно, здесь стоит отметить и проблему правового просвещения населения, так как существует тенденция того, что граждане апеллируют переходом не на муниципальный округ, а на городской, законодательно не понимая их различия.

Образование муниципальных округов, как элемента одноуровневой модели – новый этап реформы местного самоуправления. Как одна из многочисленных реформ, происходящих в истории, имеет ряд положительных и отрицательных аспектов. Мы предполагаем, что в дальнейшем будет происходить продолжение укрупнения муниципальных образований. В некоторых случаях, это необходимая мера для развития территории и сохранения населения муниципального образования.

Как отмечал Гессен В. М.: «преобразовательная реформа – растение, требующее много света, воздуха и тепла; ей не вызреть в затхлом холодном сумраке бюрократических канцелярий» [3].

Список источников

1. Васильев, В.И. Местное самоуправление на пути централизации и сокращения выборности // Журнал российского права. 2015. №9 (225).
2. Праскова, С. В. К вопросу о возможности преобразования муниципального района в городской округ / С. В. Праскова // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского. – 2015. – № 6(36). – С. 62-66.
3. Гессен В. М. Вопросы местного управления. – С.-Петербург, издание юридического книжного склада «Право», типо-литография А. Е. Ландау, 1904 г. [Электронный ресурс]. <https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5167418/>.

Информация об авторах

Е.С. ЖЕСТКОВА – студентка 2 курса.

Information about authors

E.S. ZHESTKOVA – 2st year student.

Научная статья
УДК 347.73

ПРОБЛЕМА ОТКАЗА ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ОТ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ: РЕСТРИКЦИИ ИЛИ ЛЬГОТЫ?

Дарья Андреевна КУЛЕШОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
darya.kuleshova.00@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Ольга Андреевна ГУРЕЕВА**, olga-gur@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема отказа публично-правовых образований от межбюджетных трансфертов. Межбюджетные трансферты необходимы для качественного выполнения публично-правовыми образованиями взятых на себя обязательств. Однако эффективность использования межбюджетных трансфертов до сих пор остается важной проблемой межбюджетного регулирования и контроля.

Ключевые слова: межбюджетные трансферты, доходы бюджета, расходы бюджета, субсидии, субвенции, дотации

THE PROBLEM OF REFUSAL OF PUBLIC LEGAL ENTITIES
FROM INTER-BUDGETARY TRANSFERS: RESTRICTIONS OR BENEFITS

Darya A. KULESHOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

darya.kuleshova.00@bk.ru

Scientific adviser – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), O.A. Gureeva, olga-gur@yandex.ru

Abstract. This article deals with the problem of refusal of public legal entities from inter-budgetary transfers. Inter-budgetary transfers are necessary for the high-quality fulfillment by public legal entities of their obligations. However, the effectiveness of the use of inter-budgetary transfers still remains an important problem of inter-budgetary regulation and control.

Keywords: inter-budget transfers, budget expenditures, budget revenues, budget expenditures, subsidies, subventions, subsidies

Начиная с 1990-х гг., методологические подходы к организации межбюджетных трансфертов в России претерпевали изменения [1, С. 150]. За весь период реформирования межбюджетных отношений накоплен значительный опыт по различным направлениям поиска эффективности использования публичных финансов.

Первое направление реформирования межбюджетных отношений заключается в использовании фондовой формы организации бюджетных расходов на предоставление трансфертов различного назначения [1, С. 151]. Первоначально подобный план регулирования межбюджетных отношений был утвержден в Программе Совета Министров – Правительства Российской Федерации на 1993-1995 гг. «Развитие реформ и стабилизация российской экономики», затем соответствующими федеральными законами о бюджете на плановые периоды и Указами Президента Российской Федерации [2, С. 80]. Например, Фонд финансовой поддержки регионов должен быть сформирован на первоначальном этапе своего действия в размере 22% доли налога на добавленную стоимость, подлежащей зачислению в федеральный бюджет, за исключением налога на добавленную стоимость по импортным товарам, драгоценным металлам и камням, сдаваемым в Государственный фонд Российской Федерации и отпускаемым из него.

Следующим направлением реформирования межбюджетных отношений в России является применение механизмов мотивации субъектов Российской Федерации к повышению эффективности управления региональными финансами и наращиванию собственной доходной базы. Данные механизмы заключаются в предоставлении субсидий на реализацию региональных программ повышения эффективности бюджетных расходов, сохранении объема дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности в течение следующего финансового года в случае роста индекса налогового потенциала, корректировке критерия дифференциации субъектов Российской Федерации по условиям предоставления межбюджетных трансфертов. Также действует специальная государственная программа «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами»¹.

В современных условиях бюджеты регионов испытывают устойчивую зависимость от финансов, поступающих в порядке межбюджетного перераспределения. Органы государственной власти субъектов в большинстве своем лишены возмож-

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами» : Постановление Правительства Российской Федерации от 18 мая 2016 г. № 445 : текст с изм. и доп. на 31 дек. 2020 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ности обеспечивать самостоятельное и качественное исполнение своих обязательств без привлечения межбюджетных трансфертов. Так, например, в 2021 году регионами – крупнейшими получателями дотаций стали Дагестан (72,9 млрд. р.), Якутия (51,6 млрд. р.), Камчатский край (41,1 млрд. р.), Чечня (33,5 млрд. р.), Алтайский край (29,5 млрд. р.)¹. Межбюджетные трансферты из федерального бюджета играют значимую роль в обеспечении роста доходов субъектов. Правила предоставления и распределения межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации устанавливаются нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации.

Существенная зависимость бюджетов субъектов РФ от межбюджетных трансфертов – результат влияния ряда факторов, главными из которых являются: система разграничения доходов между бюджетами публично-правовых образований разных уровней, сохраняющая концентрацию доходов преимущественно в федеральном бюджете – существенная централизация финансовых средств у федерального центра; неравномерное территориальное размещение налоговых доходов, способствующее усилению финансовой дифференциации регионов; устойчивое расширение полномочий органов государственной власти субъектов РФ, предопределяющее динамику межбюджетных трансфертов компенсирующего назначения (субвенций, иных межбюджетных трансфертов). Вышеобозначенные факторы приводят к росту государственного долга и долга муниципальных образований.

Согласно статье 242 БК РФ не использованные по состоянию на 1 января текущего финансового года межбюджетные трансферты, которые были получены в форме субвенций, субсидий и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, подлежат возврату в доход бюджета, из которого они были ранее предоставлены, в течение первых 15 рабочих дней текущего финансового года². Таким образом, первая экономико-финансовая рестрикция заключается в том, что неиспользованные финансовые ресурсы на благо региона могут не пойти.

Принятие же главным администратором средств бюджета субъекта Российской Федерации (местного бюджета) решения о наличии (об отсутствии) потребности в указанных межбюджетных трансфертах, не использованных в отчетном финансовом году, а также их возврат в бюджет, которому они были ранее предоставлены, при принятии решения о наличии в них потребности осуществляются не позднее 30 рабочих дней со дня поступления указанных средств в бюджет, из которого они были ранее предоставлены. В соответствии с решением главного администратора средств бюджета субъекта Российской Федерации (местного бюджета), о наличии потребности в межбюджетных трансфертах, полученных в форме субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, не использованных в отчетном финансовом году, согласованным с соответствующим финансовым органом, средства в объеме, не превышающем остатка указанных межбюджетных трансфертов, могут быть возвращены в текущем финансовом году в доход бюджета, которому они были ранее предоставлены, для финансового обеспечения расходов бюджета, соответствующих целям предоставления указанных межбюджетных трансфертов. В случае, если неиспользованный остаток межбюджетных трансфертов, полученных в форме субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, не перечислен в доход соответствующего бюджета, указанные средства подлежат взысканию в доход бюджета, из которого они были предоставлены, в порядке, определяемом соответствующим финансовым органом с соблюдением общих требований, установленных Министерством финансов Российской Федерации.

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 нояб. 2021 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов : Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 марта 2019 г. № 192 : текст с изм. и доп. на 14 марта 2019 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Представляется, что наиболее контролируемой со стороны государства является форма финансирования в виде субвенций, поскольку субвенции имеют строго целевой характер и определённые сроки использования. Если хотя бы один из названных критериев нарушается, то субвенция подлежит срочному возвращению в бюджет, выдавшему её. Использование субсидий также достаточно строго контролируется государственными органами, поскольку они предоставляются на определённые цели и в случае нецелевого использования, подлежат возвращению. Другой проблемой для эффективного использования субсидий является то, что они могут использоваться только в долевым финансировании проекта, на который выделены. В практике часто складывается так, что у получателя субсидий недостаточно дополнительных средств для участия в софинансировании. Условием предоставления субсидии бюджету субъекта Российской Федерации является наличие в бюджете субъекта Российской Федерации бюджетных ассигнований на исполнение расходных обязательств субъекта Российской Федерации, в целях софинансирования которых предоставляется субсидия, в объеме, необходимом для их исполнения.

Механизм действия второй рестрикции заключается в следующем. Субъекты Российской Федерации, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 10 % объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта РФ, не имеют права: а) устанавливать и исполнять расходные обязательства, не связанные с решением вопросов, отнесенных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ; б) превышать установленные Правительством Российской Федерации нормативы формирования расходов на оплату труда государственных гражданских служащих субъекта Российской Федерации и (или) содержание органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Перечень данных субъектов устанавливается ежегодно Приказом Минфина России¹.

Исследуя третью рестрикцию, можно выявить следующую проблематику. В субъектах Российской Федерации, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 40 % объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации, начиная с очередного финансового года осуществляются следующие дополнительные меры: а) организация исполнения бюджета субъекта Российской Федерации с открытием и ведением лицевых счетов главным распорядителям, распорядителям, получателям средств бюджета субъекта Российской Федерации и главным администраторам (администраторам) источников финансирования дефицита бюджета субъекта Российской Федерации в органах Федерального казначейства; б) представление финансовым органом субъекта Российской Федерации в Министерство финансов Российской Федерации в установленном им порядке документов и материалов, необходимых для подготовки заключения о соответствии требованиям бюджетного законодательства Российской Федерации внесенного в законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации проекта бюджета субъекта Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период; в) проведение ежегодной проверки годового отчета об исполнении бюджета субъекта Российской Федерации Счетной палатой Российской Федерации или в порядке, установленном Министерством финансов Российской Федерации, Федеральным казначейством.

Особо отметим, что исследуемое направление в настоящее время является крайне значимым для надлежащего функционирования государства, поэтому в соответствии с Приказом Генерального Прокурора РФ от 14 марта 2019 г. № 192

¹ Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации : Приказ Минфина России от 11 ноября 2020 № 1030 : текст с изм. и доп. на 11 нояб. 2020 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» прокурорам необходимо систематически проводить проверки исполнения бюджетного законодательства, обращая особое внимание на соблюдение условий получения межбюджетных трансфертов, обеспечение полноты софинансирования мероприятий из региональных и местных бюджетов, а также на их целевое расходование и своевременное доведение до конечных получателей.

Таким образом, практика показывает, что очень часто субъекты и муниципальные образования используют дотации не по прямому их назначению, что, в свою очередь, приводит к необходимости применять вышеуказанные рестрикции. Однако, такой путь не способствует экономическому развитию регионов. Перспективным направлением обеспечения эффективности межбюджетных трансфертов является расширение состава межбюджетных трансфертов (как целевых, так и нецелевых), ориентированных на результат и повышение их уровня в структуре межбюджетных трансфертов субъектам Российской Федерации. Международный опыт свидетельствует о целесообразности применения данного вида трансфертов при софинансировании расходных обязательств на обеспечение деятельности общественного сектора и оказания государственных и муниципальных услуг, а также реализации административных и финансовых проектов. Успешная реализация обозначенной задачи предполагает методологическую и правовую подготовку системы оценки эффективности и результативности использования межбюджетных трансфертов, в том числе с учетом специфики блочной (консолидированной) формы как наиболее соответствующей содержанию трансфертов, ориентированных на результат.

Список источников

1. Васюнина М. Л. Межбюджетные трансферты субъектам Российской Федерации: современные проблемы и приоритеты // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 45 (327). С. 149-161.
2. Ерошкина Л. А. Развитие межбюджетных отношений и форм межбюджетных трансфертов в Российской Федерации // Казанский экономический вестник. 2015. № 4 (18). С.79-86.

Информация об авторах

Д.А. КУЛЕШОВА — студентка 3 курса.

Information about authors

D.A. KULESHOVA — 3rd year student.

Научная статья
УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Екатерина Андреевна КУЛЬПИНА

Российский государственный педагогический университет
имени Герцена, Санкт-Петербург, Россия
eakulpina@mail.ru

Научный руководитель доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Владимировна ЕЛАГИНА**, yelagina@bk.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть объем и содержание определения понятия «правоохранительные органы», что обусловило необходимость проанализировать позиции ученых относительно трактовки данного определения. В качестве основных методов исследования использованы: метод абстрагирования и метод обобщения.

Ключевые слова: правоохранительные органы, государство, пробел в праве, правоохранительная деятельность

TO THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT «LAW ENFORCEMENT BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION»

Ekaterina A. KULPINA

Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen
eakulpina@mail.ru

Scientific adviser – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor, **E. V. Elagina**, yelagina@bk.ru

Abstract. The article attempts to reveal the scope and content of the definition of the term “law enforcement agencies”, which led to the need to analyze the positions of scientists regarding the interpretation of this definition. As the main research methods used: the method of abstraction and the method of generalization.

Keywords: law enforcement agencies, state, gap in law, law enforcement

Являясь краеугольным камнем юридической науки и правоприменительной практики, институт правоохранительных органов в Российской Федерации (далее – РФ) за все время существования так и не получил должного урегулирования. В этой связи вопрос об отнесении того или иного органа (прежде всего государственного) к числу правоохранительных до настоящего времени остается дискуссионным.

Так, в соответствии с точкой зрения Ю. Е. Аврутина [1, с. 441], понятие «правоохранительные органы» в отечественной юридической науке возникло сравнительно недавно, а потому нет четкого разграничения в его применении. В этой связи данный термин употребляется наряду с иными, связанными с ним словосочетаниями: «правоохранительная деятельность», «деятельность правоохранительных органов», «система правоохранительных органов», «правоохранительная система», что свидетельствует о наличии пробела в отечественном праве. Однако применительно к подобной ситуации В.В. Лазарев справедливо обращает внимание на следующее – мнение, что аналогия является средством восполнения пробелов, не отвечает действительному положению вещей и не ориентирует на своевременное издание законодателем новых необходимых норм права. Полагаем, что мнимое представление о восполнении пробелов, в действительности, является лишь преодолением пробела, который будет существовать вплоть до его полного устранения в установленном законом порядке.

Тем не менее, возвращаясь к определению понятия «правоохранительные органы» необходимо отметить, что в соответствии с точкой зрения А. Г. Братко, главной отличительной чертой любого правоохранительного органа государства, является осуществление им правоохранительной деятельности и возможность применения государственного принуждения [2, с. 12]. Данной позиции так же придерживаются В. И. Гойман и В. В. Лазарев, которые на основании данного критерия предложили следующую классификацию правоохранительных органов: судебные органы, органы прокурорского надзора и контроля, органы внутренних дел, Комитет государственной безопасности.

Несколько иной позиции придерживается Т.А. Шамба [3, с. 442], выделивший в качестве основного критерия правоохранительных органов возможность принудительного воздействия на правонарушителя и включивший в перечень правоохранительных органов нотариат, органы юстиции и народного контроля, товарищеские суды, не обладающие соответствующими полномочиями.

Аналогичной точки зрения, в соответствии с которой главным критерием отнесения тех или иных государственных органов к числу правоохранительных является принуждение, придерживаются О.И. Бекетов и В.Н. Опарин [4, с. 49]. Так, осуществление деятельности правоохранительных органов по пресечению правонарушений базируется исключительно на возможности реального принуждения, а потому правоохранительные органы представляют собой федеральные органы исполнительной власти, наделенные полицейскими полномочиями. С учетом данного определения к числу правоохранительных органов авторами отнесены: органы внутренних дел и внутренние войска, органы прокуратуры, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба судебных приставов, Федеральная служба исполнения наказаний, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору.

Тем не менее, по нашему мнению, с данной точкой зрения трудно согласиться. Факт наличия полномочия по правовому принуждению неоспорим, однако необходимо отметить, что он характеризует не сами органы, а их права. Исходя из этого, наиболее верной, по нашему мнению, является позиция В.Л. Зеленько [5, с. 443], в соответствии с которой необходимо разграничивать правоохранительную деятельность и правовое принуждение. В этой связи и существуют иные правоохранительные органы, не применяющие правовое принуждение в своей деятельности, среди которых Конституционный суд Российской Федерации, адвокатура и нотариат. Однако при отнесении того или иного государственного органа к правоохранительному необходимо учитывать также принцип разделения властей как основание построения системы органов государственной власти. В таком случае суд и адвокатура не могут быть безоговорочно причислены к правоохранительным органам.

Между тем необходимо отметить, что исходным базисом для определения понятия правоохранительные органы является именно «правоохрана». Так, ст. 2 Конституции Российской Федерации провозглашается приоритет прав и свобод личности, соблюдение и защита которых возложена на правоохранительные органы. В свою очередь нельзя оставить без внимания тот факт, что осуществление правоохранительной деятельности возлагается не только на правоохранительные органы, но также на их руководителей, являющихся представителями данных органов и подчиненных им должностных лиц. При этом, в случае возникновения нарушений, допущенных сотрудниками правоохранительных органов в ходе осуществления своей деятельности, вред, причиненный лицу, возмещается ему в полном объеме вне зависимости от вины конкретного должностного лица, которое также привлекается к юридической ответственности.

Таким образом, качество разрешения рассмотренной выше проблемы свидетельствует о том, что законодатель в настоящее время не относит ее к числу приоритетных и, как следствие, либо использует юридические средства с открытым содержанием, конкретизация которых переносится на уровень правоприменения, либо вовсе не стремится предавать правовое значение данным вопросам.

Список источников

1. Аврутин Ю. Е. Государство и право. Теория и практика: учеб. пособие. М., 2007. С. 441.
2. Братко А. Г. Правоохранительная система: понятие и основные элементы содержания // Проблемы развития правоохранительных органов. М., 1994. С. 8–23. — Цит. по: Аврутин Ю. Е. Указ. соч. С. 442
3. Шамба Т. М. КПСС и органы охраны правопорядка. М., 1979. С. 9, 11, 20. — Цит. по: Аврутин Ю. Е. Указ. соч. С. 442.

4. Бекетов О. И., Опарин В. Н. О понятии и системе правоохранительных (полицейских) органов Российской Федерации // Полицейское право. 2005. № 1. С. 49.

5. Зеленко В. Л. Вопросы теории и практики применения милицией мер административного пресечения правонарушений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1975. С. 17. — Цит. по: Аврутин Ю. Е. Указ. соч. С. 443.

Информация об авторах

Е.А. КУЛЬПИНА — студентка 1 курса;

Information about authors

Е.А. KULPINA — 1st year student.

Научная статья
УДК 342

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Дмитрий Денисович МЕЛЬНИКОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
dmitriy.mlnk@yandex.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Луиза Сираджединовна БУЛГАКОВА**, 6luiza@mail.ru

Аннотация. В данной статье автором раскрыто понятие доказательства в административном процессе, а также дана их классификация. Автором также предложены пути совершенствования административного законодательства в указанной области.

Ключевые слова: доказательства, административное наказание, административное правонарушение, административный процесс, фальсификация

THE CONCEPT AND ESSENCE OF EVIDENCE IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS

Dmitry D. MELNIKOV

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
dmitriy.mlnk@yandex.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Adviser to the Administration, **L.S. Bulgakova**, 6luiza@mail.ru

Abstract. In this article, the author reveals the concept of evidence in the administrative process, as well as their classification. The author also suggests ways to improve administrative legislation in this area.

Keywords: evidence, administrative punishment, administrative offense, administrative process, falsification

Согласно ст. 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее-КоАП РФ) «Доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также

иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела»¹. Доказательств в данной области достаточно много, поэтому лица, осуществляющие производство по делам об административных правонарушениях, проводят определенную классификацию на различных основаниях. Согласно мнению Бабарькиной О.В. доказательства следует классифицировать на определенные виды:

1. Прямые и косвенные. Данная классификация имеет большое практическое значение, оно заключается в применение косвенных доказательств для проверки достоверности прямых, поскольку предназначением и тех, и других доказательств является установление фактических обстоятельств правонарушения [3, с. 644]. Если говорить о понятии косвенных доказательств, то это вопрос дискуссионный и в научном обществе нет единого мнения на этот счет.

2. Первоначальные и производные. Данная классификация позволяет достаточно просто классифицировать доказательства, имеющиеся в деле, а также определить достаточность и достоверность содержащихся в материалах дела фактических данных, что в последующем влияет на обоснованность принимаемых по делу решений.

3. Обвинительные (отрицательные), оправдательные (положительные), констатирующие (нейтральные). Проблематика данной классификации заключается в том, что на сегодняшний день учеными-процессуалистами не определен критерий подобного деления доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. В законе не содержится объяснений, какие из доказательств следует считать обвинительными, какие-оправдательными, а какие-констатирующими. Такое решение принимается должностным лицом, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, непосредственно при оценке всей совокупности собранных доказательств. Но несмотря на это, данная оценка по-прежнему будет носить субъективный характер и говорить об абсолютной достоверности будет неправильно.

4. Личные и вещественные. Последняя классификация является одной из дискуссионных. Однозначной позиции в научной литературе по данному критерию (источник происхождения доказательства) нет. Стоит рассмотреть данную классификацию поконкретнее. Многие авторы в своих исследованиях видов доказательств, помимо личных и вещественных доказательств, каждый из них делят на подвиды, вследствие чего среди личных выделяют три подгруппы.

В первую подгруппу входят объяснения участников производства, к примеру-лицо в отношении, которого совершено административное правонарушение, свидетель или потерпевший.

Во вторую подгруппу доказательств входят протоколы, как процессуальные документы, составляемые по делу об административном правонарушении. Стоит отметить, что к таким личным доказательствам, как протокол, предъявляются особые требования, предусмотренные статьей 28.2 КоАП РФ. Если требования представленной статьи нарушаются, то протокол утрачивает доказательственное значение.

К третьей подгруппе относятся иные документы, содержащие информацию о фактах, деталях правонарушения. К ним относятся не только письменно или устно изложенные сведения, но также материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, информационных баз и банков данных и иные носители информации. К данной группе также предъявляются особые требования, которые сформулированы в ст. 26.7 КоАП РФ.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ ст. 26.2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/747b7ded7accf4fbd94a98fe212713ae1845601/

Если говорить о группе вещественных доказательств, то такие доказательства формируются из взаимодействия физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении с предметами материального мира. В основном это орудия совершения правонарушения, но также выделяют предметы, сохраняющие на себе следы и отпечатки правонарушителя.

Такая классификация позволяет правоприменителям устанавливать насколько достоверно то или иное доказательство. Некоторые ученые считают, что наиболее объективными являются вещественные доказательства, поскольку при получении личных доказательств необходимо учитывать так называемый «человеческий фактор». На информацию, полученную от физического лица могут повлиять испуг или внезапность, или сами по себе особенности психики, из-за чего оценить объективность данных в таких условиях очень сложно. Поэтому личные доказательства подлежат проверке путем постановки детализирующих вопросов к лицам, имеющим отношение к административному правонарушению. Однако, даже в таком случае нельзя говорить об абсолютной достоверности личных доказательств. Таким образом, в качестве одной из важнейших проблем личных доказательств стоит считать высокую вероятность их фальсификации.

При этом фальсификация представляет собой подделывание чего-то, искажение, подмену подлинного мнимым. Сфальсифицированные доказательства достаточно трудно поддаются анализу, по внешнему виду ничем не отличаются от доказательств, которые получают с соблюдением требований процессуального законодательства [4, с. 50]. Своевременное разоблачение фальсификации доказательств бывает затруднено умышленной деятельностью фальсификатора. Если в материалы дела поступают сведения, не имеющие отношения к делу, то может иметь место ошибка в объекте, когда лицо, фальсифицирующее документы (сведения), полагает, что представляемые сведения имеют отношение к делу и могут повлиять на правосудие, что, по сути, выглядит как покушение на фальсификацию доказательств.

Если говорить об ответственности за правонарушения, предметом которых являются доказательства, то стоит выделить ст. 17.9 КоАП РФ. Рассматривая объективную сторону КоАП РФ в области доказательств, предусматривает административную ответственность за заведомо ложные показания свидетеля, пояснение специалиста, заключение эксперта или заведомо неправильный перевод при производстве по делу об административном правонарушении¹. Санкция, предусмотренная в рассматриваемой статье, выражается в виде административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей. Такое наказание очень сложно назвать приемлемым, учитывая, что деяния, за которые предусмотрена ответственность, достаточно серьезно влияют на саму сущность справедливого применения административной ответственности [7, с. 23].

Также хочется отметить, что законодатель, в рассматриваемой статье, ограничился достаточно однообразным, единичным видом административного наказания за такое правонарушение. Если сопоставлять представленную санкцию с санкцией при уголовной ответственности за правонарушения в сфере фальсификации доказательств, то видно кардинальное различие и большой арсенал наказаний. Затрагивая данную область стоит привести в пример статью 303 УК РФ², где фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником - наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ ст. 17.9. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/1f6f9017405c336f171fe138a9544e53e54fcee1/

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ ст. 303.

на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Фальсификация доказательств не является исключительной проблемой административного производства, правильнее будет сказать, что данная проблема связана с системой доказывания в целом.

Таким образом складывается достаточно противоречивая ситуация. При вынесении решения суд опирается непосредственно на доказательства, которые зачастую именно личные. Чтобы решение было справедливым и правомерным, законодательство запрещает какую-либо фальсификацию, но при этом такие правонарушения, посягающие на саму справедливость, наказываются формальным штрафом.

Список источников

1. Артемова Д.И. Теория судебных доказательств и доказывания. - Пенза: ПГУ, 2012. - 337 с.
2. Бабарькина О.В. О структуре дополнительной классификации доказательств // Арбитражный и гражданский процесс. - 2008. - №7. - С. 31-35.
3. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник для вузов. - 2-е изд. - М.: Эксмо, 2006. - 800 с.
4. Боголюбова Т.А., Бабаева Э.У., Севрюкова Е.А. Расследование фальсификации доказательств дознавателем, следователем. Методическое пособие. - М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной Прокуратуре РФ, 2004. - 50 с.
5. Ворончихина Е. В. Фальсификация доказательств: Актуальные проблемы / Е. В. Ворончихина // Вопросы российской юстиции. - 2020. - С. 1-8.
6. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: автореф. дис. д-р. юрид. наук: 12.00.08. - Владивосток, 2007. - 54 с.
7. Матюшин Б.Т. О доказывании и доказательствах // Актуальные проблемы судебной правовой политики: материалы IV Международной научно-практической конференции. - 2007. - С. 258 - 260.
8. Треушников М.К. Судебные доказательства: [Монография]. - 3-е изд. - М.: Издат. дом «Городец», 2004. - 268 с.

Информация об авторах

Д.Д. МЕЛЬНИКОВ — студент 1 курса.

Information about authors

D.D. MELNIKOV — 1st year student.

Научная статья
УДК 349.414

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алиса Денисовна НИКИТИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ad_nikitina@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Марина Борисовна КАБАНОВА**, 9578942@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы регулирования и способов усовершенствования государственного земельного надзора в Российской Федерации. Также в статье анализируются правовые

новеллы в земельном законодательстве на основании Постановления Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 (ред. от 07.02.2022) «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)».

Ключевые слова: земельное законодательство, государственный земельный надзор, надзорные органы, государственный экологический контроль, органы прокуратуры

MODERN FEATURES OF STATE REGULATION OF LAND SUPERVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alisa D. NIKITINA

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ad_nikitina@bk.ru

Scientific adviser – Senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), **M.B. Kabanova**, 9578942@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of regulation and ways to improve state land supervision in the Russian Federation. The article also analyzes legal novelties in land legislation on the basis of the Decree of the Government of the Russian Federation of 30.06.2021 № 1081 (ed. of 07.02.2022) «On Federal State land control (supervision)».

Keywords: land legislation, state land supervision, supervisory authorities, state environmental control, prosecutor's offices

Конституция как уникальный нормативно-правовой акт, имеющий высшую юридическую силу, в статье 9 устанавливает, что земля и иные природные ресурсы находятся под охраной государственных структур, как основа жизнедеятельности населения России. Государство наиболее заинтересовано в плодородных и экономически выгодных земельных объектах: «сельскохозяйственные земли (обрабатываемые – пашня, сады, засеянные луга, естественные пастбища), лесные земли, земли, занятые населенными пунктами, промышленностью и транспортом, а также земли особо охраняемых природных территорий с целью сохранения биологического видового разнообразия флоры и фауны» [1, с.63-75].

Землепользование наиболее важными природными участками не должно противоречить положениям Земельного кодекса Российской Федерации, а именно процесс целевого использования земельными объектами не может оказывать деструктивного влияние на состояние почв, приводить к их обеднению и нарушению экологического баланса. Соблюдение данного условия возможно только при осуществлении эффективного государственного (контроля) надзора за соблюдением земельного законодательства в Российской Федерации. Так, О.В. Калугина рассматривает государственный земельный контроль в качестве «обязательного элемента механизма государственного управления и правового института, значимость которого определяется, в том числе исходя из представления о земле, являющейся объектом земельных отношений, как о природном объекте, природном ресурсе, используемом в качестве средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве, и одновременно как о недвижимом имуществе, об объекте права собственности и иных прав на землю» [2, с. 51-54].

Необходимо отметить то, что известные правоведы в области земельного права в одной из возможных теорий акцентируют внимание на тождественности или равенстве сущности терминов «контроль» и «надзор». В частности, кандидат юридических наук Л. А. Галанина отмечает, что в ряде случаев трудно отличить контрольные полномочия от надзорных, поэтому в законодательстве и литературе не всегда четко проводится разграничение между контрольными и надзорными полномочиями, а контрольные и надзорные органы нередко называют «контроль-

но-надзорными» [3]. В статье 71 Земельного кодекса РФ устанавливается компетенция органов власти в осуществлении данных контрольно-надзорных полномочий, а также предмет и объект регулирования земельных правоотношений¹. На основании Постановления Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1096 «О федеральном государственном экологическом контроле (надзоре)» надзор и контроль в области земельного законодательства осуществляют: Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, а также иные органы государственного надзора.

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии в рамках своих полномочий в первую очередь осуществляет контроль за отклонениями в целевом использовании земельных участков, регламентирует порядок и перечень правоустанавливающих документов на земельные наделы, которые позволяют вести хозяйственную и иную деятельность. Одной из главных задач Росреестра также является мониторинг предоставления земельных участков, которые находятся в государственной и муниципальной собственности, ведение кадастрового учета (Кадастровая палата в составе Росреестра) правовое информирование об обязанностях собственников и арендаторов по приведению объектов землепользования в состояние, пригодное для реализации положений целевого назначения.

Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору на основе Приказа Россельхознадзора от 14 сентября 2016 г. № 663 «О Регламенте Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору» проводит контроль и учет использования химических реагентов в сельскохозяйственной деятельности, в рамках предупредительных мер осуществляет столь актуальную на данный момент защиту населения и животного мира от пандемий и эпидемий, а также устанавливает правовой порядок внедрения селекционных достижений в деятельность агропромышленного и сельскохозяйственного комплекса Российской Федерации.

Также Федеральная служба по надзору в сфере природопользования обеспечивает функциональное применение бюджетных и дотационных средств по различным отраслям поддержки и улучшения земельного фонда России. Росприроднадзор фиксирует объекты в Красной книге, а также осуществляет учет наиболее опасных для экологии видов деятельности и соответствующих им организаций.

Основной формой осуществления государственного земельного надзора являются плановые и внеплановые проверки, проведение которых осуществляется в соответствии с земельным законодательством, особенности этого метода контроля конкретизируются в положениях Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Ключевой особенностью земельного надзора на данном этапе развития нормативно-правовой базы России является разделение контрольных функций на государственный, муниципальный и общественный виды, что частично формирует существующие проблемы регулирования охраны земельного фонда.

Основной проблемой реализации контрольных полномочий субъектов охраны земель является нехватка фиксированного, централизованного механизма планирования [4]. Планирование основано на жалобах общественных организаций, граждан или СМИ, а также на уже известных последствиях правонарушений. На государственном и муниципальном уровнях надзор носит разрозненный характер ввиду отсутствия единой структуры и организации плановых и сложная процедура согласования внеплановых проверок, что часто приводит к дублированию компе-

¹ Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022).

тенций органов власти. Недостаточный уровень технологической, материальной и кадровой обеспеченности в момент проверки и на этапе регистрации права на земельный участок создает сложности в определении границ земельного участка и сопоставлении их с данными кадастрового учета, в установлении факта нецелевого использования природных ресурсов, которое часто приводит к негативным экологическим последствиям как для самого объекта землепользования, так и для граждан [5].

Также насущной проблемой является широко распространённое правовое состояние земли неразграниченной государственной собственности. Н. Ю. Чаплин указывает «разграничение государственной собственности на землю подразумевает под собой вопросы определения собственника, передачи объектов государственной собственности из ведения Федерации ее субъектам, процедуру оформления такого рода передачи, права федеральных органов и субъекта федерации, уполномоченных разрешать данные вопросы» [6]. Данное положение влечет риски, связанные с самовольным занятием со стороны муниципального уровня власти земель, которые в данный момент располагаются в государственной собственности Российской Федерации.

В правовом регулировании земельных правоотношений существует и трудности привлечения к ответственности при уже выявленных правонарушениях. Размер штрафов и возможность несоблюдения судебных решений не обеспечивает эффективность наказания за неправомерное поведение. Также часто возникает возможность со стороны правонарушителя в целом избежать привлечения к ответственности из-за отсутствия информации о правообладателе, о возможности занимать данный участок в государственных электронных ресурсах.

В заключении стоит сказать, что со стороны органов власти все же организуются мероприятия по совершенствованию земельного надзора. Необходимо отметить, что комплексный подход к осуществлению земельного надзора обеспечивают органы прокуратуры, так как реализуют в своих полномочиях законность и модернизацию правоприменительного подхода.

Надзор органов прокуратуры за земельным законодательством реализуется в согласовании плана плановых, а также оснований проведения внеплановых проверок со стороны контролирующих органов, таких как Росприроднадзор, Росреестр и другие [7, с. 23-25]. В сферу полномочий также входит надзор за законностью и наличием коррупционных факторов в нормативно-правовых актах местных органов самоуправления.

Статистика зафиксированных правонарушений отражает эффективность реализации поставленных перед органами прокуратуры задач по нормированию сферы земельных правоотношений. Так, за 2021 год в сфере земельного законодательства прокурорами выявлено 485 нарушений закона, а также по материалам прокурорской проверки по фактам нарушений законодательства о собственности возбуждено 2 уголовных дела. Прокурорами Целинного и Кетченеровского районов выявлялись нарушения при проведении органами местного самоуправления публичных процедур по предоставлению земельных участков в части сроков рассмотрения заявлений, одновременного опубликования извещений¹.

Таким образом, земельный надзор в Российской Федерации на данном этапе развития национального законодательства имеет ряд нерешенных вопросов, связанных с правоприменением норм Земельного кодекса и соответствующих Федеральных законов в работе уполномоченных органов власти и органов местного самоуправления. Однако, особенную роль играют органы прокуратуры, деятельность

¹ Статистические данные. Главное организационно-аналитическое управление. Генеральная прокуратура Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <https://genproc.gov.ru/structure/genprokuratura/> (дата обращения: 17.02.2022).

которых в первую очередь основана на принципах гласности и справедливости в реализации полномочий [8]. Именно правовая позиция прокуратуры по отстаиванию прав и законных интересов физических и юридических лиц, земельные права которых нарушаются, совершенствование деятельности, применение обоснованных, высокоэффективных и своевременных актов прокурорского реагирования гарантируют формирование высокоэффективной системы земельного надзора в Российской Федерации.

Список источников

1. Белокрылова Е. А. Земля как объект междисциплинарной правовой охраны // Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции. 2019. № 1. С. 65–75.
2. Калугина О. В. Административно-правовое регулирование государственного земельного контроля // Административное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 51–54.
3. Галанина Л. А. Организационно-правовое обеспечение контроля за исполнением нормативно-правовых актов в субъектах Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 22.
4. Паламарчук А. В. Задачи прокурорского надзора за исполнением законов органами местного самоуправления // Законность. 2014. № 3. С. 5.
5. Кучугуров В.В., Хлыстун В.Н. Состояние и основные направления повышения эффективности государственного земельного надзора // Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2017. № 7(7). URL: <https://nauchforum.ru/journal/stud77/22409/> (дата обращения: 20.02.2022)
6. Чаплин Н. Ю. Понятие и особенности земельного участка как объекта гражданских прав // Журнал российского права. - 2018. - № 8. - С. 1216.
7. Байдина О.Ю. Прокурорский надзор за соблюдением земельных прав граждан // Вестник научных конференций. 2017. № 1–5 (17). С. 23–25.
8. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин и др. — Москва: РУСАЙНС, 201

Информация об авторах

А.Д. НИКИТИНА — студентка 2 курса.

Information about authors

A.D. NIKITINA — 2nd year student.

Научная статья
УДК 349.6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗДЕЛЬНОГО СБОРА ОТХОДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ольга Витальевна ПОЛЯКОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
olya.polyakovs@bk.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Марина Борисовна КАБАНОВА**, 9578942@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные вопросы законодательства, регулирующего в Российской Федерации отдельный сбор отходов, а также обозначены актуальные проблемы и предложены возможные пути их решения, способствующие снижению нагрузки на природную среду, здоровье человека и качество жизни.

Ключевые слова: отдельный сбор, отходы, утилизация отходов, отходы производства и потребления, окружающая среда

CURRENT PROBLEMS OF REGULATION
OF SEPARATE WASTE COLLECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Olga V. POLYAKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

olya.polyakovs@bk.ru

Scientific adviser – Senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), **M.B. Kabanova**, 9578942@mail.ru

Abstract. The article discusses some issues of legislation regulating separate waste collection in the Russian Federation, as well as identifies current problems and suggests possible solutions to reduce the burden on the environment, human health and quality of life.

Keywords: separate collection, waste, waste disposal, production and consumption waste, environment

В условиях развитого промышленного производства и рыночной экономики в Российской Федерации особо остро встает вопрос об ухудшении экологической обстановки в стране. Так, во всем мире на первый план выходят проблемы, связанные с состоянием окружающей природной среды. Среди наиболее серьезных особенно выделяют загрязнение воздуха, плохое качество водопроводной воды, трудности с озеленением парков и лесов, грязные реки и озера, а также мусорные свалки и несвоевременный вывоз мусора.

В связи с этим, вопрос о развитии такого института, как принцип разделения отходов является весьма актуальным в наши дни. Так, по данным министерства природных ресурсов России в среднем, россияне производят около 400 кг различных отходов, а международная независимая экологическая организация «Гринпис» приводит неблагоприятную статистику – свалки в стране занимают 4 млн га, продолжая активно разрастаться.

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то можно увидеть ощутимые результаты. Уже во многих государствах научились многочисленные отходы «превращать» в доходы, и именно поэтому отдельный сбор отходов и их последующая переработка были выбраны как приоритетные направления в системе обращения с отходами. Бесспорно, при переработке удастся не только снизить, например, уровень загрязнения воды и значительно уменьшить объем мусора на полигонах, но и сократить при повторной переработке выброс углекислого газа в атмосферу, сохранив при этом ценные природные ресурсы, что невозможно при сжигании мусора. В настоящее время одним из лидеров по переработке бытовых отходов в Европе считается Германия, где перерабатывается 66% мусора¹. Германия добилась невероятных результатов, превратив переработку мусора в прибыльный бизнес, только на 2017 год оборот мусороперерабатывающей отрасли составил примерно 70 млрд евро. Некоторым немецким компаниям удастся переработать около 1,7 тонн мусора в год, что позволяет значительно сократить выбросы диоксида углерода.

Еще одним наглядным примером служит Япония, где существует достаточно развитая система отдельного сбора мусора. Так, в государстве каждый без исключения муниципалитет имеет власть самостоятельно устанавливать нормы по циркуляции отходов. Благодаря принятому в 1997 году закону, обязавшем промышленность отделять полимеры от других категорий мусора, часть пластика удается использовать повторно в производстве (процент с 1996 по 2014 увеличился от 39% до 83%)².

¹ В Европе назвали страны-лидеры по переработке мусора // Интернет ресурс: режим доступа: <https://recyclemag.ru/news> (дата обращения 15.02.2022).

² Раздельный сбор мусора: быть или не быть в России: Интернет ресурс: режим доступа: https://tass.ru/spec/musor_sbor (дата обращения 16.02.2022).

Для того, чтобы осмыслить положение дел, сложившихся на данный момент в России в области обращения с отходами, следует обратиться с анализом к действующему законодательству. 2019 год положил начало «мусорной реформе», она несет в себе цель создать в стране комплекс по обращению с твердыми коммунальными отходами на основании циркулярной экономики. По информации Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации данная система должна в полном объеме изменить принципы и механизмы сбора, сортировки, переработки и утилизации мусора. Думается, что данная новелла послужит формированию новой бытовой культуры в обществе и повышению благополучия, но на данный момент реализация данной реформы осуществляется достаточно тяжело.

Первостепенным нормативным правовым актом, который регламентирует деятельность, связанную с отходами, является Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – ФЗ № 89). Данный ФЗ № 89 определил правовые основы обращения с отходами производства и потребления в целях предотвращения вредного воздействия на здоровье человека и окружающую среду, а также вовлечения таких отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья¹.

Стоит отметить, что за время существования рассматриваемого нами нормативного правового акта в него было внесено достаточное количество поправок, некоторые из которых, в значительной мере, повлияли на российское законодательство об отходах производства и потребления. В частности, понятие, указанное в ст. 1 настоящего Федерального Закона, ранее не было дополнено толкованием о веществах/предметах, образованные не только в процессе производства или потребления, но и выполнения работ, а также оказания услуг, то есть законодательное определение «отходов» охватывает собой и способы возникновения. Таким образом, произошло разделение между коммерческими отходами, которые возникли в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг, и бытовыми отходами, появившимися в процессе потребления.

Авторы Глеба О.В. и Чудакова К.А., изучая проблемы отходов производства и потребления, указывают в своей работе на недостатки российского законодательства касательно понятийного аппарата, связанного с отходами, в частности, что законодателем не дается определения понятию «удаление отходов», хотя в ФЗ № 89 само слово «удаление» присутствует в ст. 1 [4, с. 57]. Следовательно, авторы видят необходимость в раскрытии содержания данного понятия. Иначе неясно, какие из понятий, используемые в законодательстве являются удалением: обезвреживание, утилизация или иные способы обращения.

Тем не менее, несмотря на пробелы в законодательстве, достаточно много трудностей встречается и на практике. Нам кажется, что в основном проблемы возникают из-за невысокого уровня бытовой культуры и низкой грамотности населения по данному вопросу об обращении отходов. Это происходит в первую очередь вследствие недостаточного информирования граждан государством о пользе данной процедуры. Можно сказать, что государственная система просвещения практически отсутствует, существуют лишь локальные и добровольческие волонтерские проекты.

Как нам кажется, экокультуру необходимо прививать с детства, объясняя, что такое бережное и гуманное отношение к окружающей среде и как сильно оно влияет на здоровье граждан и качество их жизни в целом. Ярким примером выступает

¹ Федеральный Закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (последняя редакция) «Об отходах производства и потребления» (ред. 27.12.2019) // Интернет ресурс: режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения 17.02.2022).

СССР, где принцип раздельного сбора мусора имел особую важность. В Советском Союзе были разработаны универсальные бутылки для молока, которые любой желающий мог сдать в пункт приема, также в школах проходили сборы макулатуры и металлолома.

Ещё одной проблемой является несовершенный механизм переработки отходов. Во-первых, стоит отметить, что уплата экологического сбора в соответствии с политикой расширенной ответственности производителей (РОП) является более выгодным решением, нежели утилизация отходов. Во-вторых, сформировать полноценный цикл переработки достаточно проблематично по причине того, что определенные разновидности отходов в России не переработать – специальная инфраструктура отсутствует.

На данный момент полноценно и с соблюдением всех правил перерабатывается лишь около 3-5% всех отходов. Таким образом, можно сделать закономерный вывод, что для грамотного разделения мусора по всем канонам необходимы не только вложения государства и крупных компаний на развитие соответствующего механизма, но и осознанный подход населения к данному вопросу.

Какие видятся возможные решения проблемы? В первую очередь – это мотивация граждан к сортировке мусора. Если обратиться к зарубежному опыту, то можно сделать вывод, что введение раздельного сбора мусора вероятно будет складываться более действенно при наличии эффективных стимулов, которые будут влиять на всех участников системы обращения с отходами. Авторы Глеба О.В. и Чудакова К.А. предлагают расширить методы государственного принуждения, внося соответствующие поправки в КоАП РФ в части установления дополнительной ответственности для региональных операторов твердых коммунальных отходов за неисполнение обязательств по госконтрактам.

В заключении отметим, что все же на наш взгляд, решение проблем кроется в изменении парадигмы мышления у граждан Российской Федерации. Только при осознании важности разделения мусора каждым человеком в отдельности и должной пропаганде от органов власти можно добиться результатов в этом направлении. Таким образом, думается, что обратить внимание следует не только на создание инфраструктуры, способствующей повышению уровня технологичности в данной сфере и введению мер государственного контроля и принуждения, но и на популяризацию идеи раздельного сбора отходов и обучение этому населения.

Список источников

1. Глеба О.В., Чудакова К.А. Раздельный сбор отходов в России: проблемы и пути решения / О.В. Глеба, К.А. Чудакова. – Текст: непосредственный // Аграрное и земельное право. – 2020. – №2 (182). – С. 56-59.

Информация об авторах

О.В. ПОЛЯКОВА – студентка 3 курса.

Information about authors

O.V. POLYAKOVA – 3st year student.

Научная статья
УДК 349.6

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ КОНТРОЛЕ (НАДЗОРЕ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дарья Сергеевна РОГАНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
darya_roganova@mail.ru

Научный руководитель заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент **Вениамин Владимирович ЛАВРОВ**, veniaminl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с экологическим контролем и экологическим надзором в Российской Федерации. Исследуется проблема защиты окружающей среды от субъектов природопользования. Предлагается конкретизировать термин «экологический надзор» и необходимость его раскрытия в ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Ключевые слова: экологический контроль, экологический надзор, законность, право, государство, охрана окружающей среды

ON THE QUESTION OF ENVIRONMENTAL CONTROL (SUPERVISION) IN THE RUSSIAN FEDERATION

Darya S. ROGANOVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
darya_roganova@mail.ru

Scientific adviser – Head of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Candidate of Science (History), Associate Professor, **V.V. Lavrov**, veniaminl@mail.ru

Abstract. The article deals with debatable issues related to environmental control and environmental supervision in the Russian Federation. The problem of protecting the environment from the subjects of nature management is being investigated. It is proposed to specify the term «environmental supervision» and the need for its disclosure in Art. 1 of the Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ «On Environmental Protection».

Keywords: environmental control, environmental supervision, legality, law, state, environmental protection

Охрана окружающей среды становится важной задачей не только в рамках одного государства, но и всего мирового сообщества. В настоящее время на первое место выдвигается проблема защиты окружающей среды от вреда, вызванного в ходе негативных воздействий, в частности, при осуществлении природопользования, в связи с которым происходит увеличение количества глобальных экологических проблем. Несмотря на то, что данные официальной статистики свидетельствуют о скачкообразном изменении количества экологических преступлений (в 2015 г. зарегистрировано 24 857 преступлений, в 2016 г. – 23 688, 2017 г. – 24 379, 2018 г. – 23 899 [1, с. 64]), они объективно не отражают нанесенного экологического вреда окружающей среде, в том числе ввиду общего причиненного экологического ущерба в ходе антропогенного воздействия. С целью предотвращения угроз, причиненных при использовании природных ресурсов субъектами экологического права, необходимо обратить внимание на контрольно-надзорную деятельность,

осуществляемую федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, общественными объединениями и иными некоммерческими организациями, гражданами.

В интересах общества и государства необходимы меры по созданию и поддержанию благоприятной экологической среды, которые будут направлены на сохранение правопорядка путем влияния на правосознание граждан в сфере экологии. Так, при повышении правовой культуры граждан в экологическом праве станет возможным не только уменьшение экологических рисков, связанных с деятельностью лиц, но и воссоздание благоприятной окружающей среды для повышения уровня жизни граждан. Важно подчеркнуть значимость деятельности законодательных и исполнительных органов власти Российской Федерации в реализации полномочий, способствующих ограничению и ликвидации экологического вреда, нанесенного окружающей среде.

Возникает необходимость в законной и своевременной реализации экологического контроля и надзора с целью формирования ответственного отношения лиц к окружающей среде, что, в конечном итоге, позволит не допустить экологического развала.

Становится важным рассмотреть вопрос, связанный с определением понятий надзора и контроля над субъектами природопользования. Данная роль отводится экологическому контролю и экологическому надзору, которые препятствуют посягательству на охраняемые законом компоненты природной среды. Одной из проблем данного вопроса выступает слияние в законодательстве РФ терминов «контроль» и «надзор» и, соответственно, полномочий субъектов, осуществляющих экологический контроль и экологический надзор, что затрудняет применение данных понятий в практической деятельности.

В юриспруденции нет единогласного мнения среди учёных о разграничении и отождествлении терминов «контроль» и «надзор» [2, с. 150-153], исходя из противоречивого понимания данных понятий, ведутся дискуссии о правильном и должном определении экологического контроля и экологического надзора.

В теории административного права происходит дифференциация терминов «контроль» и «надзор», но, несмотря на это, органы законодательной власти используют данные понятия как синонимы, что не соответствует их содержательному характеру. Так, в Российской Федерации начался период масштабного пересмотра и отмены нормативных правовых актов, в том числе и в области экологии, в связи с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». В ст. 15 данного Федерального закона отмечается, что определенный перечень видов государственного контроля (надзора) является утратившим силу¹. Изменения в области нормативных правовых актов, обеспечивающих реализацию государственного контроля (надзора), затронули сферу экологических правоотношений ещё в 2013 году, когда было принято Постановление Правительства РФ от 05.06.2013 г. № 476 «О вопросах государственного контроля (надзора) и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации», в соответствии с которым в некоторых нормативных правовых актах были изменены термины, например, Постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2001 г. № 31 «Об утверждении Положения о государственном контроле за охраной атмосферного воздуха» было признано утратившим силу, а Положение о государственном надзоре в области охраны атмосферного воздуха вступившим в силу.

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 N 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>.

Обращая внимание на использование законодателем терминов «контроль» и «надзор» как синонимических понятий, мы наблюдаем, что в этой связи происходит дублирование полномочий органов государственной власти при осуществлении контрольно-надзорной деятельности, которое негативным образом отражается на практике. Как отмечает О.Ю. Ганюхина, различия экологического контроля и экологического надзора состоят в предметном регулировании деятельности субъектов, осуществляющих контроль и надзор. Разграничивая термины, автор определяет, что предмет контроля в области охраны окружающей среды заключается в деятельности подконтрольных субъектов по соблюдению и исполнению нормативных правовых актов по охране окружающей среды. Устанавливая определение предмета надзора за охраной окружающей среды, автор трактует его как деятельность органов власти по реализации экологического законодательства, исполнению управленческих и контролирующих функций ими, а также коммерческими и некоммерческими организациями [4, с. 7-8]. Уважая мнение автора, в данном утверждении не раскрыты как подконтрольные субъекты, так и поднадзорные, не определены органы власти, осуществляющие надзор, что осложняет понимание в различии терминов «экологический контроль» и «экологический надзор».

Д.Г. Домрачев и А.А. Кирилловых обосновывают целесообразность разграничения терминов «контроль» и «надзор», объясняя это дифференцирование компетенцией соответствующих органов и предлагая закрепить понятие «надзор» за деятельностью органов прокуратуры, в связи с их непосредственной функцией, а понятие «контроль» - закрепить за органами государственного контроля [5, с. 113]. Как справедливо отмечает В. И. Рохлин, «только законодательно оформленный контроль, только установленная в правовом плане контролирующая деятельность может быть эффективной и результативной, поскольку иначе будет смешение функций, дублирование и создание помех надлежащей организации управления в государстве и обществе» [6, с. 20].

Проводя разграничение между понятиями, О.А. Зиновьева делает вывод, что экологической контроль и экологический надзор можно разделить по такому признаку, как субъектный состав, который проводит контрольно-надзорные мероприятия: «в отношении экологического контроля, осуществляемого органами государственной власти, употребляется термин «надзор», а в отношении производственного и общественного – «контроль» [7, с. 618].

На основании констатации данного разграничения необходимо обратить внимание на основные особенности между контролем и надзором в целом. Контроль, прежде всего, характеризуется наибольшим масштабом проверки деятельности подконтрольных субъектов, которая включает в себя мероприятия по всесторонней оценке деятельности подконтрольных субъектов: проверка результата деятельности, проверка мероприятий по достижению результата, осуществление позитивных или негативных санкций по результатам проверки. Так, контроль допускает возможность вмешательства контролирующих органов в деятельность подконтрольных физических и юридических лиц для препятствования или устранения выявленных нарушений путем прямого указания на выявленные недостатки. Следует обратить внимание, что надзор состоит в проверке соблюдения и исполнения поднадзорными субъектами нормативных правовых актов, а именно деятельность надзорных органов заключается в проверке результата [8, с. 172]. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что специфика отличия контроля от надзора складывается из диапазона проверяемой деятельности субъектов, а также обеспечения различных методов и правовых форм воздействия в ходе проведения проверки.

В ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды») закреплено определение контроля в области охраны окружающей среды (экологического контроля), под которым понимается «система мер, направленная на предотвращение, выявление и пресечение наруше-

ния законодательства в области охраны окружающей среды, обеспечение соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями требований, в том числе нормативов и нормативных документов, федеральных норм и правил, в области охраны окружающей среды»¹. В данном определении происходит слияние терминов контроля и надзора посредством выделения общих признаков, а также отсутствие субъектов, осуществляющих экологический контроль, и полного списка подконтрольных субъектов, что, в конечном итоге, затрудняет осуществление правоприменительной деятельности субъектами экологического контроля и экологического надзора на практике. Сложность восприятия данного определения подконтрольными и поднадзорными субъектами заключается в неточном соблюдении и исполнении ими установленных законодательством требований в области охраны окружающей среды. Это, в частности, является причиной негативного воздействия на окружающую среду со стороны субъектов природопользования, которое может привести к необратимым последствиям. Как отмечает Е.В. Младенова, термины «экологический контроль» и «экологический надзор» не должны использоваться в законодательстве бессистемно. Данные понятия требуют четкой дифференциации, которая бы исключала отождествление функциональной направленности терминологии [10, с. 86].

Понятие экологического контроля закреплено в ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды», однако определение экологического надзора отсутствует. Так, в ст. 65 ФЗ «Об охране окружающей среды» находит свое отражение термин «государственный экологический контроль (надзор)». Мы полагаем, что такое объединение терминов носит комплексный характер при взаимодействии субъектов в экологических и экологизированных правоотношениях. Характеризуется это, прежде всего, объемом полномочий субъектов контроля и надзора в области охраны окружающей среды. Таким образом, разграничение между понятиями «экологический контроль» и «экологический надзор» состоит в целостности субъектного состава, полномочий по реализации контрольно-надзорной деятельности; подконтрольных и поднадзорных субъектов и объектов, их функций по устранению выявленных нарушений; форм, методов и средств осуществления экологического контроля и надзора. Вопросы, связанные с экологическим контролем, кроме ФЗ «Об охране окружающей среды», регламентируются и другими нормативными правовыми актами, а именно Постановлением Правительства РФ от 30.06.2021 № 1096 «О федеральном государственном экологическом контроле (надзоре)» (вместе с «Положением о федеральном государственном экологическом контроле (надзоре)») и Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и некоторыми другими. Однако данные нормативные правовые акты также не раскрывают понятие «экологический надзор».

В связи с отсутствием общего определения «экологический надзор» в ФЗ «Об охране окружающей среды» предлагаем ввести его в ст. 1 вышеназванного нормативного правового акта с целью исключения экологического неблагоприятия, обеспечения охраны окружающей среды от негативных воздействий на состояние окружающей среды со стороны субъектов природопользования. Предлагаем под экологическим надзором понимать специфическую деятельность уполномоченных органов государственной власти в области охраны окружающей среды по систематическому наблюдению за деятельностью субъектов эколого-правовых отношений на поднадзорных объектах с целью проверки их действий, обеспечивающих законность в соблюдении правовых норм, требований, правил экологического законодательства. Это, в конечном итоге, гарантирует уяснение законодательных предписаний, соблюдение, исполнение и их правомерное использование, принятие ответственного участия в функционировании природоохранного механизма субъектами правовых отношений в области охраны окружающей среды.

¹ Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>.

На основании вышеизложенного следует отметить, что экологический контроль и экологический надзор являются важным аппаратом по охране окружающей среды, обеспечивая экологическую безопасность в ходе осуществления контрольно-надзорной деятельности. Важно отметить, что при проведении контроля и надзора реализуются конституционные права граждан в области экологии¹. Гарантированность и реальное соблюдение эколого-правовых норм являются основой для укрепления правового государства и охраны окружающей среды.

Список источников

1. Охрана окружающей среды в России. 2020: Стат. сб./Росстат. – М., 2020. – 113 с.
2. Роганова Д.С. Вопросы совершенствования конституционного контроля и конституционного надзора как условие реализации принципа законности // Альманах молодого исследователя. – 2021. – № 10. – С. 150 – 153.
3. Ганюхина О.Ю. Правовое регулирование экологического контроля в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.Ю. Ганюхина. – Саратов, 2007. – 30 с.
4. Домрачев Д.Г., Кирилловых А.А. К вопросу о реализации экологического контроля и надзора в Российской Федерации: вопросы теории и практики // Теоретическая и прикладная экология. – 2017. – № 3. – С. 110-119.
5. Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение / В.И. Рохлин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 303 с.
6. Зиновьева О.А. Экологический контроль и надзор: проблемы соотношения в теории и законодательстве // Lex russica. – 2013. – № 6. – С. 616-620.
7. Конин Н.М. Административное право: учебник для вузов / Н.М. Конин, Е.И. Маторина. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 431 с.
8. Младенова Е.В. Понятие и назначение государственного экологического контроля (надзора) // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – № 5. – С. 78-87.

Информация об авторах

Д.С. РОГАНОВА – студентка 2 курса.

Information about authors

D.S. ROGANOVA – 2st year student.

Научная статья
УДК 349.6

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Владимир Александрович САРАПКИН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
vladimir.sarapkin@inbox.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Марина Борисовна КАБАНОВА**, 9578942@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы современного развития местного самоуправления в Российской Федерации, а также предложены возможные пути преодоления данных проблем.

Ключевые слова: местное самоуправление, Конгресс муниципальных образований, цифровизация

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм. и доп. от 01.07.2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>.

PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vladimir A. SARAPKIN

St. Petersburg Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

vladimir.sarapkin@inbox.ru

Scientific adviser — Senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), **M.B. Kabanova**, 9578942@mail.ru

Abstract. The article discusses the problematic issues of the modern development of local self-government in the Russian Federation, and also suggests possible ways to overcome these problems.

Keywords: local self-government, Congress of Municipalities, digitalization

Муниципальным образованием является территория населенного пункта, на которой осуществляется местное самоуправление в Российской Федерации. Органы местного самоуправления (далее – ОМСУ) обеспечивают реализацию принципа обеспечения самостоятельного решения населением вопросов местного значения, управления муниципальной собственностью, исходя из интересов всех жителей данной территории. Законодательной базой, регулирующей деятельность ОМСУ помимо нормативно-правовых актов Российской Федерации, является Европейская хартия местного самоуправления. Федеральный закон от 06.10.2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹, устанавливающая общие правовые, территориальные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, определяет государственные гарантии его осуществления.

В настоящее время работа муниципалитетов направлена на реализацию региональных и федеральных проектов, направленных на реализацию национальных проектов «Жилье и городская среда», «Образование», «Здравоохранение», «Демография», «Культура», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», а также Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года. Достижение поставленных задач возможно только при слаженной работе ОМСУ с региональными и федеральными органами государственной власти.

Комплексное развитие Российской Федерации возможно только при полноценной реализации федеральных программ на местном уровне. Исполнение национальных проектов по модернизации нашей страны начинается в первую очередь с муниципалитетов. Граждане нашей страны ежедневно сталкиваются с работой ОМСУ в социальной, экономической, образовательной сферах, а также в сфере здравоохранения. Качество работы муниципальных властей должно быть на максимально высоком уровне, так как именно по результатам их деятельности складывается оценка об итогах работы всей системы органов государственной власти Российской Федерации.

Анализируя Информацию Министерства финансов Российской Федерации о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год² доля дотаций (без учета субвенций и возврата

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

² Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2020 год: <https://minfin.gov.ru/ru/>.

остатков межбюджетных трансферов) из федерального и регионального бюджетов в бюджет муниципалитетов составляла примерно 51,5%. Данный анализ позволяет сделать вывод о финансово-экономической слабости муниципальных образований. Существующие источники доходов муниципальных образований не позволяют в полной мере исполнить возложенные на них расходные обязательства. Есть риск расходования, первоначально не заложенных в муниципальный бюджет финансовых средств, поступающих в виде дотаций, не по целевому назначению, что может также являться коррупциогенной составляющей данного вопроса.

О прямой финансовой зависимости муниципальных бюджетов от межбюджетных трансферов в 2019 году на выступлении с докладом Правительству о состоянии местного самоуправления выступил Президент Общероссийского Конгресса муниципальных образований (ОКМО) (далее – Конгресс), депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Виктор Борисович Кидяев,¹ который отметил, что «сейчас доходы муниципалитетов ежегодно растут, но уровень межбюджетных трансфертов остается очень высоким – 65% от всех доходов. Причем большую часть составляют субвенции на исполнение делегированных государственных полномочий. ОКМО считает, что требуется методика оценки стоимости муниципальных полномочий, иначе нельзя определить, сколько на самом деле нужно денег местным бюджетам»

Независимость муниципальных бюджетов от межбюджетных трансферов может быть достигнута путем увеличения налоговых поступлений в местный бюджет за счет пересмотра порядка зачисления налоговых доходов от федеральных налогов и сборов в бюджеты муниципальных образований. Так, согласно п. 2 ст. 61.5 Бюджетного кодекса Российской Федерации² в бюджеты сельских поселений поступают только 2% от налога на доходы физических лиц, тогда как в муниципальные бюджеты городских округов налоговые отчисления на доходы физических лиц составляют 15%. Следует заметить, что согласно данным Федеральной службы государственной статистики³ на 01.01.2021 год в России насчитывалось 20303 муниципальных образования, из которых 16332 являлись сельскими поселениями, то есть 80,44%. Комплексная реализация национального проекта по развитию сельских территорий только за счёт дотационных средств малоэффективна.

Актуальной остается проблема с задержкой дотационных выплат, которые необходимы для своевременного решения задач по благоустройству муниципалитетов. Поэтому следует оптимизировать финансовые средства и дать возможность сельским поселениям за счёт собственных средств реализовывать программы по модернизации территории. Специфика отдельных муниципалитетов, особенно сельских поселений, такова, что местная власть порой способна эффективнее расходовать имеющиеся средства, не дожидаясь необходимой финансовой поддержки в виде дотаций и субсидий из регионального или федерального бюджетов. Это будет способствовать более оперативному решению задач, поставленных перед местной властью. С проблемой самофинансирования сельских поселений связано уменьшение рабочих мест, а привлекательность сельских территорий по сравнению с городами значительно падает. Это является основной причиной оттока сельского населения в города. Увеличение объема бюджета сельских поселений будет способствовать развитию территории с учётом её специфики.

¹ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации <http://duma.gov.ru/news/47109/>.

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 29.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022).

³ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат): <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ykmb5eKg/munst.htm>.

Следует отметить, что Виктор Борисович Кидяев в выступлении на Совете по развитию местного самоуправления при Президенте РФ затронул проблему недостаточного финансирования реализации полномочий, возложенных на муниципальные власти. Увеличение полномочий ОМСУ, недостаточно обеспеченных финансовым наполнением, напрямую влияет на качественный показатель осуществления данных полномочий. Именно муниципальные власти решают первоочередные задачи по решению вопросов населения в различных сферах жизни общества и проблема с недостатком финансовых средств является сегодня насущным вопросом. «В связи с этим имеет особую важность тезис, озвученный Президентом в Послании Федеральному Собранию, о необходимости ликвидировать разрыв между государственным и муниципальным управлением, разделённость и запутанность полномочий», отметил В.Б. Кидяев.

По мнению В.Б. Кидяева инновационным шагом по долгосрочному эффективному развитию муниципальных образований является реализация концепции цифровизации муниципалитетов.¹ На основании проведенного исследования Президент Конгресса В.Б. Кидяев отметил, что федеральный проект «Цифровая трансформация государственного управления» недостаточно раскрывает проблемы муниципального уровня, где начинается реализация федеральных программ и проектов. Цифровая трансформация в государственном и муниципальном управлении обеспечит цифровой вид предоставления государственных услуг с использованием современных цифровых технологий: «Гибкого управления»; «Умный город»; «Цифровые посредники» и др.

Основными причинами отставания муниципалитетов в реализации программы по цифровой трансформации являются: во-первых, отсутствие необходимой финансовой поддержки муниципалитетов, во-вторых, дефицит квалифицированных кадров, обладающих необходимыми навыками и опытом по информатизации. Также отсутствие единого подхода в реализации задач на федеральном региональном уровнях способствует дестабилизации самого процесса цифровизации на муниципальном уровне.²

На основании проведенного исследования следует сделать вывод, что осуществление национальных проектов по модернизации нашей страны следует начинать с муниципальных образований. Также необходимо способствовать поднятию уровня жизни населения путем качественной работе местных властей по исполнению федеральных программ. Следует сбалансировать объем муниципальных полномочий и финансы, необходимые для их реализации. Четко разграничить муниципальные полномочия и полномочия региональных властей по реализации федеральных программ, что будет способствовать оперативному и качественному решению поставленных задач.

Информация об авторах

В.А. САРАПКИН – студент 2 курса.

Information about authors

V.A. SARAPKIN – 3rd year student.

¹ Материалы пленарного заседания съезда Общероссийского конгресса муниципальных образований: <http://duma.gov.ru/news/29735/>.

² Официальное еженедельное издание Федерального Собрания Российской Федерации «Парламентская газета» <https://www.pnp.ru/economics/rukavishnikova-zayavila-o-nedostatocnom-finansirovanii-programm-cifrovizacii-v-municipalitetakh.html>.

Научная статья
УДК 342

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Мария Алексеевна СТЕПИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
mashastepina2004@bk.ru

Научный руководитель старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Луиза Сираджединовна БУЛГАКОВА**, 6luiza@mail.ru

Аннотация. Малый и средний бизнес в России является полноправным партнером во всех сферах жизни любого города. В данной статье автор затрагивает весьма актуальные вопросы, связанные с деятельностью малого и среднего предпринимательства в России, а также раскрывает особенности административно-правовой поддержки бизнеса.

Ключевые слова: предпринимательство, малый и средний бизнес, контроль и надзор, административная деятельность, поддержка бизнеса

ADMINISTRATIVE SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Maria A. STEPINA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
mashastepina2004@bk.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Adviser to the Administration, **L.S. Bulgakova**, 6luiza@mail.ru

Abstract. Small and medium-sized businesses in Russia are a full partner in all spheres of life in any city. In this article, the author touches on very topical issues related to the activities of small and medium-sized businesses in Russia, and also reveals the features of administrative and legal support for business.

Keywords: entrepreneurship, small and medium-sized businesses, control and supervision, administrative activities, business support

В настоящее время государство и экономика являются неразрывно связанными областями, без экономики нельзя представить нашу жизнь, а государство, в свою очередь, активно взаимодействует с ней, так как от экономических показателей напрямую зависят показатели развития любого государства.

А.Я. Быстряков подчеркнул, что «Отношение к предпринимательству в каждой стране строится на законодательной базе и на отношении общества к тем своим соотечественникам, которых мы называем бизнесменами...» [1]. В нашей стране посредством различных нормативных правовых актов государство ведёт активную поддержку предпринимательства, а также осуществляет надлежащий контроль за правомерным осуществлением предпринимателями своих действий.

Примером подобного регулирования можно назвать установление ставки рефинансирования, активную антимонопольную политику и в частности, поддержку малого и среднего предпринимательства, положения которой подробно изложены в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Как говорил германский исследователь В. Либерникель: «Как любую хозяйственную систему нельзя представить без крупных предприятий, так и любая рыночная экономика недееспособна без малых и средних предприятий...» [2].

Здесь нельзя не согласиться с мнением учёного, так как именно эти институты являются ядром всей нашей экономики «... малое предпринимательство вносит вклад в решение множества производственных, научных и хозяйственных проблем... а также является важным источником налоговых поступлений...» [2].

Всем малым и средним предприятиям, в любом случае, на начальном этапе их становления, необходима помощь государства, ведь крупные предприятия имеют намного больше средств и возможностей для создания собственного аппарата защиты своих прав и свобод, как в качестве юридического лица, так и отдельного представительства, в то время как малый и средний бизнес не наделены таким широким спектром возможностей. Именно поэтому государство ведёт процесс активной поддержки развития этих областей. Одним из основных средств этой поддержки можно назвать административно-правовое регулирование данной деятельности. Существует много мнений по поводу уровня необходимости и важности именно этого вида регулирования в обсуждаемом виде деятельности. И здесь же в качестве подтверждения выдвинутой позиции хочется привести мнение О.Н. Ермолаевой, которая считает, «что административно-правовое регулирование реализуется именно в вертикальных административных и предпринимательских отношениях, направлено на горизонтальные предпринимательские отношения и в определённой степени воздействует на внутривозрастные отношения (в основном с помощью метода рекомендаций)» [3].

В качестве уточнения высказанной точки зрения приведем несколько примеров данного регулирования. Одним из таких являются особые условия применения мер административной ответственности в отношении некоммерческих организаций, а также являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и юридических лиц, а также руководителей и иных работников указанных юридических лиц, совершивших административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций (далее - их работники), устанавливаются настоящим Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее - КоАП РФ).

Также стоит сказать о смягчении наказаний для малого и среднего предпринимательства, которое заключается в том, что к ним в предусмотренных законом случаях будут применены менее тяжкие наказания, в отличие от тех, которые были предусмотрены ранее. К примеру, при проверке небольшого розничного магазина выявлено нарушение, предусмотренное ст. 15.13 КоАП РФ «Искажение информации и (или) нарушение порядка и сроков при декларировании производства, оборота и (или) использования этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, использования производственных мощностей». До внесения смягчений за такое правонарушение последовало бы наказание в виде наложения административного штрафа на юридических лиц - от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей². После же внесения поправок, как гласит ч.1 ст. 4.1.1 КоАП РФ, если лицо, относящееся к категории малого или среднего бизнеса, впервые совершает правонарушение, выявленное в ходе осуществления госконтроля (надзора), ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ, то вместо штрафа им должно быть назначено лишь предупреждение³. Следовательно, так как данное юридическое лицо совершило данное правонарушение впервые, ему будет назначено лишь предупреждение.

¹ См. ред. Федеральных законов от 03.07.2016 N 316-ФЗ, от 08.12.2020 N 410-ФЗ.

² См. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022).

³ См. КоАП РФ Статья 4.1.1. Замена административного наказания в виде административного штрафа предупреждением.

Здесь также важно упомянуть о том, что на достигнутом наше государство не собирается останавливаться, и в ближайшее время планируется расширение административно-правовой защиты малого и среднего предпринимательства, так новый законопроект был рассмотрен на заседании Правительства и поддержан Председателем Правительства Михаилом Мишустиним. В нём прописаны четыре ключевых изменения, которые снизят административную нагрузку на малый бизнес, индивидуальных предпринимателей и социально-ориентированные некоммерческие организации. Во-первых, для данных категорий будут вдвое снижены границы штрафов, что позволит смягчить наказание за допущенные правонарушения. При этом, если категория «ИП» не указана в КоАП РФ, то бизнесу будет назначаться половина от суммы штрафа. Во-вторых, за малым и средним бизнесом будет закреплено право на ошибку, это значит, что за впервые совершенное правонарушение органы контроля и суды будут предупреждать, а не сразу штрафовать предпринимателя. В-третьих, будут исключены ситуации, в которых за одно нарушение одновременно привлекаются к ответственности и сотрудник, и предприниматель, теперь в случае, если виновен работник, работодатель не будет наказан и оштрафован. И, в-четвертых, предполагается запретить штрафовать бизнес за несколько однотипных административных правонарушений по одному составу в рамках одной проверки. Для таких случаев законопроектом устанавливается норма: одинаковые нарушения – один штраф.¹

В заключении хотелось бы сказать о том, что по тому, как развивается предпринимательство и в какой степени реализуются права и свободы субъектов данной сферы, можно напрямую говорить об эффективности экономики в целом, а также отдельных методов её регулирования. И если перейти на частную ситуацию, которую мы сейчас можем наблюдать в Российской Федерации, то можно сказать об активной поддержке предпринимательства, благодаря которой, в частности, число малых и средних зарегистрированных предприятий с каждым годом увеличивается. Согласно данным на 21.12.21 в России количество занятых в малом и среднем бизнесе превысило 25,2 млн человек² по сравнению с 23 миллионами человек, зарегистрированных в 2020 году, что не может не говорить о существовании эффективной системы, которой люди всецело доверяют, стремясь внести свой вклад в развитие отечественной экономики. Здесь же стоит упомянуть о реформе контрольно-надзорной деятельности, проведённой в июле 2021 года, целью которой было сократить излишнее административное давление на бизнес и перевести деятельность государственных органов, осуществляющих контроль и надзор на риск-ориентированный подход.

Список источников

1. Быстрякова, А.Я. / Государственное регулирование развития предпринимательства: опыт, проблемы, инновации — Москва: Проспект, 2015. — 144 с.
2. Шамхалов, Ф.И. / Государство и экономика. Власть и бизнес. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. — 714 с.
3. Ермолаева, О.Н. // Право и экономика— Административно-правовые основы предпринимательской деятельности ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 11. ПРАВО. 2011. № 5.

Информация об авторах

М.А. СТЕПИНА — студентка 1 курса.

Information about authors

M.A. STEPINA — 1st year student.

¹ Информация Минэкономразвития России от 16.12.2021 «Законопроект о смягчении административной нагрузки на малый бизнес и СОНКО одобрен Правительством».

² См. статья «Российской газеты» от. 21.12.2021 / «Названо число россиян, занятых в сфере малого и среднего бизнеса» под ред. Е. Манукиян.

Научная статья
УДК 349.415

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ВОДООХРАННЫХ ЗОН И ПРИБРЕЖНЫХ ЗАЩИТНЫХ ПОЛОС ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

Дарья Владимировна ФОНАРЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
FireSea623@yandex.ru

Научный руководитель доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Марина Борисовна КАБАНОВА**, 9578942@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности специального правового режима водоохраных зон и прибрежных защитных полос водных объектов. Отдельное внимание уделено важности соблюдения правил их использования. На основе действующего законодательства приведены характеристики размеров и границ водоохраных зон и прибрежных защитных полос.

Ключевые слова: водоохранная зона, защитная прибрежная полоса, правовой режим, водное законодательство, водный кодекс

FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF WATER PROTECTION ZONES AND COASTAL PROTECTIVE STRIPS OF WATER BODIES

Daria V. FONAREVA

St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
FireSea623@yandex.ru

Scientific adviser — Senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), **M.B. Kabanova**, 9578942@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of the special legal regime of water protection zones and coastal protective strips of water bodies. Special attention is paid to the importance of observing the rules of their use. Based on the current legislation, the characteristics of the sizes and boundaries of water protection zones and coastal protection strips are given.

Keywords: water protection zone, protective coastal strip, legal regime, water legislation, water code

Водоохранными зонами называются территории, которые примыкают к береговой линии водных объектов: озер, рек, ручьев, каналов, водохранилищ и морей. В соответствии со ст. 65 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ), для таких зон характерен специальный режим осуществления хозяйственной и иной деятельности¹.

Основное назначение зоны – это обеспечение условий для поддержания вод в состоянии, отвечающем экологическим требованиям. О. А. Романова отмечает, что «водоохранные зоны должны служить естественными барьерами, преграждающими поступление загрязняющих веществ в водные объекты в составе поверхностного и подземного стока» [1, с. 85].

Согласно ч. 4 ст. 65 ВК РФ, размеры и границы водоохраных зон устанавливаются с учетом физических, географических и других условий. Ширина водоохраных зон рек и ручьев устанавливается с учетом их протяженности от истока. Например, в случае протяженности водного объекта до 10 километров – в размере 50 метров. Для истоков рек или ручьев радиус водоохранной зоны устанавливается

¹ «Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 30.12.2021).

в размере 50 м. В Водном кодексе рассматриваются и иные случаи. В частности, ширина водоохранной зоны озер и водохранилищ, по общему правилу, составляет 50 м.; морей – 500 м.

Специальный правовой режим водоохранной зоны и прибрежной защитной полосы установлен с целью предотвращения загрязнения водных объектов, сохранения биоразнообразия. Обе указанные земельноправовые категории включены в 105 статью Земельного кодекса Российской Федерации как зоны с особыми условиями использования территорий [2, ст. 105].

Рассуждая о сущности правового режима как такового, Алексеев С.С. отмечает, что «это порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [3, с. 185]. Специальный правовой режим использования прибрежной территории состоит, прежде всего, из запретов на осуществление отдельных видов хозяйственной и иной деятельности. В ч. 15 ст. 65 ВК РФ установлен перечень ограничений для водоохранной зоны, а для прибрежной защитной полосы – в ч. 17 ст. 65 ВК РФ. Их соблюдение «обязательно для всех хозяйствующих субъектов, независимо от категории земель и вида разрешенного использования, на которые режим распространяется» [3, с. 181]. Ниже приведены одни из основных запретов в границах водоохранной зоны:

1) размещение кладбищ, объектов размещения отходов производства и потребления, отравляющих и ядовитых веществ и др.;

2) движение и стоянка транспортных средств (кроме специальных транспортных средств). Исключением является движение по дорогам, а также стоянки на дорогах или в иных местах, которые имеют твердое покрытие;

3) разведка и добыча общераспространенных полезных ископаемых. Однако такая деятельность разрешена для пользователей недр, осуществляющих разведку и добычу иных видов полезных ископаемых, в границах, предоставленных им в соответствии с законодательством Российской Федерации о недрах горных отводов и (или) геологических отводов, на основании утвержденного технического проекта¹ и др.

Важно отметить, что на территориях, расположенных в границах водоохранной зоны и занятых (особо) защитными лесами, дополнительно действуют ограничения, в соответствии с установленным лесным законодательством правовым режимом (особо) защитных лесов.

В то же время допускаются строительство, эксплуатация хозяйственных и иных объектов, занятие садоводством и огородничеством и другие виды деятельности при условии наличия сооружений, которые обеспечивают охрану водных объектов. При этом под сооружениями, обеспечивающими охрану от загрязнения, засорения, заиления и истощения вод, понимаются канализации, очистные сооружения для сточных вод и др.

Рассмотрим еще одну земельноправовую категорию, а именно прибрежную защитную полосу, которая располагается в границах водоохранной зоны. Ее ширина зависит от уклона берега водного объекта. Уклон в градусах рассчитывается по следующей формуле:

$$i = \arctg (\Delta H:L) [4, с. 19], \text{ где}$$

i – угол уклона,

ΔH – разница в отметках высоты,

L – расстояние.

Например, для обратного или нулевого уклона ширина составляет 30 м.

¹ Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 N 2395-1 (последняя редакция).

Если реки, озера, водохранилища, являются средой обитания, местами воспроизводства и нереста, миграционными путями особо ценных водных биологических ресурсов, то ширина прибрежной защитной полосы не зависит от уклона берега и устанавливается в размере 200 м.

Помимо ограничений, установленных для водоохранных зон в целом, на законодательном уровне прямо предусмотрены запреты, действующие непосредственно на прибрежных защитных полосах. К ним относятся:

- 1) распашка земель;
- 2) размещение отвалов размываемых грунтов;
- 3) выпас, летние ванны для сельскохозяйственных животных.

В пределах территорий водоохранных зон разрешается проведение выборочных санитарных рубок и мероприятий, обеспечивающих охрану водных объектов.

Цаплина А.М. пишет, что соблюдение специального правового режима возможно «при условии обеспечения государством эффективной работы механизма по стимулированию «позитивного экологического поведения» (например, для физических лиц: создание системы поощрения сбора отходов потребления в обмен на получение материальных благ), при условии повышения уровня экологической культуры в обществе и, с другой стороны, с помощью применения санкций за оказание негативного воздействия на окружающую среду, т.е. привлечения лица к административной или уголовной ответственности» [3, с. 178]. В частности, нарушение правил использования прибрежной защитной полосы или водоохранной зоны водного объекта влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 3 тысяч до 4 тысяч 500 рублей. Для должностных лиц штраф составляет от 8 тысяч до 12 тысяч рублей; для юридических лиц – от 200 тысяч до 400 тысяч рублей¹.

Таким образом, правовой режим водоохранных зон и прибрежных защитных полос, который преимущественно состоит из запретов на осуществление определенных видов хозяйственной и иной деятельности, обусловлен целями, видами водопользования и т.д. Несоблюдение этих требований может привести не только к отдельным негативным экологическим проявлениям (ухудшение качества воды в водном объекте), но и нанести вред окружающей среде в целом, в том числе здоровью населения.

Список источников

1. Романова О. А. Правовое регулирование водоохранных зон // Аграрное и земельное право. – 2008. – № 6 (42). – С. 85-91.
2. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. 286 с.
3. Цаплина А. М. Эколого-правовые проблемы формирования и функционирования водоохранных зон // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 177-184.
4. Илларионов В.А. Инженерная гидрология: методические рекомендации по учебной практике для студентов. – Сыктывкар : СЛИ, 2011. 33 с.

Информация об авторах

Д.В. ФОНАРЕВА – студентка 2 курса.

Information about authors

D.V. FONAREVA – 2st year student.

¹ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022).

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКОМУ ОРИГИНАЛУ

Уважаемые Авторы, перед направлением статьи для опубликования в журнале «Альманах молодого исследователя» просим Вас ознакомиться с содержанием разделов «Редакционная политика» и «Редакционная этика» на сайте Института.

К рассмотрению принимаются статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других редакциях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы.

Все поступившие для опубликования в «Альманахе молодого исследователя» статьи проходят рецензирование, а также проверку оригинальности текста системой «Антиплагиат».

Рукопись научной статьи (далее – рукопись, статья) представляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (формат – rtf).

Рекомендуемый объем статьи от 0,3 до 0,4 авторского листа (12 000–16 000 знаков с пробелами). Учитывается объем всего направляемого материала: информация об авторе, аннотация, текст, список источников (включая перевод на английский язык и транслитерацию списка источников).

Перед текстом статьи указывается УДК.

Статья в обязательном порядке должна включать следующие структурные элементы:

- название статьи;
- сведения об авторе (авторах);
- аннотацию;
- ключевые слова;
- список источников (на русском и английском языках).

Материалы, предназначенные для опубликования, направляются в редакционную коллегия журнала на электронный адрес: almanakh2016@mail.ru.

Отдельными файлами предоставляются:

текст статьи (см. подробно в образце оформления статьи). Название файла: Фамилия И.О. статья (например, Иванов И.И. статья); файл необходимо сохранять в формате RTF;

отсканированная рецензия научного руководителя, заверенная печатью учебного заведения (в случае отсутствия рецензии научного руководителя материалы не рассматриваются). Название файла: Фамилия И.О. рецензия (например, Иванов И.И. Рецензия);

согласие на обработку персональных данных автора и на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети интернет. Название файла: Фамилия И.О. согласие (например, Иванов И.И. согласие).

Публикация статей осуществляется в авторской редакции. За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы).

Требования к оформлению статьи:

текст должен быть набран в редакторе Word for Windows;

стиль оформления основного текста должен содержать следующие установки; гарнитура «Times New Roman Cyr»; расстояние между строками текста – 1,5 интервала, между текстом и заголовками – 1 строка, заголовок – прописными; размер шрифта – 14, абзацный отступ – 0,75; выравнивание – по ширине; перенос – автоматический; поля: верхнее, нижнее, левое, правое – 25 мм; нумерация страниц – внизу по центру;

библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников. В тексте статьи да-

ются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка к источнику информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скобках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]);

перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников», в перечень затекстовых библиографических ссылок включаются только источники, которые упоминаются или цитируются в основном тексте статьи (общее количество источников не должно превышать 5–7);

в список источников включаются только научные публикации; ссылки на интернет-ресурсы, публикации в средствах массовой информации, нормативно-правовые акты и т. п. указываются в постраничных сносках;

библиографическая запись затекстовых ссылок, а также отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

В статье могут быть внутритекстовые и подстрочные примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи;

внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5;

рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в распечатке и отдельным файлом в электронном виде. При фактическом размере изображения в публикации они должны иметь полиграфическое разрешение не менее 300 точек/дюйм;

для обозначения номера нормативного акта в тексте и сносках используется знак «№»;

для обозначения кавычек используется знак «»;

текст статьи должен быть оригинальным (не менее 60 % оригинальности по результатам системы «Антиплагиат»);

текст статьи должен соответствовать правилам русского языка (наличие чрезмерного количества орфографических, грамматических, речевых, логических, синтаксических, пунктуационных ошибок является основанием для отказа в публикации работы).

Рекомендации авторам по составлению аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация – краткая характеристика научной статьи с точки зрения ее назначения, содержания, вида, формы и других особенностей.

Аннотация выполняет следующие функции: позволяет получить представление об основном содержании научной статьи, определить ее релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту статьи; характеризует тему, основные проблемы научной статьи, цели работы и ее результаты; используется в информационных, в том числе автоматизированных системах для поиска информации.

Аннотация включает характеристику темы, основной проблемы (проблем), объекта, цели исследования, основных результатов. Рекомендуемый объем аннотации – до 80 слов.

Ключевые слова характеризуют основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана статья), тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7 на русском языке, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Научная статья
УДК 340.5

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Дени Ширваниевич БИСУЛТАНОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
deni.bisultanov.2014@mail.ru

Научный руководитель профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **Илья Львович ЧЕСТНОВ**, ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. Со второй половины XX века всё больший интерес у учёных возникает к вопросу о наличии или отсутствии такого не характерного для романо-германской правовой системы источника права, как судебный прецедент. В данной статье будет подниматься дискуссионный вопрос о роли и значении судебного прецедента в странах романо-германской правовой системы.

Ключевые слова: источник права, судебный прецедент, общее право, романо-германская правовая система, англосаксонская правовая система

JUDICIAL PRECEDENT IN THE ROMAN-GERMAN LEGAL SYSTEM

Deni Sh. BISULTANOV

St. Petersburg Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
deni.bisultanov.2014@mail.ru

Scientific adviser – Professor at the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Full Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, **I. L. Chestnov**, ilchestnov@yandex.ru

Abstract. Since the second half of the 20th century, scientists have become increasingly interested in the question of the presence or absence of such a source of law, uncharacteristic for the Romano-Germanic system, as a judicial precedent. This article will raise a debatable question about the role and judicial precedent in the countries of the Romano-Germanic judicial system.

Keywords: source of law, judicial precedent, common law, Romano-Germanic legal system, Anglo-Saxon legal system

Текст, текст, текст [1, с. 258]. Текст, текст, текст, текст, текст¹, текст.

Текст, текст, текст, текст [2], текст, текст.

Текст, текст, текст, текст, текст. Текст, текст, текст, текст, текст [1, с. 25-28].

Список источников

1.
2.

Информация об авторах

Д.Ш. Бисултанов – студент 1 курса.

Information about authors

D.Sh. Bisultanov – 1st year student.

¹ источник.....

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
в мае – декабре 2022 г.**

Название мероприятия	Форма участия	Публикация	Время проведения
2022 год			
Ежегодная всероссийская интернет-конференция «Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза»	Заочная	Да	Май-октябрь
I Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовный процесс: вчера, сегодня, завтра»	Очная, заочная	Да (конкурсный отбор)	Сентябрь
Ежегодный криминалистический форум «Санкт-Петербургская школа криминалистики» / молодежная секция	Очная, заочная,	Да	Октябрь
VI Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Прокуратура вчера, сегодня, завтра»	Очная, заочная	Да	Октябрь
VIII ежегодная научно-практическая конференция «Уголовное право России: состояние и перспективы. Преступления против общественной безопасности (Волженкинские чтения)» / молодежная секция	Очная, заочная	Да	Ноябрь
Межвузовская студенческая Олимпиада по истории государства и права России и зарубежных стран	Очная	Нет	Ноябрь-декабрь

**XIII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ**
«Актуальные проблемы государства, права и экономики»
(к 300-летию российской прокуратуры)

23 апреля 2022 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась XIII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Актуальные проблемы государства, права и экономики».

На основании результатов конкурсного отбора из более 200 заявок для очного и дистанционного участия были допущены 150 представителей 30 высших учебных заведений, в том числе представители Донецкого национального университета, Академии МВД Республики Беларусь, Университета прокуратуры Российской Федерации и его филиалов, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О.Е. Кутафина, Санкт-Петербургской юридической академии, Белгородского государственного национального исследовательского университета, Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел России, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, Дальневосточного федерального университета, Саратовской государственной юридической академии и др.

При подведении итогов работы конференции ее результаты получили высокую оценку со стороны руководителей секций, были отмечены высокий уровень подготовки участников, актуальность, дискуссионность и практическая значимость вопросов, выбранных студентами для исследований.

По результатам работы конференции будет издан сборник докладов участников.

Все студенты, участвовавшие в работе конференции, получили сертификаты участника, а победители были награждены дипломами и призами. Призовые места на секциях распределились следующим образом:

**Секция № 1. Общетеоретические проблемы права,
государства и экономики**

I место – Федичев Дмитрий Вадимович (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Погодин Дмитрий Сергеевич (Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации).

III место – Николаев Сергей Васильевич (Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина).

**Секция № 2. Актуальные теоретические
и практические вопросы гражданского права**

I место – Полин Никита Олегович (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Денисова Юлия Сергеевна, Масленникова Екатерина Денисовна (Университет прокуратуры Российской Федерации).

III место – Ерош София Геннадьевна, Иванова Елизавета Павловна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

Секция № 3. Актуальные проблемы процессуального права (гражданский и арбитражный процесс)

I место – Горн Игорь Владимирович, Сергеенко Роман Алексеевич (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Стребкова Екатерина Геннадьевна (Саратовская государственная юридическая академия).

III место – Бондарчук Андрей Дмитриевич, Иванов Алексей Владимирович (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

Секция № 4. Проблемы трудового права и права социального обеспечения

I место – Крамской Артем Сергеевич, Ясеновская Екатерина Александровна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Кульпин Алексей Андреевич (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

III место – Смирнова Светлана Александровна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

Секция № 5. Актуальные проблемы уголовного права и криминологии

I место – Рябов Илья Михайлович (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Амирасулов Гаджи Магомедович, Ахаминов Тамирлан Заурович (Университет прокуратуры Российской Федерации).

III место – Кочеткова Кристина Петровна, Пронина Анастасия Геннадьевна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

Секция № 6. Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики

I место – Отченаш Анастасия Юрьевна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Лямцев Святослав Васильевич, Москалев Георгий Александрович (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

III место – Архипова Анастасия Юрьевна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

Секция № 7. Актуальные проблемы прокурорской деятельности

I место – Трусова Кристина Александровна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Ворышева Кира Владимировна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

III место – Лемехов Сергей Витальевич (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

Секция № 8. Актуальные проблемы конституционного, административного права и административного судопроизводства

I место – Ершова Полина Алексеевна, Лукин Артём Дмитриевич (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Косенкова Анна Анатольевна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

III место – Матвеев Даниил Владимирович (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

Секция № 9. Актуальные проблемы финансового и налогового права

I место – Онучина Софья Леонидовна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Симакова Екатерина Андреевна (Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации).

Секция № 10. Актуальные проблемы экологического и земельного права

I место – Перевезенцева Наталья Дмитриевна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Садкова Полина Сергеевна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

III место – Габирова Эльвира Галибовна, Сушкина Валерия Владимировна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

Секция № 11. Актуальные вопросы истории и теории государства и права

I место – Лихоманова Яна Юрьевна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации)

II место – Артемьева Элина Николаевна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации)

III место – Власова Мария Владимировна, Степина Мария Алексеевна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

Секция № 12. Актуальный вопросы международного публичного и международного частного права

I место – Шишкин Олег Евгеньевич (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

II место – Львов Александр Денисович, Яковлев Илья Владимирович (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

III место – Потапова Софья Сергеевна, Раевская Анастасия Евгеньевна (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации).

